

Купава Огинская

ЖЕНА
БОЛОТНОГО
ЦАРЯ

Купава Огинская

ЖЕНА БОЛОТНОГО ЦАРЯ

ГЛАВА I. На границе Сумеречных топей

Уже добрых полчаса на болоте кричала какая-то бешеная птица. Надрывалась, старалась, нагнетала атмосферу... зараза. Будто не меня, а ее к дереву привязали, в сторонке от разбитого лагеря, да собирались в жертву Болотному царю принести.

От костра, разведенного по случаю позднего вечера и скорого ужина, раздался тихий трусливый смех. Убивцам моим было весело, но боязно — Сумеречные топи слыли местом гиблым, никто в здравом уме не рискнул бы привлечь к себе внимание местных обитателей.

Особенно дикие племена, живущие, или, правильнее было бы сказать — выживающие, на границе болот, до сих пор приносили жертвы этим топям, по старой памяти, так и не изжив глупых суеверий. И все бы ничего, меня бы это даже не особо беспокоило, не случись мне стать этой самой жертвой.

Беспомощной, бесправной, без пяти минут утопленницей. До полуночи осталось не больше получаса, а после — камень на шею да глубокая черная река как новый дом родной...

У убийцы и узурпатора, захватившего трон моего отца, было извращенное чувство юмора — обставить мою смерть он повелел в лучших традициях закоренелого тирана.

Последней кровинке правящего рода суждено было согнуться в древнем ритуале. Аратан Пламенеющий — новый правитель Зорцесвета, самопровозглашенный, вырвавший это звание с сердцем законного короля, — повелел отдать меня в жены Болотному царю. Раз уж выйти за него, Аратана, и тем самым узаконить его власть над землями моего отца я не пожелала.

А без моей доброй воли корону из рук каменного Хранителя высвободить Аратану было не суждено... Кровь светлых королей не текла в его жилах, ему нечем было пробудить древнюю магию.

Тихо хрустнула ветка, предательски выдав чье-то приближение.

Я подобралась. Путь до топей был неблизким, за это время я успела вдоволь налюбоваться на своих пленителей и ни от одного из них ничего хорошего не ждала.

Ожидая самого худшего, я оказалась совершенно не готова к действительности.

— Здравствуй, красавица, — раздался из темноты незнакомый мужской голос. Укрытая ночью, фигура говорившего была мне совершенно не видна: ни лица, ни одежды, ни хотя бы зыбких очертаний — все поглотила чернота. Лишь глаза мужчины отчетливо и жутко Ксэнаркали, пылая красноватыми всполохами и выдавая в нем мага.

Что ж, могло быть и хуже... наверное.

Последний раз нормально умывавшаяся почти три недели назад, в мятой одежде с чужого плеча, растрепанная, с дурацкой нитью красных бус на шее и десятком таких же бусин в волосах, я тихо хохотнула. Красавица, как же... Да меня сейчас кикиморы как родную сестру встретят и подмены не почуют.

— Вы кто такой?

— Разве так встречают своего спасителя? — упрекнул меня незнакомец.

Я промолчала, отказываясь признавать в нем спасителя.

Мужчина растерянно кашлянул. Не на такую встречу он рассчитывал.

— Попробуем еще раз, — решил этот странный тип после недолгих раздумий. — Скоро ты умрешь.

Я тихо хмыкнула — хорошее начало разговора, ничего не скажешь.

— Будем откровенны: если бы не страх этих недоумков перед новым королем, — как ни в

чем не бывало продолжал мужчина, глянув в сторону виднеющихся сквозь ветки отблесков костра, — и полностью обоснованный и суеверный ужас перед Болотным царем, смерть свою, мучительную и отталкивающую, ты встретила бы куда раньше, на первом же постоялом дворе, где вы останавливались на ночлег. Но тебе повезло, ты достигла топей целой и невредимой. Сейчас тебе может повезти еще раз.

Он замолчал. И я бы могла проигнорировать его слова, не подать виду, не показать, как они меня заинтересовали... Возможно, маг попытался бы до меня достучаться, предпринял еще одну попытку вызвать на разговор, а может, просто плюнул бы и ушел, решив вычеркнуть меня из своего списка дел на эту ночь.

Птица перестала кричать, будто почувствовав важность момента, но тишина не наступила. Я слышала позвякивание ложек о стенки походного котелка, негромкие разговоры у костра и свое сиплое дыхание.

Выбор у меня был невелик.

— И все же, кто вы такой?

— Разве это так важно, если я предлагаю спасение? — удивился он. — Я делаю тебе большое одолжение, не думаешь, что стоит быть благодарной?

— И не такой подозрительной? — усмехнулась я.

Веревки натирали запястья, я хотела пить и есть: меня не посчитали нужным кормить сегодня, справедливо решив, что переводить продукты на почти утопленницу — бессмысленное дело. Мне было холодно и страшно, и я готова была согласиться, что имя его не имеет никакого значения. Уж точно не сейчас... но не могла. Не было во мне столько отчаяния, чтобы хвататься за первую протянутую руку. В другой руке моего нежданного спасителя вполне мог таиться нож.

На свете существовали смерти страшнее ритуального утопления.

— Хорошо, — сдался он. — Не понимаю, что тебе это даст, но... меня зовут Арис. Я маг из Акатана.

Последнее мужчина произнес с особой важностью, словно ожидая, что, услышав это, я тут же изменю свое мнение и стану верить ему безоговорочно.

Как будто его принадлежность к Ордену Последней Звезды могла оказаться для меня неожиданностью... после всех этих фокусов с ночным зрением. Глаза в темноте так страшно Ксэнаркали лишь у оборотней, получивших эту свою особенность от зверей, и у магов.

Вот только у оборотней глаза светились зеленоватыми всполохами, напоминая о лесе и свободе, — я знала это не понаслышке, командором дворцовой стражи моего отца был оборотень... пока новый король не разжаловал его, лишив не только звания, но и головы.

Глаза же магов сияли красным.

— И вы предлагаете свою помощь потому, что?.. — заговорила я, когда стало ясно, что продолжать маг Арис из Акатана не планирует.

— Думаешь, я не могу делать это бескорыстно? — спросил мужчина, и в голосе его слышалась улыбка.

— Нет.

Время уходило, я буквально чувствовала, как моя жизнь с каждым вздохом становится короче, — до полуночи оставалось совсем немного...

— Ты права, — наконец неохотно заговорил маг. — Взамен мне нужна будет одна услуга. Но, поверь, все это в твоих интересах.

— Действительно?

Арис вздохнул. Кажется, я его раздражала, но просто отвернуться и уйти он не спешил,

уверяя меня в подозрении, что цена за спасение мне совсем не понравится.

— Даже если я сейчас разорву веревки и позволю тебе сбежать... Даже если помогу выбраться из топей, это ничего не решит, — начал он издалека. — Идти тебе некуда, беглую принцессу найдут везде. Мало кто осмелится пойти против нового короля и помочь тебе, рискуя стать пищей для костров Аратана...

— Я уже поняла, участь моя незавидна, — угрюмо перебила его я. — От меня вам что нужно?

— Но это все поправимо, — как ни в чем не бывало продолжил Арис. — Именно в это время, всего в четырех милях на юго-запад от этого лагеря, дочь Болотного царя идет прямо к очагу наболотника.

— Наболотника?

— Хищная болотная трава, — терпеливо пояснил маг. — Смерть в ее объятиях долга и мучительна. Наболотник любит свежее мясо и предпочитает оставлять свою пищу живой.

Я содрогнулась.

— И я должна ей посочувствовать? Утешиться тем, что меня всего лишь утопят, а ее съедят заживо?

— Нет. Ты должна ее спасти.

— Что?! — вскинулась я, но тут же опомнилась и плотно сжала губы, с ужасом прислушиваясь к мирным звукам ночи. Маг сокрушенно поцокал языком, опечаленный моей глупой импульсивностью.

На этот раз обошлось. Надсмотрщики мои то ли ничего не услышали, то ли просто поленились проверять, что у меня случилось...

Прошло не меньше минуты, прежде чем Арис заговорил вновь.

— Только так ты сможешь попасть к болотникам. Спасешь их царевну и выведешь ее к отцу, что должен был уже лично отправиться на поиски. Попытайся расположить ее к себе, девочка доверчивая, трудностей с этим возникнуть не должно. — Маг с заминкой добавил: — Когда вас найдут, расскажешь, кто ты и откуда. Скажешь, что тебе чудом удалось сбежать из лагеря, когда на него напала голодная нечисть. Что тебя хотели принести в жертву Болотному царю — он не любит, когда во имя его убивают, вероятно, пожалеет тебя. Еще скажешь, что идти тебе некуда...

Это был самый натуральный инструктаж. У Ариса даже голос изменился, когда он начал раздавать мне приказания, — сделался властным, сухим и совершенно неприятным.

— И ни слова не скажешь обо мне, поняла?

— Отчего же?

— У меня... сложные отношения с местными жителями. Если они узнают, кто тебе помог, убьют на месте.

— Ха...

О том, что мне нужно любым способом попасть в дом Болотного царя, втереться к нему в доверие и выкрасть некий кристалл, благоговейно названный магом Сердцем Топи, я слушала очень внимательно, не перебивая.

— Если тебе удастся, — закончил свой монолог Арис щедрым обещанием, — и ты достанешь для меня Сердце, я помогу тебе вернуть трон и наказать убийцу твоей семьи.

— Поможете? — усмехнулась я. — Орден отказал нам в помощи, ваши старейшины не пожелали идти против Пламенеющего ублюдка...

— Разве принцессе подобает так выражаться? — с укором спросил Арис и был мною

проигнорирован.

— Они отказались помогать и наложили запрет на магов... — попыталась продолжить я, но была прервана резким:

— Не стоит думать, будто я не в курсе. Я знаю.

— Тогда вы должны знать, что ждет ослушавшегося. Не говоря уже о том, что одного мага, каким бы сильным он ни был, недостаточно для того, чтобы победить Аратана и его ведовок.

— Знаю, — спокойно отозвался маг. — Но если у меня будет Сердце, ничто не станет мне помехой. Я возведу тебя на трон.

Никогда я не желала править. Корону должен был принять брат, ему надлежало сменить отца, это было его время... Но сейчас, услышав обещание мага, кровь моя закипела.

Я хотела мести больше всего на свете. Даже если после корону из рук Хранителя мне придется принять самой.

С трудом подавив рвущиеся с губ слова согласия — согласия на все что угодно, лишь бы голова Пламенеющего оказалась у моих ног, — я медленно спросила:

— И я должна поверить вам на слово? — Если я чему-то и научилась за свою короткую жизнь, так это быть осторожной... по крайней мере, мне так казалось.

— Клятва тебя устроит? — деловито спросил маг.

— Я ни в чем клясться не буду, — предупредила его на всякий случай и очень удивилась, когда Арис рассмеялся.

— О, я не запуганная семнадцатилетняя девчонка. Я доверчив, мне будет достаточно лишь твоего слова... Твоему слову ведь можно верить?

Вместо ответа я мрачно сообщила:

— Мне восемнадцать.

Уже три дня как восемнадцать.

Он не уделил этому факту никакого внимания.

Легко произнес слова клятвы... слишком легко, на одно мгновение я даже усомнилась в их силе. Хотя особого выбора у меня все равно не было, как и времени все обдумать.

Веревки, сдерживавшие меня, лопнули, даря свободу. И ровно в то самое мгновение от костра послышался душераздирающий крик.

— Что... — выдохнула я, опасливо вглядываясь в беспокойные отсветы костра. Подняться на ноги удалось с трудом.

— Нападение нечисти, чтобы твоя легенда была правдоподобной, — ответил на незаданный вопрос маг. — Ты же не думаешь, что твоим словам безоговорочно поверят, не утрудив себя их проверить?

Я хотела честно признаться, что еще ни о чем не думала, что все мои силы уходили на сдерживание эмоций.

Долгие дни я укрывалась от мира равнодушием, но лишь сейчас поняла, как тяжело мне это давалось, сколько энергии уходило на то, чтобы прятаться в этой холодной безучастности от своего горя и всех своих страхов. Бездна надежды моего положения скрепляла стенки спасительного кокона, но надежда на спасение... надежда на отмщение сделала их уязвимыми.

Стена трещала, казалось, я слышу, как она хрустит, не в силах сдержать мои чувства.

Я оживала, но как же не вовремя.

— Беги, — поторопил меня Арис.

— Подождите, но как мне с вами связаться? — Медленно и трусливо пятясь назад, подальше от страшного пиршества, звуки которого холодной волной проходились по телу, я беспомощно дрожала в темноте. Непроглядная, эта ночь хорошо подходила для смерти, но никак не для чудесного спасения.

— Я сам с тобой свяжусь, — пообещал маг. — Поспеши. Если девочка умрет, наш план провалится.

Я почувствовала как что-то невидимое толкнуло меня в плечо, поторапливая и направляя.

Я бежала... а что еще мне оставалось делать?

Бежала, утопая по щиколотку в холодной воде, ранила ноги осокой и стараясь не думать о том, что где-то здесь, возможно всего в шаге от меня, мелководье обрывается в бездонную пропасть Черноводной реки — главной, самой широкой, самой глубокой и самой непредсказуемой реки топей.

Если верить сплетням, Черноводная, исток которой находился где-то среди далеких высоких гор, каким-то чудом проходила по территориям Болотного царя, не потерявшись в топях, бережно выносила свои воды людям и тянулась до самого восточного моря, за беспокойный нрав и частые шторма зовущегося Диким.

Бежала, не видя ничего вокруг, боясь споткнуться и упасть или налететь на дерево... или на что-нибудь похуже. Что-то живое, хотя бы условно, и голодное.

Боялась, что давно сбилась с курса, что не смогу найти ни наболотник, ни царевну... но все равно бежала.

Оскальзываясь, свалившись пару раз в холодную воду, разодрав рукав платья, а вместе с ним и руку какой-то корягой, спрятанной в воде: поднявшейся и затопившей все окрестности по случаю весны, да так до сих пор не вернувшейся в свои границы... Я позабыла про боль, не чувствовала холода, почти не ощущала своего тела.

Безумная гонка оборвалась неожиданно.

Момент, когда деревья расплели свои ветви над моей головой, а ветер прогнал тучи, укрывавшие луну и звезды, я пропустила. Просто в один миг оказалась перед залитой лунным светом поляной, выскочив из каких-то кустов, чьи колючие ветки оставили на моем лице и руках тонкие красные полосы.

Вода, потревоженная моими нервными движениями, пошла волнами, смяв отражение необычно большой, полнобокой луны. По землям некогда моего королевства и сопредельных государств ходило странное поверье, будто на территории Сумеречных топей небо находится ниже. Оттого и звезды здесь больше, и луна раздается в размерах...

Над головой зашуршала листва, и я отпрянула в сторону. Налетела на дерево, судорожно вздохнула, в последний момент подавив рвущийся с губ вскрик, и замерла. В небо, с ветки, под которой я только что стояла, слетела странная птица... или не птица.

Мне мало что было известно о болотах, о животных и нечисти, что жила здесь. Я не знала названия странного крылатого существа — помеси летучей мыши и утки, что, легко облетев по кругу поляну, рухнуло в воду ближе к западной границе. Раскинув широкие кожистые крылья по воде, оно несколько секунд лежало так недвижно, после тяжело поднялось в воздух, поднимая тучу брызг и держа в пасти извивающуюся длинную тварь, хвост которой оканчивался крючком.

От увиденного мне сделалось не по себе.

Прижавшись спиной к дереву, я захныкала, поджимая поочередно то одну, то вторую ногу. Пока бежала по лесу, не думала о том, что в воде может обитать что-то страшнее пугливой рыбы. Сейчас задумалась.

На несколько минут я просто оцепенела от страха. Боялась сделать шаг, боялась пошевелиться, да даже дышала через раз и все ждала, что в ногу мою вот-вот вопьются чьи-то зубы. Или костяной, хищно загнутый коготь...

Время шло, а на меня так никто и не напал.

Я немного успокоилась.

Загнав поглубже сомнения и страхи, с трудом заставила себя сделать первый шаг. Не на поляну, настолько отчаянно смелой я не была даже в детстве.

Перебираясь от дерева к дереву, я приняла трусливое решение миновать это жуткое место круглым путем. Казалось почему-то, что рядом с деревьями безопаснее.

Выбор мой был верным, и в скором времени я не только миновала поляну, но и выбралась на сушу.

Хотелось плакать от облегчения.

И я бы непременно поплакала, не нарушь мои планы близкий шум. Кто-то продирался сквозь кусты с основательностью медведя и истеричностью голодной белки.

Какое-то время я прислушивалась к звукам, все отчетливее осознавая, что прокладываемый кем-то путь ведет в мою сторону. Выбор у меня был небольшой: либо встретить создание, чем бы оно ни было, распростертыми объятиями, либо отступить обратно в воду и попробовать найти другой путь — от отвращения и страха меня всю передернуло... Либо скрыться в высоких зарослях какой-то тонкой сероватой травы по правую руку от меня. Слева были лишь голые деревца, чахлые и ненадежные.

Я нерешительно приблизилась к траве. Было в ней что-то тревожащее, что не позволяло мне опрометчиво броситься в серую гущу, укрываясь с головой. Подступив чуть ближе, почти касаясь первых травинок пальцами ног, я все сомневалась. Шум нарастал, создание упорно ломилось в мою сторону, хрустя иссохшими ветками кустов, а я не могла понять, что меня смущает.

В основном, смущало меня, конечно, то, что, кроме этой травы, чувствовавшей себя вроде бы очень хорошо на безжизненной больной земле, никаких других растений не было. Только едва живые деревья слева и иссохшие кусты впереди...

Травинки качнулись ко мне будто под порывом легкого ветра, но правда была в том, что ветра здесь не было.

Ноги, где их коснулись тонкие стебли, обожгло болью. Ойкнув, я отступила, задирая подол платья, — на посиневшей от холода коже набухали кровью тонкие порезы.

Я попятилась.

— Наболотник, да? — спросила тихо. Никто ожидаемо не ответил, но это было уже неважно. Прятаться мне было негде, а вернуться обратно в воду я бы не заставила себя и под страхом смерти.

Доковыляв до ближайшего дерева, я тяжело опустилась на землю, прислонившись спиной к тонкому стволу. Влажное платье неприятно липло к телу.

Трава гневно шуршала, то ли ругаясь на себя за поспешность, то ли на меня за нежелание стать пищей.

Мне было все равно. Прикрыв глаза, я слушала, как кусты трещат совсем близко, а сквозь треск уже слышатся тоненькие жалобные подвывания и судорожные всхлипы, и просто надеялась, что это именно тот наболотник, о котором говорил Арис. И это сейчас ко мне спешит царская дочка, а не какая-нибудь местная нечисть, готовая заморочить меня, заманить в свое логово и съесть.

Луна, казалось, спустилась еще ниже, когда из плена цепких веток вырвалась заплаканная и запуганная девушка... девочка. Света стало больше, и я смогла разглядеть то, чего увидеть и не надеялась.

На вид ей было не больше двенадцати лет, быть может тринадцать. Худая, нескладная, как утенок, утративший детский пушок, но не обретший еще взрослой солидности. Глаза ее едва заметно светились в темноте изумрудной зеленью, почему-то будя во мне воспоминания о маме. Ее любимые серьги горели тем же чарующим зеленым светом, ловя солнечные лучи. Я помнила, как забавлялась, глядя на мамины старания подобрать платье под цвет ее любимых искрящихся изумрудов.

По повелению Аратана маму похоронили в них — единственная моя просьба, которую он выполнил. Тогда еще Пламенеющий надеялся, что я сделаю его королем...

Девчонка замерла, трусливо глядя на меня.

— Привет, — прохрипела я. Она отпрянула.

Откашлявшись и смочив пересохшее горло слюной, я попыталась исправить положение:

— Не бойся, я тебя не обижу.

— Ты кто? — громко спросила она, воинственно задирая острый подбородок. Голос ее дрожал.

— Рагда, — просто ответила я. Никаких титулов, никаких званий. Просто Рагда.

Только имя-то у меня и осталось.

— Кто? — растерялась девочка, хмуря густые русые брови, неожиданно отчетливо видные на бледном лице.

— Рагда.

Еще несколько мгновений она недоверчиво смотрела на меня, силясь что-то припомнить, потом призналась:

— Я не знаю такой нечисти.

И я рассмеялась. Не очень вежливо, наверное, но сдержаться не смогла.

Оборвала себя, лишь когда поняла, что смех мой обогатился новыми, истеричными нотками.

— Я человек, — пояснила болотнице, давя последние отголоски нервного смеха.

— Правда? — Она с сомнением посмотрела на меня. — А что ты здесь делаешь?

Я наморщила лоб, пытаюсь понять, какой ответ будет Сэнарменее глупым. Выбрать не удалось.

— Сижу, — наконец призналась неуверенно. — А ты что здесь делаешь?

Девочка потупилась.

— Потерялась.

Я помолчала недолго, разглядывая ее, решая, что делать дальше. Арис велел ее найти и оградить от возможной гибели в наболотнике. Он не сказал, что делать дальше, а сама я не могла ничего придумать.

Мне довелось увидеть живого болотника, я была ошеломлена и смущена. В основном потому, что они оказались так похожи на людей. Возможно, при свете солнца я бы и нашла некоторые отличия, но едва ли они были бы достаточными, чтобы усмирить мои чувства.

— Отдохнешь? — спросила я, похлопав по земле рядом с собой.

Одернув безрукавку, девочка сделала неуверенный шаг вперед, подходя чуть ближе и позволяя мне разглядеть искусную вышивку на ее одежде, кожаные нашивки на брюках, начинавшиеся от колен и скрывающиеся за отворотами шнурованных сапожек, щедро

измазанных грязью. И растрепанные волосы, убранные от лица и собранные в косицы на висках. И странные тонкие линии нежного, едва различимого зеленоватого цвета, скрытые под кожей, прерывающиеся тонкими полосами царапин и видимые благодаря тому, что рукава ее серой рубашки были закатаны до локтей.

— А ты точно не нечисть? — с сомнением спросила она.

Я подумывала оскорбиться, но решила просто ответить:

— Нет.

После недолгого молчания девчонка сдалась. Проявлять осторожность и сомневаться явно было не в ее характере.

— Меня Агнэ зовут, — сказала болотница. Нерешительно приблизившись, она осторожно опустилась рядом, искоса поглядывая на меня.

— Будем знакомы.

Первое время мы просто сидели, бездумно глядя вперед. Мы были слишком измучены и обессилены для разговоров.

Вскоре я задремала, ничуть не смущенная близостью плотоядной травы. Со временем чуткая полудрема переросла в полноценный здоровый и крепкий сон. Мне не приходилось опасаться, что на нас может кто-то напасть, я не знала, кто здесь обитает, и все равно никак не могла от них защититься... Охоты и сил об этом беспокоиться тоже не было.

Агнэ же вовсе, казалось, не осознавала опасности; утром, по крайней мере, разбуженная неясной тревогой, ее я застала сладко спящей на моих коленях.

На смену ночи пришло блеклое сырое утро, просветы между деревьями больше не были заполнены темнотой, сейчас их затопил туман.

Беспокойство не утихало, лишь становилось крепче. Что-то было не так, но я не могла понять что.

Растолкав болотницу, я с трудом поднялась на затекшие ноги, морщась от покалываний, и за шкуру подняла Агнэ. Она зевала и терла глаза. Я нервничала и разминала шею. Плечи затекли, каждая мышца в теле болела, мне хотелось лечь, Ксэнарнуться клубком и немного поплакать, а вместо этого приходилось всматриваться в серую тревожную завесу.

— Что такое? — сонно спросила Агнэ. Девочка оказалась всего на полголовы ниже меня.

— Не знаю, — пробормотала я, беспомощно оглядывая темную гладь воды, из которой вчера выбралась. — Но нам нужно отсюда уходить.

— Куда?

Я посмотрела на нее, давая раздражение.

— Ты мне скажи, это же твой дом.

— Я заблудилась, — обиженно напомнила Агнэ.

— Прости.

Растерев лицо руками, я еще раз осмотрелась: наболотник, кусты, деревья, волны на воде...

— Вот же...

— Ох, болотная руда, — сдавленно прошептала Агнэ, проследив за моим взглядом. В воде, среди деревьев, полускрытая туманом, стояла фигура... хотя нет, не стояла. Она двигалась, но так плавно и размеренно, что выдавала ее лишь рябь, расходящаяся по воде.

Тень приближалась, становились видны ветхие тряпки, укутывающие сутулую худую фигуру, глубокий капюшон на склоненной голове, прохудившийся в нескольких местах, но все так же исправно выполняющий возложенную владельцем на него миссию — скрывать лицо.

— Рагда, — прошептала Агнэ, хватая меня за рукав платья. — Надо бежать. Быстрее. Сейчас же.

— Побежим, обязательно побежим, — пообещала я. — Но сейчас не делай резких движений. Осторожно отходим.

Подталкивая ее к кустарнику, я и сама отступала следом, не сводя взгляда с жутковатой тени. И всеми богами могла поклясться, что видела, как она пропала. Дернулась, будто разрубленная пополам, верхняя часть чуть съехала в сторону, а потом вся фигура исчезла, чтобы объявиться гораздо ближе.

Агнэ глухо взвизгнула в ладонь, я с трудом смогла подавить вопль, прикусив губу.

Фигура исчезала еще несколько раз, покрыв приличное расстояние за пару мгновений. Мы были совсем рядом с зарослями, когда тень растворилась в тумане окончательно. Сначала исчезла она, оставив после себя лишь беспокойное волнение воды, потом на нет сошло и оно.

— Да гори оно все, — выдохнула я, схватила Агнэ за руку и, уже не осторожничая, бросилась бежать. Грудью врезалась в упругие ветки, прикрывая глаза свободной рукой, успела даже прорваться немного вперед, когда ладонь болотницы выскользнула из моих пальцев.

Девочка завизжала.

Я, не раздумывая, бросилась обратно, запрещая себе бояться, но не имея никакого представления, что буду делать дальше.

Вырвавшись из плена веток, первым, что я увидела, была макушка Агнэ. Густые длинные волосы, русые с явным зеленоватым отливом, чуть подрагивали, лицо укрывал капюшон склонившегося над ней существа.

Вот это точно была нечисть.

Я могла сбежать, у меня было время, пока оно занималось Агнэ. Могла бы хоть попытаться спасти свою шкуру.

Прикусив указательный палец — смешной ритуал предков: в далекие времена так призывали удачу перед сражением (а удача мне бы сейчас очень не помешала), — надеясь, что еще не слишком поздно, я бросилась к дереву. Ветка отломилась неожиданно легко, удобно легла в ладонь и выглядела вроде как достаточно крепкой, чтобы я не опасалась, что она рассыплется в щепки от первого же удара.

Она и не рассыпалась.

Нечисть, оторвавшись от Агнэ, обернулась ко мне — болотница осела на землю изломанной куклой. Я слышала, как она хрипло и тяжело дышит.

Следующий удар заставил нечисть отступить, ей едва ли было больно, она просто растерялась. Или, быть может, выжидала. Или что-то еще — это было неважно. Главное, она отступала, позволяя себя теснить в нужном мне направлении, прямо в опасные объятия хищной травы.

Когда нечисть подступила достаточно близко к наболотнику, я воспряла духом, почти поверила в победу.

Когда она оказалась по колено в траве, я позволила себе победный вопль, быстро сорвавшийся в стон, полный ужаса. Наболотник расступался, не желая не то что питаться, но даже касаться одежд этого существа.

Колени ослабли от страха. Я не знала, что еще можно сделать...

Нечисть, будто только этого и дожидаясь, качнулась ко мне, протягивая длинные тонкие руки, так похожие на ветви местных иссушенных деревьев. Я отпрянула, но черный коготь успел подцепить бусы на моей шее. Нить лопнула, и по земле рассыпались красные бусины, несколько упали в наболотник, ничуть его не заинтересовав.

— Оххх...

Стрела, пролетевшая над моей головой и угодившая в тень под капюшоном, оказалась приятной неожиданностью.

Нечисть заверещала, звук походил на визг закипевшего чайника.

Я поехала, не совсем понимая, из-за чего по спине прошелся холодок: из-за стрелы, просвистевшей в дюйме от моей макушки, или из-за воя нечисти.

Завороженная, я смотрела, как дергается древко стрелы и шуршит оперение, а тощие руки с длинными птичьими когтями скребут лицо под капюшоном, боясь коснуться заговоренного дерева, щедро украшенного резами. Те тускло светились золотом, активные и полные силы.

На плечо мне легла тяжелая ладонь, отодвигая в сторону, мелькнуло лезвие меча, и вой оборвался. В тут же зашуршавшую траву свалилась голова в капюшоне, а вслед за ней опало и тело.

Я боялась оборачиваться и смотреть на того, кто все еще держал меня, и потому смотрела на наболотник. Там, где упало тело нечисти, трава чернела и ссыхалась.

— Па-а-апа, — слабо прохныкала сзади Агнэ, и рука с моего плеча исчезла.

Через несколько секунд я осмелилась повернуться и посмотреть на наших спасителей.

Их было пятеро. Все в одинаковых легких доспехах приглушенного зеленого цвета, с мечами или топорами.

Четверо с длинными причудливо заплетенными косами, украшенными бусинами из посиневшего вивианита.

Пятый, на груди которого сейчас рыдала Агнэ, убрал волосы от лица, заплетя косы лишь на висках. Он был похож на болотницу, но еще больше на пришедших с ним товарищей. Высокие, гибкие, бледные, с зелеными глазами и сосредоточенно-равнодушными выражениями лиц, они были просто неприлично похожи между собой.

Но мужчина, утешавший сейчас Агнэ, был похож на нее как-то **по-особенному**. Пусть болотница оказалась обладательницей круглого личика, аккуратного носика и бровей вразлет, а у этого мрачного типа, не отрывавшего от меня тяжелого взгляда, имелись скулы, даже намек на которые у его дочери не было, впалые бледные щеки, прямой нос чуть длиннее необходимого и густые брови с хищным изломом... несмотря на все это, они были похожи.

Агнэ постепенно затихала, успокаиваясь в кольце родных рук. Мне же, напротив, становилось все тревожнее.

— Кто ты такая? — спросил... судя по всему, царь.

Из-за того ли, что я была на нервах, или просто являлась особой впечатлительной, от его голоса меня пробрало до мурашек.

В первое, особенно самоубийственное мгновение я всерьез рассматривала возможность солгать. Придумать какую-нибудь трогательную историю о деревенской девице, что болела хроническим невезением, из-за чего и попала туда, где, собственно, сейчас находилась, но что-то меня останавливало. Было странное чувство, не подкрепленное ничем, кроме моей паранойи, что врать ему не стоит.

И я призналась:

— Не знаю.

— Поясни.

— Ну... — Я кашлянула и несколько раз сглотнула, желая избавиться от горечи, затопившей рот. — Какой-то месяц назад я была принцессой. Второй наследницей на престол Зордесвета. Благословенной самой богиней. А теперь я беглянка.

Один из болотников, обладатель странного топора с длинным топорщиком, овитым тонкой, вдавленной в дерево стальной лозой, подошел ко мне.

Я удобнее перехватила ветку — свое верное оружие.

Кто-то насмешливо хмыкнул заметив это.

Мужчина улыбнулся... Наверное, улыбку его можно было считать дружелюбной, но мне едва удалось удержать себя на месте — если бы не наболотник за спиной, я бы непременно попятилась.

Склонившись, он поднял с земли одну из бусин, лежавшую у моих ног, — я затаила дыхание и не дышала, пока этот странный тип не выпрямился.

— И жена Болотного царя, — весело отметил он, катая между пальцами бусину. — Поздравляю, брат, хотя бы одна добралась до тебя живой.

Чувствуя на себе заинтересованные взгляды болотников, я успела сто раз пожалеть, что не выбросила эти бусы еще вчера и не выплела из волос красные бусины, на которые сейчас все смотрели.

— Не совсем так, — сдержанно проговорила я, стараясь смотреть в лицо смутившему меня мужчине, но взгляд то и дело опускался к земле, — ритуал не был завершен... Собственно, потому я еще жива.

— Что же случилось?

Он начинал меня раздражать.

— На лагерь напали какие-то хищники. Меня к костру не пригласили, что спасло мою жизнь. Пока остальных ели, я успела сбежать, — проговорила сухо, чувствуя, как сердце начинает стучать быстрее, растревоженное воспоминаниями. Уронив ветку на землю и подпернув дрожащими пальцами рукава платья, я продемонстрировала всем желающим запястья, на которых все еще болтались обрывки веревок.

— Мы же не бросим ее здесь? — с надеждой спросила Агнэ. — Ее нельзя бросать, она же пропадет.

— Сгинет еще до полудня, — со знанием дела подтвердил стоявший передо мной болотник, отчего неприязнь моя к нему лишь возросла. Он же не просто так это сказал, вон как насмешливо смотрит, запугать пытается, не иначе... сын кикиморы! Как будто я недостаточно напуганная сейчас перед ними стою.

Да если бы мне хоть вполтину не было так страшно, я бы сейчас прямо тут самозабвенно рыдала, выплакивая все, что накопилось. А накопилось много.

— Заберем с собой, — решил неразговорчивый отец Агнэ, кивнув этому невыносимому типу.

Я не успела среагировать, когда шею коснулись теплые пальцы, забирая у меня это тяжелое утро и меняя его на столь же тяжелую темноту.

В себя я пришла резко, вынырнула из забытья, как из холодной реки, хватая ртом воздух и задыхаясь. Сердце колотилось как бешеное, на глаза навернулись слезы, пересохшее горло разъедало едким дымом, а передо мной на корточках сидел недавний знакомец, широко улыбаясь и держа в руках тлеющий и щедро дымящий пучок каких-то трав.

— Сильна же ты спать. — Глаза его в наплывающих сумерках начинали опасно светиться, придавая лицу хищный вид.

— Вы... — прохрипела я сдавленно, звонко чихнула и наконец смогла глубоко

вдохнуть. — Вы что со мной сделали?

— Избавил от необходимости терпеть небезопасный, долгий пеший переход, — сообщил он. — Ужин готов, поднимайся.

Желудок скрутило голодным спазмом от его слов.

Этот день и правда был безжалостно выкраден из моей жизни — солнце уже покинуло небо, будто его и не было, лишь над вершинами деревьев виднелись розоватые разводы дотлевающего заката. Разбудили меня относительно ранним вечером, на какой-то прогалине, со всех сторон окруженной пушистыми елями. Под лапами одной из колючих красавиц был разведен скромный огонь. Едва видимый и почти не дымный, нужный болотникам лишь для того, чтобы приготовить еду.

Я не ела двое суток, но больше пищи мне сейчас нужна была вода. Облизав пересохшие губы, я огляделась.

— Что такое?

— Пить хочу, — неохотно призналась излишне внимательному болотнику.

Он понимающе кивнул.

— Прошу к костру, сейчас все устроим.

Не обманул.

Меня и напоили, и полную плошку какой-то странной каши преподнесли, и даже куртку на плечи набросили, спасая мой измученный организм от наползающего с темнотой промозглого холода.

Снаряжены болотники были на славу, и пять больших походных сумок я не увидела при первой нашей встрече лишь потому, что их бросили, услышав крик Агнэ. К счастью для всех нас, в этих болотах не водилось живности, которую могли бы заинтересовать оставленные без присмотра вещи.

Пока остальные члены нашего неожиданного отряда с аппетитом уплетали ужин, я подозрительно разглядывала содержимое плошки, несмотря на весь свой голод не спеша есть.

— Это вкусно, — сказала Агнэ, незаметно оказавшись рядом. — А Сэн туда еще и специальные травки добавляет, чтобы спалось лучше.

— Травки, — задумчиво повторила я, теряя аппетит.

— Сэн в этом деле мастер, — горячо заверила меня болотница и под села ближе, почти касаясь моего плеча своим. — Он у Ллэт в учениках ходил, а она лучшая знахарка на всю Зыбь.

— Зыбь? — переспросила я рассеянно, с еще большим недоверием рассматривая свой ужин.

— Вы зовете эти земли Сумеречными топиями, мы Зыбью, — раздалось справа от меня.

Болотный царь сидел у затухающего костра, равнодушно ковыряясь в своей порции сомнительной каши, сдобренной чудодейственными травками...

Я испытывала странную неловкость, просто глядя на этого мужчину, ничем не похожего на царя.

Быть может, Арис что-то напутал? Вдруг на обед к наболотнику чуть не угодила вовсе не дочь местного правителя, а дочь кого-нибудь из его солдат? Капитана, например. Угрюмый и немногословный, отец Агнэ вполне сошел бы за командира этого отряда.

— Ага, — пробормотала я беспомощно. — А кто такой Сэн?

— Сэнар к вашим услугам, — бодро отозвался печально знакомый мне болотник. Есть

расхотелось совсем.

Если уж он меня одним прикосновением сумел вырубить, то что же его травки со мной сотворят? Да лучше голодать...

— Ешь, — сухо велел отец Агнэ.

— Ксэнар, — хохотнул Сэн, с упреком глядя на того, кого утром так просто звал братом... Меня кольнул легкий интерес, заставивший все же посмотреть на этого хмурого болотника: а правда ли они родственники или это просто особенности местной культуры? Внешнее сходство ничего не значило, они тут все были неуловимо похожи. — Ты можешь быть хоть немного дружелюбнее?

Ксэнар дернул плечом, будто отмахиваясь от вопроса.

— Я не уверена, что мне стоит есть вашу еду, — призналась я.

Агнэ мои слова удивили.

— Почему?

— Ну... — я замялась, не зная, как объяснить свои опасения.

— Мы не так уж сильно отличаемся от людей. Нашей едой ты не отравишься. — Сэнар призадумался и честно уточнил: — Не должна. Таких случаев на моей памяти не было. Ни один человек не умер от нашей пищи. В основном они гибнут по каким-то своим причинам, никак не связанным с нами.

— И часто у вас люди гостят? — спросила я, ухватившись за его слова.

— Чаще, чем ты думаешь. Один, к примеру, уже пятьдесят лет гостит, — со странной улыбкой сообщил болотник. — Беглый каторжник.

— Вы укрываете преступников? — поразилась я.

— Укрываем. — Улыбка Сэнара стала просто запредельной. — На твое счастье...

ГЛАВА II. Поселение

К поселению мы вышли на исходе следующего дня... очень длинного и полного неожиданных открытий.

Сэн, который, казалось, готов был говорить сутки напролет, рассказал, что зовутся жители Сумеречных топей на самом деле вовсе не болотники, а эва, и земли их простираются до самых гор Поднебесья, чьи белые от снега вершины купаются в облаках.

По древней легенде, горы эти проткнули небо и омылись его кровью, соединив собой мир земной и мир небесный. Но настанет конец всего, когда земля содрогнется, горы Поднебесья будут уничтожены и раненое небо падет на нас.

А пока этого не произошло, эва добывали из горных недр железо, минералы, драгоценные камни и «кое-что еще, крайне полезное в быту» — как туманно сообщил Сэнар.

Укрытые от всего мира кольцом болот, эва процветали — земли их были плодородны, территории обширны и хорошо защищены от жадных взглядов людских завоевателей.

Пока мы шли сквозь душные топи, отбиваясь от голодной мошкары, налетевшей внезапно и так же внезапно исчезнувшей, продирались сквозь спутанную злую траву, ранившую ноги (меня, как бессмысленный трофей, на своей спине тащил Сэнар, но пяткам моим все равно досталось от острых травинок), и балансировали на кочках, рискуя свалиться в трясину, хвастливым словам эва я верила мало.

Постепенно земля становилась все надежнее, воды — все меньше, а воздух делался суше... вроде даже прохладнее. Болота оставались позади, природа неуловимо менялась, и уже к обеду вместо угрожающих шорохов в кустах слышалось безобидное копошение любопытных лисиц, в листве деревьев шуршали непуганые белки и пели птицы.

Зыбь открывалась мне с другой стороны, заставляя поверить всему, что рассказал Сэнар.

Из странных и опасных мест, где, избежав встречи с нечистью, легко можно было найти свой конец в безжалостной топи, я будто попала в другой мир.

Ели неохотно уступали место менее влаголюбивым деревьям, мох сменяла сочная трава, а вместо клюквы под ногами краснели сочные ягоды земляники.

Слова Сэнара больше не казались мне пустой похвалой, наверное потому, увидев высокие каменные стены, за которыми находились аккуратные домики, одноэтажные и двухэтажные, я не сильно удивилась.

Здесь можно было увидеть и каменные, и деревянные строения; какие-то из них, что постарше и помнили еще времена затоплений, стояли на сваях и неизменно имели два этажа.

Единственным исключением был трехэтажный дом Ксэнара — отца Агнэ и все ж таки действительно Болотного царя. Дом этот возвышался над всеми остальными не только за счет лишнего этажа, но и благодаря мощным сваям, удерживающим его над землей.

Эва, отправившиеся в топи с царем на поиски сумасбродной царевны, отваливались от нашего неказистого отряда по мере продвижения к царским хоромам.

По высокой лестнице к широкому крыльцу, с которого, должно быть, очень удобно держать речь, мы подходили уже вчетвером.

— Ну что ж, принцесса, добро пожаловать, — весело сказал Сэнар, поднимаясь по ступеням вслед за хмурым царем и подавленной Агнэ: пока меня развлекали чуть хвастливыми рассказами о болотном царстве, царевну ругали... не ругали даже, просто негромко и сухо перечисляли все возможные последствия ее необдуманного поступка, что было куда как хуже.

Я попыталась сползти на землю, Сэн придержал меня, одарив недовольным взглядом из-

за плеча:

— Куда?

— Теперь-то я точно сама могу идти. Даже босая...

— Мне выпала честь позаботиться о тебе, так что будь добра, не мешай выполнять царское повеление, — воодушевленно заметил эва, будто бы я не слышала, как он сам вызвался возиться со мной и с каким безразличием ему это было дозволено.

Но я-то слышала, хотя спорить и уличать Сэнара во лжи не рискнула, позволив внести меня в просторный зал на первом этаже, заполненный лишь тишиной и приятной прохладой. На каменных стенах, кроме странных пузатых сосудов с непонятными спиралями внутри, не было ничего. Ни картин, ни гобеленов... даже шкур и голов убитых на охоте животных (последнее меня порадовало). Помимо лестницы, ведущей на второй этаж, здесь были лишь камень, стекло и закрытая деревянная дверь с двумя параллельными стальными полосами.

— Как... пусто.

— Считаешь? — хмыкнул Сэн. — Во времена предков первый этаж никогда не был жилым. Несмотря на всю нашу предусмотрительность, вода часто поднималась куда выше свай. Раньше все дома были такими, сейчас, во времена перемен, традициям следует только Ксэнар, как царь и хранитель прошлого.

Мы направились к лестнице.

— Наводнений больше не случается?

— На моей памяти не было ни одного.

Миновали второй этаж и поднялись на третий.

— Разместим тебя... — протянул Сэнар, рассматривая вереницу однотипных дверей — деревянных и мощных. Надежных.

Недолгие размышления погнали его вглубь коридора, к предпоследней двери.

Распахнулась она легко и тихо, давая мне оценить простой уют комнаты. Здесь не было парчи или шелка, не было дорогого дерева и богато расшитых ковров. Низкую кровать у стены укрывала пушистая шкура, под окном стоял необычный стол из ели, где в трещинах дерева интригующе блестела янтарем застывшая смола... или что-то очень на нее похожее. Массивный стул, комод, легкое кресло на кривых ножках в углу...

Стены вместо привычных мне шелковых обоев были отделаны деревянными панелями, скрывающими холод камня и являвшимися завершающим штрихом приятной атмосферы.

Сэнар спустил меня на пол, позволяя самой войти в спальню.

— Этой комнатой давно не пользовались, я пришлю кого-нибудь перестелить постель, а ты пока осмотришься, — предложил он, закрывая дверь.

У меня не было сил осматриваться.

Желания тоже не было.

Подойдя к кровати, я медленно на нее опустилась, погладила мягкую шерсть шкуры и облегченно упала на подушку, свесив грязные, израненные ноги на пол.

Я уже и не помнила, когда в последний раз мне случалось спать на такой мягкой и чистой постели. Казалось, это было в прошлой жизни... впрочем, именно в прошлой жизни это и было. В жизни любимой всеми принцессы, а не грязной и измотанной беглянки.

Я уснула, не проверив вместительность комода — вещей у меня все равно не было, не посмотрев даже, какой вид открывается из незашторенного окна, закрыла глаза и провалилась в сон.

Кажется, кто-то заходил, опасно окликал меня, осторожно тряс за плечо, а не добудившись, оставил в покое... я не могла бы утверждать, что мне это не приснилось. Потому что проснулась я уже в темноте оттого, что меня как раз за плечо и трясли, не желая отставать.

— Рагда. Ну Рагда же...

— Агнэ, ты что здесь делаешь? — просипела я, с трудом открывая глаза.

— Проведать пришла, — созналась она. — Тебя никак разбудить не могли. И на ужин ты не спустилась. А утром, как вернутся совы, еще до завтрака тебе перед отцом ответ держать придется. И для этого нужно будет много сил...

В темноте я видела лишь ее светящиеся глаза, потому сунутый в мою вялую руку бутерброд оказался настоящей неожиданностью. Агнэ не потрудилась зажечь свет, когда пробиралась ко мне... а быть может, просто опасалась, что кто-нибудь увидит огонек в окне и придет проверить, все ли в порядке.

— Что...

— Ешь, — велела она радостно.

— Спасибо.

Я откусила, прожевала первый кусок и ненадолго задумалась.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросила Агнэ.

— Откуда у вас хлеб?

Она засмеялась.

— Выращиваем пшеницу, перемалываем ее в муку и выпекаем хлеб. Или у вас это как-то по-другому делается?

Медленно покачав головой, я еще раз откусила от бутерброда. Между мягких ломтей хлеба, политый пряным соусом, лежал щедрый кусок мяса. Он был просто изумительно хорош, и я решила не спрашивать, от чьей тушки его отрезали... не хотелось рисковать. Вдруг ответ мне не понравится и испортит аппетит?

Агнэ легко поднялась с постели, отошла ненадолго к столу и вернулась ко мне с высокой деревянной кружкой, хотя... скорее бамбуковой. В последнем трактире, где я столовалась, еще будучи пленницей, посуда была из бамбука.

Как говорили местные, он хорошо рос во влажном климате, а в тех местах влажности было с избытком.

В этих тоже.

— Чай, — пояснила Агнэ, когда я приняла кружку.

— Ты сказала «когда вернутся совы», что это значит?

— То и значит. Отец велел отправить сов, чтобы они нашли лагерь, о котором ты говорила. И когда утром совы вернутся, пастух сможет подтвердить твои слова.

Я хмыкнула.

Агнэ не допускала даже мысли, что я могла солгать. Это было... странно. Мы познакомились всего два дня назад, но она вела себя так, будто мы росли вместе.

— Пастух сов?

— Да.

Когда я доела бутерброд и допила чай, она забрала кружку, поднялась и предупредительно сообщила:

— Моя спальня находится слева от твоей, следующая же дверь. Ванная — в конце коридора, дверь с латунной ручкой, в нее такой зеленый светящийся камень вделан, ты ее сразу заметишь. Еще я принесла тебе тапочки, они у кровати. Если бы знала твой размер, принесла бы сапожки, их у меня полно.

— Спасибо.

Сейчас царевна была такой взрослой, не видя в темноте ее подростковой угловатости, я не могла отделаться от мысли, что ребенок здесь я.

— Агнэ? — позвала ее негромко, когда она открыла дверь, готовая уходить.

— Да?

— А что ты делала в топах? Зачем ты сбежала из дома?

— Хотела посмотреть, как живут люди.

Агнэ оказалась права. Утром меня вызвали к царю, едва я успела отыскать уборную и умыться, сделав для себя невероятное открытие: жизнь эва облегчали водгрей, о котором еще не в каждом городе нашего королевства знали, и канализация.

Перехватив меня в дверях ванной, смущенная девушка в вышитом переднике поверх серого платья, то и дело заправляя за ухо выбившуюся из косы прядь, пробормотала что-то и попросила следовать за ней.

Я подчинилась.

Мы спустились на второй этаж, миновали уютный холл с камином, креслами и шкурой какого-то странного животного на полу, прошли по небольшому коридору и оказались перед двустворчатыми дверями, за которыми скрывалась библиотека.

Стеллажи с книгами не казались нескончаемыми, но выглядели многообещающе заполненными.

У окна, за столом, в свете ленивого рассветного солнца сидел царь. Ксэнар сменил доспех на рубаху и волосы собрал в небрежный хвост, не озаботившись придать себе грозный вид.

Домашний повелитель топей внешне не соответствовал своему жуткому статусу, и это несоответствие будило неясную тревогу. Еще со времен домашнего обучения, мужественно отвоевав себе право пройти хотя бы общий курс зоологии, я поняла одну простую вещь: порой то, что на первый взгляд выглядит безобидным, вполне может оказаться смертельно опасным.

Позади Ксэнара, за высокой спинкой второго пустого стула, стоял эва, совершенно не впечатляющий на фоне жутковато-мирного царя. А рядом с ним, на деревянном подоконнике, сидели две болотные совы. Взъерошенные, сонные и чем-то недовольные, они смотрели на меня полуприкрытыми рыжими глазами. Такими же рыжими, как и глаза незнакомого эва.

— Садись, — велел Ксэнар, кивнув на два стула напротив него.

Стол был обычным для читальных залов — длинным, широким, на четыре места, на краю даже уместилась неровная стопка из нескольких книг.

Я подчинилась. Приблизилась, опустилась на краешек стула и, сложив руки на коленях, приготовилась слушать.

— Лагерь полностью уничтожен. Уцелевших нет, — сообщил Ксэнар, пока мы с совами играли в гляделки. Смотреть на них было куда легче и безопаснее, чем на царя.

Новость эту я восприняла спокойно, даже с неким злорадным удовлетворением. Эти люди пришли к границе топей, чтобы убить меня, но вот она я, живая и отдохнувшая, а где они?..

Дальше должен был последовать допрос, я ждала его, была уверена, что меня заставят

рассказать о себе все. В какой-то степени я была к этому готова.

Но вот к чему я совсем готова не была, так это к тому, что царь сам расскажет историю моей жизни... последних ее месяцев.

Расскажет о войне, об осаде столицы, о ее захвате, казни правящего рода, моем упрямстве и наказании за него.

Начал он свой рассказ с неопасной на первый взгляд фразы:

— Как мне известно...

Известно ему было все.

Как я ни держалась, желая достойно выслушать сухие сводки событий последних недель, ничем не выдать своего страха, своей злости или разъедающего горя, долго хранить покой мне не удалось. Я заерзала, сторбилась, не в силах терпеть прямой взгляд царя и простые слова, больно бьющие по мне.

— Впечатляет, — пробормотала я, переплетя подрагивающие пальцы и глядя только на них. — Могу я поинтересоваться, откуда у вас эта информация?

Голос мой дрожал, но этого тактично не заметили.

— Мы не желаем зла людям, — заговорил незнакомый мне эва, — и хотим быть уверены, что они также не желают зла нам.

— Вы за нами следите?

— Мы слышим не больше того, что слышат люди, и видим не дальше, чем видят люди... — раздражающе туманно ответил он.

— Есть разница между тем, что слышит простой рабочий на центральной площади и, к примеру, советник короля. — В горле встал горький ком, говорить было тяжело, я с трудом могла сглотнуть вязкую слюну, в отчаянии ощущая, как трещит стена моей отстраненности, моего спасительного безразличия. Первые трещинки появились в ней из-за Ариса, из-за Ксэнара она рисковала пасть.

Не хотелось бы мне, чтобы эти двое стали свидетелями моей истерики... Подозреваю, им бы тоже этого не хотелось.

— Несомненно, — покладисто согласился пастух сов, скупно улыбаясь. — Нам ничуть не интересно, что слышит рабочий.

— Нэшар, — ровный голос царя не выражал ровным счетом никаких эмоций, но рыжеглазый Нэшар опустил голову и замолчал.

— Как вам это удастся? — спросила я, желая отвлечься, удержать стену от падения, чтобы позже, в тишине, залатать трещины. — Видеть и слышать?

— Вы равнодушны к себе подобным простолюдинам, а наши полукровки внешне очень похожи на людей, — не поднимая головы, негромко бросил Нэшар.

Я похолодела, припомнив, как долгое время в детстве удивлялась, почему во дворце у прислуги так часто встречаются невероятно зеленые, удивительно красивые глаза.

Некоторое время я даже всерьез переживала из-за невыразительной серости своих глаз, ничуть не похожих на так восхитившую меня изумрудную зелень.

Первые детские комплексы, оказывается, во мне взрастили полукровки эва.

Мало кто замечал слуг, и совсем уж единицы остерегались обсуждать дела в их присутствии.

Такая самоубийственная беззаботность...

— Значит, вы знаете больше меня.

— Очевидно, — согласился Ксэнар и замолчал.

Тишина была тревожной, но недолгой и завершилась совершенно невероятным признанием.

— Ко мне приходила Агнэ, — сказал царь. — Не знаю, чем ты очаровала мою дочь, но она просила за тебя.

— Правда?

— Я хотел вывести тебя к людям, — заметив, как я встревоженно подалась вперед, желая сказать, что это будет равносильно убийству, Ксэнар жестом велел мне молчать. — Люди живут не только по эту сторону гор. Мы торгуем с некоторыми северными племенами, с посредниками из Серебряного города... Они приходят к нам из земель, что лежат за Поднебесными великанами. Там есть целый мир, частью которого ты можешь стать.

— Но? — несмело спросила я. Возможно, это было его решением еще вчера, и даже ночью Болотный царь был уверен, что в скором времени избавится от проблемной принцессы, передав заботу о ней людям. Уничтожив тем самым все планы Ариса.

А потом на поклон к нему пришла любимая дочь и все переменялось.

— Если пожелаешь, я все еще могу отправить тебя в Серебряный город. Через восемь дней придут купцы с товаром на обмен и продажу. Или можешь остаться в моем доме, под моей защитой. Единственное, что от тебя требуется — оградить Агнэ от необдуманных поступков. Ты ей нравишься, возможно, хотя бы у тебя это получится.

— Хотите сделать меня здравым смыслом своей дочери? — недоверчиво уточнила я.

— Пока у нее не появится свой.

— И вы готовы доверить Агнэ незнакомому человеку? — Я замолчала, пытаюсь понять, что именно смущает меня больше всего. Когда поняла, не смогла удержаться от удивленного восклицания: — Согласны доверить ее **человеку**?!

— Если это поможет усмирить Агнэ, — кивнул Ксэнар. И, не дав мне толком все обдумать, нетерпеливо спросил: — Твой ответ?

Я даже с мыслями собраться не успела, а он уже требовал, чтобы я решила свое будущее. Вот так просто...

Если бы не договоренность с Арисом, я бы сейчас пребывала в ужасе.

Но договоренность существовала, а это значит, выбора, столь щедро предоставленного Болотным царем, у меня по сути и не было. Маг обещал мне месть, и, чтобы это Ксэнаршилось, я должна была остаться здесь. В Зыби.

Но дать свой ответ я не успела.

Одна из дверных створок распахнулась, заставив меня вздрогнуть, а Ксэнара поморщиться.

— Почему собрались без меня? — весело спросил стоявший на пороге Сэн.

— Мне казалось, тебя не интересуют дела поселения, — сухо заметил царь. — Несколько дней назад ты покинул зал советов, последовав за моим отрядом и бросив все на Ллэт. Не скажу, что она была этим довольна.

— Правда? — опасливо уточнил Сэн, растратив бóльшую часть своего энтузиазма.

— Ты ее еще не видел? — с каким-то издевательским равнодушием поинтересовался Ксэнар у своего вмиг погрузневшего брата.

— У меня целы все кости, — огрызнулся тот, — как ты думаешь?

— Хм-м-м...

Долго переживать из-за того, что может случиться, этот странный эва не умел. Уже через несколько мгновений, смирившись со всем, что его ждет, Сэнар с беспечным видом рухнул на соседний с моим стул, отчего деревянные ножки со скрипом проехали по полу.

— И что вы здесь обсуждаете?

— Мое будущее. — Унылый тон ответа заинтриговал эва.

— И что же, мой негостеприимный брат желает поскорее от тебя избавиться? — спросил он. Сэн хорошо знал Ксэнара и даже не сомневался в правильности своего предположения, а потому, не дав мне сказать и слова, радостно сообщил: — Но если у тебя сейчас нет сил для путешествий и новых знакомств, я с удовольствием возьму на себя заботу о благополучии такой прекрасной гостьи.

— Правда? — с сомнением спросила я. — С чего бы это?

Царь в серьезности слов Сэнара не сомневался и просто утомленно прикрыл глаза рукой.

— Ты же принцесса! — с укором напомнил эва. — А принцессы у нас еще не гостили. Все больше каторжники да люди, ищущие лучшей доли... или смерти. Или девицы из соседних людских деревень, что от замужества бежали. Но это все не то...

— И все же, на вопрос вы не ответили. Чем я обязана такой чести? — спросила хмуро. Рядом с этим эва я чувствовала себя своей нянюшкой. Вечно недовольной, строгой, подозревающей подвох в каждом слове.

Впрочем, думаю, рядом с Сэнаром любой бы чувствовал себя серьезным сухарем, никогда не знавшим, что такое веселье.

— Ну как же ты не понимаешь? — сокрушенно вздохнул он. — Я, как исключительный ценитель твоей дивной красоты и интересной неоднозначности нового статуса, просто не мог остаться равнодушным к твоей беде.

Я подозрительно смотрела на эва, повернувшись к нему всем корпусом. Дивной красоты, как же — видела я сегодня свое отражение... придумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Сэн улыбался.

— Ну так что скажешь, прекрасная принцесса? — спросил он легко и весело.

И от этого, казалось, совершенно простого вопроса защемило сердце и перехватило дыхание. Перед глазами все поплыло.

Глупее причины для слез невозможно было и придумать. Я же так долго держалась, мне почти удалось. Но веселье в голосе эва и этот вопрос, который я так часто слышала от брата, всколыхнули слишком много воспоминаний за раз.

И о том, как мы в детстве воровали яблоки... Радан был на два года старше меня и на пару дюймов ниже — конечно, со временем он вытянулся, стал на голову выше меня, раздался в плечах...

И о том, как он втайне ото всех учил меня стрелять из лука и ездить в мужском седле.

И о том, как об этом узнала мама.

И о том, как мало ценила я все, что у меня было...

Не сразу я поняла, что не так, почему Сэн перестал улыбаться, а царь подался вперед, с недоверием вглядываясь в мое лицо. Заволновались совы, и Нэшар зашептал им что-то успокаивающее.

По щекам текли теплые слезы, щекоча кожу. Осторожно коснувшись лица, я стерла влажный след и затаила дыхание, с ужасом разглядывая пальцы.

Лет в тринадцать, тайком пробравшись в оружейную, я хорошенько распорала ладонь

одним из мечей, неудачно схватившись за лезвие. Тогда на руку, красную от крови, я смотрела с таким же ощущением непоправимой, уже Ксэнаршившейся беды: несколько мгновений просто стояла в оцепенении, наблюдая за тем, как собранная в горсть ладонь быстро наполнилась кровью, а на пол щедро капало. Тогда я измазала подол платья, будто в насмешку белого и очень маркого, и хорошенько пропитала собственной кровью широкий манжет, окрасив мелкий жемчуг вышивки розоватыми разводами. Лишь спустя некоторое время, окончательно осознав, что сама по себе кровь не остановится, почти теряя сознание от ужаса, я бросилась искать помощи. У брата.

А совсем недавно видела, как его голову отделили от тела широким лезвием секиры...

Сдерживаться дальше уже просто не было сил.

Я разрыдалась.

Совы всполошились, встревоженно заворчали, вытягивая шеи и хлопая на меня рыжими глазами. Сэн потерянно молчал, чем занимался царь, я не видела, спрятала лицо в ладонях, с отчаянием понимая, что не могу успокоиться.

Стакан мутного стекла, до краев полный водой, мне в руку вложил Ксэнар, силой отняв ее от моего зарезанного лица.

— Что не так? — тихо, даже ласково, спросил он. Будто с напуганной лошадей разговаривал или с собакой. — Сэн, конечно, дурак, каких поискать, но обидеть тебя ему было нечем. Так почему ты плачешь?

Сжав мои пальцы на стакане, Ксэнар не отпустил сразу, уверенный, что сама я его не удержу. И был прав.

Я сейчас мало что понимала, почти не чувствовала прохладной гладкости стекла и тепла широкой ладони, и когда от очередного судорожного всхлипа рука моя дернулась, а вода расплескалась — этого даже не заметила.

— Я не специально, — пробормотала сипло, продираясь сквозь сдавивший горло спазм. — Простите.

— Пусть выплечется, — посоветовал издали пастух. — Видно же, давно копилось.

— Когда ты стал знатоком людских душ? — резко спросил Сэн, не знавший, что делать, и, кажется, чувствующий себя виноватым.

— Я всегда был внимательнее тебя, — беззлобно отозвался Нэшар.

Меня будто штормило, приступы судорожных рыданий накатывали приливной волной, топили меня, но неизменно отступали раньше, чем горе успевало полностью поглотить сознание. В попытке попить я расплескала воду по груди, коленям и Ксэнару и разрыдалась сильнее.

— Понятно, плохая идея, прости, — пробормотал он, убирая стакан.

Поставив его на пол, где-то рядом с ножкой стула, Ксэнар осторожно отнял и вторую руку от моего лица, которую сама я почему-то убрать не додумалась.

— Может, Ллэт позвать? — храбро предложил Сэн. — Она женщина, должна знать, что происходит.

— Сама успокоюсь! — истерично рявкнула я.

И не успокоилась.

Все полчаса моих неукротимых рыданий Ксэнар просидел на полу, держа мои руки в своих. Успокаивало это не очень сильно, но я была ему благодарна.

Под конец, затихая, я утомленно сгорбилась на стуле, отупело слушая, как ухают совы, все это время переживавшие вместе со мной.

Внутри впервые за последнее время было пусто. Непосильная тяжесть спала с моих

плеч, оставив после себя лишь холод и горькое ощущение одиночества.

Пусть горе мое останется со мной навсегда, но самое страшное я пережила... на глазах у эва.

Как ни странно, стыдно мне не было.

— Если вы еще не передумали, я бы хотела остаться, — проговорила сипло, вытирая дрожащими руками покрасневшие мокрые щеки. В этот момент я не помнила о мести, об обещании, данном магу, и нашем уговоре, я просто чувствовала, что здесь мне будет лучше, чем в любом другом месте. Раз уж эва сумели пережить мои слезы, то и все остальное переживут. — С Агнэ мы поладим.

ГЛАВА III. Прекрасный принц

Несмотря на мое самоуверенное заявление, реакции Агнэ я боялась. Не была уверена, что мы правда поладим, и за завтраком, где все должно было открыться царевне, чувствовала себя потерянной и в чем-то виноватой...

Девочка меня удивила, прогнав все тревоги.

Такой искренней и горячей радости на признание, что теперь являюсь ее нянькой, я просто не ожидала.

Агнэ взвизгнула, подскочила, хлопая в ладоши, и на несколько секунд сжала меня в крепких объятиях, чуть не столкнув со стула, на котором я сидела.

— Это же чудесно!

— Чудесно... — повторила я заторможенно, беспомощно косясь на Сэнара.

Тот сидел напротив меня за накрытым столом и даже не пытался скрыть широкую, совсем не сочувственную улыбку.

Ксэнар восторгов Агнэ не понимал, но дочь свою к порядку призывать не спешил, позволив ей вдоволь меня потискать.

Кажется, мне удалось выполнить наказ Ариса и в кратчайшие сроки расположить к себе местную царевну. Хотя заслуги моей в том не было, я ничего не сделала, чтобы Агнэ, как сказал Ксэнар, мною очаровалась.

Мы и знакомы-то были всего несколько дней.

Ей хватило.

Царевна разжала объятия неохотно, медленно, села на свое место и судорожно вздохнула, топя меня в своем восторге. Я предпочла сделать вид, что не замечаю странного сияния ее глаз, как не замечаю хмурого выражения лица Ксэнара. Не ожидавший такого восторга со стороны своей дочери, царь был несколько озадачен, сбит с толку и обеспокоен.

В просторной столовой воцарилась недолгая неоднозначная тишина, в которой смешались радость и тревога, и нарушил ее подрагивающий от счастья голос Агнэ.

— Что мы будем делать? — спросила она. — Сначала нам, наверное, нужно на торговую площадь, у тебя же совсем вещей нет. А потом я покажу тебе свои любимые места! И...

— Агнэ, — позвала я, желая хоть немного усмирить ее энтузиазм. Пусть она права и вещей у меня действительно нет, это же не повод бежать за ними прямо сейчас...

Агнэ считала, что повод.

— Отец! — она была полна взрывоопасного восторга. — Можно мы...

— После завтрака, — прервал ее горение Ксэнар.

Девочка приуныла, но быстро осознала, что завтрак — это ненадолго, зато потом я буду вся в ее власти, приободрилась и заработала ложкой с удвоенным энтузиазмом.

Я радости царевны не разделяла, на знакомую еду, вроде вареных яиц или подтаявшего в тепле сливочного масла, смотрела с удивлением, на незнакомую — с подозрением. И ела медленно, неохотно, тщетно стараясь пробудить аппетит.

Бусины из волос я выплела еще утром, но все равно то и дело, забывшись, нервным жестом проводила ладонью по спутанным прядям, желая удостовериться, что в них ничего больше нет.

Как бы я ни желала отсрочить неизбежное, завтрак закончился и меня потянули прочь из безопасного царского жилища.

Сэнар увязался следом, объяснив это заботой о племяннице.

Я не возражала, даже радовалась его присутствию: несмотря на туфельки Агнэ, которые мне почти не жали, и ее легкую накидку, скрывавшую мое грязное платье, я чувствовала себя неловкой и жалкой, и лишь присутствие жизнерадостного эва позволяло держаться достойно.

Я шла рядом с ним по широкой улице мимо местных жителей, домов и лавок и старалась совсем уж не горбиться под тяжестью своей судьбы.

Каменные здания с переменным успехом боролись с легким налетом плесени — где-то ее было меньше, где-то больше, на постройках, о которых хозяева заботились с особым усердием, не было вообще. Деревянные дома даже не пытались как-то противостоять такой напасти, задорно зеленея под усталым солнцем. Кое-где плесень теснил пушистый, жизнерадостный мох, и это противостояние рисовало причудливые и очень красивые узоры на бревенчатых стенах.

Небо хмурилось, тонкая пелена скорой непогоды лениво наплывала на светило. Со стороны гор на нас надвигались тяжелые низкие тучи, полные нерастроченной воды.

Погода обещала пролить на эти земли дождь... будто так влаги здесь было недостаточно.

Агнэ шагала чуть впереди, важно указывая путь, я же шла рядом с Сэнаром и просто гордилась, что смогла удержаться и не ухватиться трусливо за рукав его рубахи.

Казалось, что все прохожие смотрят только на меня, на неопрятную и наспех умытую выданную топиями головную боль их царя. На самом деле, конечно же, это было не так. Я не вызывала у местных особого интереса, поселение было немаленьким, и люди, судя по всему, здесь редкостью не считались: на своем коротком пути от дома Ксэнара до торговой площади мне повстречались три человеческие девушки — две смешливые блондинки и невозможно рыжая особа, спешившая куда-то по делам.

Вероятно, мои неоправданные и смешные переживания со стороны выглядели как-то совсем уж безрадостно. Сэнару быстро надоело мое сосредоточенное лицо и затравленный взгляд.

— Никто не знает, что в наши края занесло принцессу человеческого королевства, — ответил он на не заданный мною вопрос. — Брат запретил о тебе говорить, пока твоя судьба не будет решена. Сегодня вечером, конечно, ты станешь главной темой... но пока можешь чувствовать себя комфортно.

Если он считал, что это меня приободрит... просчитался. Я почувствовала себя совершенно несчастной и нахмурилась.

Сэнара совсем уж помрачневший вид его спутницы не устраивал.

— Прекрати!

— Что? — растерянно спросила я.

— Хмуриться прекрати. Улыбнись! Я понимаю, что ты многое пережила, но это же не повод отказывать себе в маленьких радостях. — Сэнар улыбнулся, показывая, как это делается. — Давай, оглянись. Почувствуй этот день.

Я лишь сильнее нахмурилась, не понимая, чего он от меня хочет, — разве я не этим сейчас занималась? Не крутила безостановочно головой, опасливо осматриваясь и боясь встретиться с кем-нибудь взглядом?

— Ну? — настойчиво поторопил он. Я решила не спорить, послушно попыталась поймать мгновение и насладиться им. Возможно, у меня бы что-нибудь даже вышло, не испорти все нетерпеливый эва.

— И улыбнись наконец. Напоминаешь моего брата.

И весь мой возможный оптимистичный настрой улетел в пекло.

— Что?

— Ксэнар точно с таким лицом все время ходит. Словно веселиться — это сложная наука, которой он не обучен... а ведь когда-то его даже рассмешить можно было. И куда все девалось? — Сэнар сокрушенно покачал головой.

— С ним что-то случилось? — любопытно спросила я, ожидая услышать какую-нибудь душераздирающую историю о том, как развеселившегося царя чуть не съело какое-нибудь болотное чудовище. Как самому Ксэнару удалось сбежать, а вот его чувство юмора спастись не смогло.

— Случилось, — кивнул Сэн. — Жена умерла.

— О... — Я сбилась с шага. Стало стыдно за свои глупые мысли.

Что в таких случаях принято говорить, я не помнила. Чужое горе для меня всегда было худшим наказанием.

Я не имела представления, как со своим справиться, что уж о чужом говорить...

Эва не ждал от меня никаких банальных слов сочувствия.

— Я расскажу. Об этом все знают, и ты должна. — Чуть придержав меня за локоть, позволяя своей энергичной племяннице вырваться вперед еще на несколько шагов, он тихо заговорил: — Нэна умерла родами, когда Агнэ было четыре. Брат ждал сына, наследника. Не дождался. Ребенок родился мертвым.

— Он ее очень любил? — неловко спросила я. Мертворожденные дети, выкидыши и прочие трагические завершения беременности во дворце случались нередко. Утонченные аристократки, затянутые в корсеты, казалось, даже ночью, с трудом могли разродиться. И ни один лекарь не был в состоянии побороть природу... Вероятно, лекари эва также не были достаточно сильны.

— Нет. Они женились по велению рода. Такое случается редко, но, если повеление было озвучено, его уже не оспорить.

— Даже царю? — недоверчиво уточнила я.

— Даже царю. Предкам не перечат, — подтвердил эва. И цинично добавил: — Повеление предков оказалось для всех нас большой удачей.

— Это в каком смысле?

Сэнар странно покосился на меня, словно раздумывая, стоит ли со мной совсем уж откровенничать. После недолгих размышлений пришел к выводу, что все же стоит.

— Пожалуй, тебе будет полезно узнать... Человеческие девушки бывают излишне легкомысленными, из-за этого случаются большие проблемы, — сказал он. Слова его мне не очень понравились, но продолжил Сэнар раньше, чем я успела возмутиться. — Мы сильно привязываемся. Со временем связь в паре становится лишь крепче... Ксэнара спасло то, что Нэн он не любил, иначе, лишившись царицы, в скором времени мы могли потерять и царя.

— Все так серьезно? — пораженно пробормотала я.

— Не думаю, что ты сможешь представить насколько. — Сэн внимательно посмотрел на меня. — Но прошу, будь осторожной в общении с эва. В отличие от людей в чувства мы не играем.

Об особенностях местных жителей, в частности об их болезненной привязанности, я слушала с ужасом. И то, что Сэн не считал все это чем-то плохим, поражало меня больше всего. Для эва нездоровая привязанность, даже зависимость от партнера, была нормой, они умудрялись как-то с этим жить...

И не просто жить, но даже создавать семьи с залетными представителями человеческого рода.

— Хотя с людьми сложно, — признался Сэнар. — Время очень часто убивает вашу любовь.

— Случается, — вздохнула я. — А можно вопрос?

— Задавай.

— Если у вас такая... особенность, то зачем вы рискуете и связываетесь с людьми? Не безопаснее ли было бы держаться от нас подальше?

Сэнар пожал плечами.

— Это полезно. Дети от межвидовых союзов сильнее и выносливее. И не так подвержены нашим неприятным слабостям.

— Не так привязчивы?

— И это тоже. — Он улыбнулся. — Тебя ведь что-то еще беспокоит?

Я не нашла причин таить свои переживания. Раз уж он такой дружелюбный, общительный и готовый все мне объяснить... что ж, пусть объясняет.

— Я не понимаю, как ваш царь мог так просто доверить мне Агнэ. В смысле, раньше, конечно, я была очень располагающей, люди меня любили, но... но как можно так просто вверить свою дочь в руки незнакомой девицы?

— Думаешь, нельзя?

— Нет, — решительно рубанула я. — Особенно после того, что вы мне рассказали.

— Ты пыталась спасти Агнэ от насыти. Да, поступок в высшей степени глупый и бессмысленный, вас бы обеих съели. Но ты рискнула, хотя могла сбежать.

— Насыть это которую обезглавили?

Сэнар кивнул.

Я неопределенно пожала плечами. Могла сбежать и даже хотела... вот только с чувством самосохранения у меня были явные серьезные проблемы. И только бешеное везение все еще не позволило мне распрощаться с жизнью...

— Агнэ всегда была энергичной. Излишне любопытной, неоправданно безрассудной... — Эва вздохнул. — Вся в отца.

— Непохоже, чтобы царь позволял себе необдуманные поступки, — осторожно заметила я.

— Статус обязывает. Знала бы ты его в детстве. — Сэнар рассеянно улыбнулся, но долго вспоминать прошлое себе не позволил. — Впрочем, речь не о нем. Ни одна... как вы их зовете... гувернантка? Ни одна гувернантка не продержалась рядом с Агнэ дольше полугода. Она сбегает из-под их присмотра, досаждают мелкими проказами, не слушается.

— Она не похожа на избалованного ребенка, — пробормотала я, подозревая, что Эва пытается меня запугать.

Оказалось, Сэнар так своеобразно предупреждает.

— О нет. Это не про Агнэ. Просто каждая ее... гувернантка подбиралась Ксэнаром для будущей царицы. Для той, кем была его жена и кем, по мнению моего невнимательного брата, надлежало стать его дочери. Ксэнар не хочет видеть, как много девочка взяла от него, и совершает множество ошибок.

— Ну так открыли бы ему глаза на правду.

Эва становилось все больше, Сэн неотрывно следил за плывущей среди живого потока племянницей и не находил возможности посмотреть на меня. Потому его театральный

вздых, не подкрепленный страдальческим взглядом, почти не произвел на меня впечатления.

— Знала бы ты, сколько раз мы ссорились из-за этого. Ксэнар не желает видеть очевидного.

Болотный царь не выглядел как тот, кто умеет ссориться, он даже не очень походил на эва, способного повысить голос... зачем такие сложности, если можно просто жутко глянуть, не тратя силы на ругань? Но его брат утверждал, что в Ксэнаре много эмоций и чувств, которые он порой даже демонстрирует. Говорил об этом Сэн с такой уверенностью, что сомневаться в правдивости его слов было почти невозможно.

— И чем я могу помочь? — За рукав рубахи Сэнара я все же ухватила, чтобы меня не отнесло в сторону от эва и не закружило в суетливом потоке.

— Просто оставайся собой, принимай восхищение Агнэ и постарайся смирять ее опрометчивые желания.

— Как, например, идея выбраться из топей... Зыби и посмотреть, как живут люди?

Сэн улыбнулся, кивнул, ни на миг не выпуская Агнэ из поля зрения, и легко отцепил от своего рукава мою руку, крепко сжав вялую ладошку теплыми пальцами.

— А ты схватываешь на лету.

— Но если моего авторитета будет недостаточно?

Он фыркнул.

— Недостаточно? Не слышала ты, с каким восторгом Агнэ рассказывала о тебе и о вашей встрече, иначе бы в себе не сомневалась.

— И все же...

— Забудь про неуверенность! — отрубил он. — А теперь прекрати хмуриться и сделай воодушевленное лицо, к нам идут.

Сэнар был прав, Агнэ, которой надоело одиночество, спешила вернуться.

— Ну и медленные же вы, — возмутилась она, зацепившись за свободную руку своего дяди. — Пойдемте скорее, у нас впереди столько дел!

— Столько дел, — эхом отозвался Сэнар голосом, лишенным всякого энтузиазма, так отчетливо звеневшего в словах его племянницы.

Толпа схлынула неожиданно, вдруг, позволив мне на одно короткое мгновение увидеть, как широкая улица упирается в ту самую торговую площадь. Полную товаров, смеха и громких разговоров.

Этот день позволил мне сделать сразу несколько открытий.

Во-первых, покупать готовые наряды куда интереснее, пусть и сложнее, чем заказывать личный гардероб у модистки.

Во-вторых, Сэнар может быть терпеливым и смирным, если поблизости находится его полная восторга племянница.

В-третьих, племянница эта может быть страшнее стаи модисток, которых я недолюбливала и боялась с самого детства.

Наряды эва пришлось мне неожиданно по вкусу. Отсутствие корсетов и пышных юбок делало их одежду невероятно удобной и приятной, а уж наличие женских брюк, предназначенных не только для верховой езды... Я еще очень многого не знала об эва, но они мне уже нравились. Не мог быть плохим народ, придумавший такую замечательную и удобную одежду.

Когда Сэнар говорил, что я стану главной темой вечера, вероятно, мне стоило не

игнорировать это предупреждение и как-то подготовиться к тому, что ждало меня впереди... чтобы не удивляться, когда посреди ночи мне на живот свалится огромная и тяжелая жаба.

Проснулась я от сильного удара под дых, заплотило взмахнула руками, взбрыкнула, путаясь в одеяле, и замерла, встретившись взглядом с хорошо видной на светлой ткани жабой.

Дождь, который я ждала весь день, обрушился на нас только ночью, и, готовясь ко сну, я открыла окно, чтобы слушать, как лениво шуршит на улице непогода.

Так и уснула с открытым окном.

Дождь кончился, тучи освободили небо и позволили луне любопытно заглянуть в мое окно.

В комнате было прохладно и тянуло сыростью, но важным сейчас было не это...

Сначала я не поверила своим глазам. Потом жаба открыла широкую пасть и хрипло спросила, переползая мне на грудь:

— Ты, что ли, принцесса?

Разговаривающая жаба... Пожалуй, это был уже перебор.

Я взвизгнула, подскочила на постели, скинув тяжесть с груди на колени, и замолотила ногами, желая сбросить ее на пол.

— Успокойся! — рявкнула жаба, лишь чудом удержавшись на одеяле. Я покорно замерла, пораженная властными интонациями, проскользнувшими в жабьем голосе. Несколько мгновений она копошилась, стараясь перевернуться со спины. Прикасаться к ней я опасалась, потому осталась преступно безучастна и помогать не стала.

Справилась жаба сама.

Я беззастенчиво таранилась на бурую невидаль, дыша через раз.

Доводилось мне слышать о землях на южной границе нашего королевства, где магический фон был так высок, что люди и животные, обитавшие в тех краях, претерпели невероятные изменения. Все исследователи, отправлявшиеся туда для изучения столь необычных воздействий магии на живой организм, так ничего выяснить не смогли, но после возвращения прожили недолго. Угасли за считанные годы.

Ходили слухи, что повинны в высоком магическом фоне тех земель были маги. Официальная же версия утверждала, что всему виной какие-то глубинные магические потоки, которые были высвобождены из-за череды землетрясений.

Конечно, отец знал настоящую причину, возможно, ее знал даже брат, как наследник и будущий король, мне же открывать правду не посчитали нужным.

И вот сидела я в комнате, которую готовилась с полным правом считать своей, и разговаривала с существом, на которое явно было произведено магическое воздействие... И не знала, как на это реагировать!

— Успокоилась? — деловито спросила жаба.

— Вы разговариваете, — сипло озвучила я очевидный, но очень тревожащий меня факт.

— Поразительная наблюдательность, — едко отозвалась жаба и раздраженно раздула щеки. Что бы это ни значило у обычных жаб, у этой явно свидетельствовало о недовольстве. — Хотя умной ты быть и не должна.

— Чего?!

— Целуй меня! — вместо объяснений потребовала жаба, поспешно сдувая щеки. Желала, видимо, принять благообразный вид. Зря старалась.

— Чего? — повторила я растерянно.

— Ты прекрасная принцесса, я неотразимый принц, проклятый злой колдуньей, и лишь твой поцелуй способен снять с меня это проклятие. — «Неотразимый принц», переполненный эмоциями, длинно квакнул. — Ты не представляешь, сколько я ждал тебя!

— Ждал меня, — протянула я задумчиво. Что ж, самка оказалась самцом. Стукнутым на всю голову, свихнувшимся от переизбытка магии, наглым самцом. — И зачем? У вас же тут прямо под боком настоящая царевна живет. Ее бы и по...

— Ты сказки, что ли, не читала никогда? — возмутился жаб. — Нужна принцесса, и все тут!

— Все зависит от перевода, — не согласилась я. — Вот подарили мне как-то послы из Сиветага переведенную с их наречия специально для наших земель книгу, так в ней титул правителя перевели как «король», хотя на их наречии он звучит как «кесарь».

— Выпендриться решила? — мрачно спросил жаб.

— Я всего лишь хочу сказать, что нельзя исключать возможность...

— Пробовали мы! — прервал меня он. — Не получилось ничего. Не расколдовался я. Значит, нужна принцесса.

Я с сомнением посмотрела на «принца». С одной стороны, Агнэ была похожа на ту, что не побрезгует поцеловать жабу, даже столь необычного красного цвета, с другой — едва ли она стала бы терпеть такое хамство от земноводного.

И либо с ней жаб был кротким паинькой, либо кто-то здесь безбожно врал...

— Целуй меня, женщина! — властно квакнул возможный обед. Брат мне рассказывал, как в некоторых западных государствах жаб едят. Вроде как традиционное блюдо...

И сейчас одно такое блюдо пыталось мне приказывать...

Зря он так.

— Знаете, кажется, я понимаю, за что вас в жабу превратили, — призналась я, осторожно подхватив его под лапки. Пусть свой статус и прилагающуюся к нему власть я и потеряла, но все еще очень не любила, когда на меня смотрели со снисхождением и пытались командовать.

Он не сопротивлялся, он был уверен, что на руки я его взяла с единственной целью — чтобы поцеловать.

Когда я выбралась из постели, с трудом удерживая огромную тушу на вытянутых руках, жаб все еще ничего не заподозрил. Доверчиво свесив задние лапки и с предвкушением глядя на меня.

Осознал заколдованный хам всю жестокость реальности, лишь когда оказался на полу коридора перед закрытой дверью.

Оттерев руки о новенькую сорочку, все еще ощущая на ладонях непривычное тепло сухой жабьей кожи, я с чувством выполненного долга вернулась в постель.

В коридоре некоторое время гневно квакали. Негромко, опасаясь разбудить кого-нибудь из эва, живущих на этаже. А как я знала, кроме меня и Агнэ тут также обитал Ксэнар со своим общительным братом. И периодически ночевала Ллэт, которую, на счастье Сэнара, в первый же день его возвращения вызвали в соседнее поселение. Кого-то из эва серьезно ранили на охоте, и лекарь, закрепленный за теми территориями, не справлялся.

Так я и узнала, что помимо этого поселения, которое, не покривив душой, можно было бы и городом звать, есть еще с десятков (это не считая рабочих деревень, раскиданных по всей Зыби) и что в болотах опасность подстерегает не только людей и маленьких

девочек, но и охотников. После того как я видела, насколько легко Ксэнар справился с насытью, мне почему-то казалось, им тут вообще ничто не страшно.

Как выяснилось, страшного в Сумеречных топях хватит с лихвой на всех.

Жаб возмущался недолго и в скором времени ускакал, оскорбленный, но не побежденный.

Утром я не смогла подняться с кровати.

Болело все. Ноги, спина, голова и даже горло. Легкая температура изматывала своей неопределенностью: с одной стороны, она была недостаточно высокой, чтобы о ней беспокоиться, с другой — нормальной она тоже не была.

— Ну как же ты так умудрилась? — сокрушался Сэнар после осмотра.

Его на помощь позвала Агнэ, когда утром зашла за мной, чтобы вместе спуститься к завтраку, обнаружила, что я даже из кровати выбраться не в состоянии, и тут же бросилась к своему дяде.

А тот, уверенный, что знаний ему хватит, вызвался лично меня лечить, игнорируя вялые протесты своей неожиданно обретенной пациентки.

— Мне это радости не приносит, — просипела я подавленно. — Ненавижу болеть.

— Сегодня я хотел показать тебе Утопленницу, — не слушая меня, продолжил жаловаться Сэн. — Восхитительное зрелище.

— Не надо мне утопленниц показывать! — всполошилась я. Закашлялась и сдавленно, сквозь кашель, призналась: — Я боюсь мертвецов.

— Утопленница, принцесса, это река, — проворчал эва, помогая мне сесть. Погладил по спине, каким-то неведомым образом смиряя кашель. — И она крайне... живописна.

— Название...

— Полностью отражает суть. Здесь недалеко есть завод, каждый год мы находим в ней какого-нибудь человека. Чаще уже утонувшего, но бывают и приятные сюрпризы.

— Знаете, мне не очень хочется на нее смотреть. — Моя богатая фантазия уже подкинула мне незабываемую картину, не пожалев на нее красок: я стою на берегу реки, светит солнышко, в листве деревьев звонко перекликаются птицы, а ленивый речной поток гонит мимо меня раздувшееся тело очередного утопленника...

— Напрасно, — сказал Сэнар. Больше он к этой теме не возвращался. Только нудным голосом велел мне соблюдать постельный режим (будто я могла бы сама подняться и куда-то пойти), отдыхать, не думать о плохом и пить все, что мне принесут.

Я его слушала, кивала и грустно размышляла о том, что до уборной в случае надобности я смогу добраться только ползком.

— Завтрак тебе принесут, — под конец пообещал он. — Я распоряжусь.

И ушел.

Минут через пятнадцать улыбка девушка принесла поднос с едой. Больной мне предстояло съесть какую-то странную кашу не внушающего доверие зеленоватого цвета, заботливо порезанные фрукты... по большей части знакомые, и выпить огромный стакан чего-то желтого и пахнущего лугом. Отвар на вкус оказался весьма неплох. Кто-то расщедрился и от души сдобрил его медом.

Еще через полчаса в комнату ворвалась хмурая Агнэ.

Я как раз успела размазать кашу по тарелке ровным слоем и не знала, чем еще себя занять.

— Что-то случилось?

— Я хотела позавтракать с тобой, но отец запретил, — пожаловалась она.

— Со мной? Зачем?

— Ну как же? Тебе же одиноко! — В голосе ее было столько Сэнарвной веры в то, что последние сорок минут я буквально изнывала от одиночества и скуки... я просто не смогла ей признаться, что совсем неплохо провела время.

Полежала в мягкой постели, наслаждаясь тишиной и покоем, буквально купаясь в ленивом умиротворении, — очень давно я не могла отдохнуть, побыть наедине с собой, просто не думать ни о чем, не переживать и не бояться.

— Можно задать тебе вопрос? — поинтересовалась я, забыв ответить на ее улыбку.

Агнэ посмотрела на меня с подозрением, но кивнула. Села в изножье кровати и приготовилась... судя по всему, оправдываться.

Подавить смешок удалось с трудом — часто, видимо, она тут правила нарушает, раз любой намек на серьезный разговор заставляет ее приготовиться к бою.

— Почему ты так хорошо ко мне относишься? — спросила прямо, не имея сил и терпения на долгие подводы к важной теме. — Я же ничего для тебя не сделала.

Ксэнара удивило то, как легко я добилась расположения царевны, значит, бросаться с объятиями на первого встречного было не в ее характере. И чем я могла заслужить ее расположение, было непонятно.

Агнэ расслабилась, но вздохнула тяжело, будто ее уже заставляли отвечать на этот вопрос.

И кто знает, может, и заставляли. Едва ли царь так легко принял новость о том, что его дочь столь быстро мною очаровалась.

— Сделала, — сказала она. — Там, в лесу, когда я совсем заблудилась, на моем пути появилась ты.

— И все? — удивилась я.

Она фыркнула.

— И все сразу наладилось.

На одно короткое мгновение я почувствовала себя талисманом. Посеребрянным треугольником на кожаном шнурке, какие обычно заговаривали на удачу...

Неужели все так просто? Открытый взгляд царевны не позволял сомнениям зародиться.

Может, и так. Много ли нужно ребенку?

Она смотрела на меня, терпеливо ожидая следующий вопрос, которого у меня не было.

— А твой дядя грозился отвести меня посмотреть на Утопленницу, когда выздоровею, — невпопад сообщила я, чтобы как-то заполнить тишину.

Агнэ мгновенно оживилась. Глаза ее засветились уже знакомым азартом.

Когда в прошлый раз я видела ее такой воодушевленной, мне пришлось исходить всю торговую площадь, заглянуть в каждую лавку и известить себя примерками... и себя, и Сэнара, который успел сто раз пожалеть, что увязался за нами.

— Устроим там пикник!

Мои самые страшные опасения подтвердились — девочка загорелась новой идеей.

Род — совет, состоящий из предков. Всего предков 9 эва.

ГЛАВА IV. Утопленница

Болезнь держалась за меня три дня, и все это время мне было... сложно. Побывать в тишине, наедине с собой, я могла только ночью, во время приемов пищи или в уборной, куда меня исправно таскал Сэнар, с энтузиазмом исполнявший роль моего лекаря.

Остальное время рядом была Агнэ. По моей просьбе она принесла из библиотеки несколько книг, которые, на ее притязательный взгляд, могли бы мне понравиться, но читать их не давала.

Девочке не хватало общения, она бежала от одиночества, о котором я так мечтала...

И мне не оставалось ничего другого, кроме как защищать ее от тишины. Я же вроде как взрослая, я должна.

Агнэ была полна энергии, которую ее отец, ослепленный традициями, пытался сдерживать. И чем дольше я с ней общалась, чем больше узнавала, тем отчетливее понимала, что в скором времени нас с царем ожидает серьезный разговор.

Вот только я наберусь сил и смелости... или просто сойду с ума, подкараулю Ксэнара в каком-нибудь тихом месте и с удовольствием выскажу ему все, что думаю о его способах воспитания. Потому что меня воспитывали совсем как Агнэ и ничего хорошего из этого не вышло...

Потом, конечно, придется собирать вещи, мириться с мыслью, что я провалила задание, данное мне магом, и привыкать к тому, что до скончания своих дней я буду жить среди незнакомых людей, на чужой земле по ту сторону гор. Не было во мне уверенности в том, что царь стерпит мою дерзость и не изгонит из своих владений.

Мысль эта пугала, но сияющий взгляд царевны, когда она говорила о нашей скорой вылазке к Утопленнице, не позволял отказаться от затеи.

Я хотела сделать для нее хоть что-то. Хотя бы попытаться открыть Ксэнару глаза на правду.

Иначе вина за то, что я обманываю маленькую доверчивую девочку, сожрет меня, в этом не приходилось сомневаться.

На третий день, ближе к вечеру, когда Агнэ, изнемогая от безделья, просто слонялась по моей комнате, я уже чувствовала себя почти здоровой и восхитительно бодрой и все же осмелилась проявить любопытство:

— Что-нибудь интересное за стенами этого дома сейчас происходит?

Она застыла на несколько мгновений у стола, задумчиво водя пальцем по теплomu дереву. Кивнула.

И охотно, как, казалось, делала все на свете, поделилась последними новостями.

— На улицах ходили слухи, что ты не болеешь, а просто прячешься от всех. Вроде как ждешь, когда о тебе забудут. Но тебя никто не осуждает, — поспешно добавила царевна, заметив мое удивление. — Многие жалеют. Говорят, бедная девочка, потеряла все... ну и прочую глупость.

— Ходили слухи? — переспросила я. — Больше не ходят?

— Ну... Сэну надоело, и он потребовал справедливости. Вроде как если его обвиняют во лжи, то пусть скажут это ему в лицо. Никто, конечно, не стал этого делать, так ведь можно и на вызов нарваться.

— На вызов? — Я совсем ничего не понимала, и мое непонимание забавляло всезнающую Агнэ. — Погоди, а Сэнар тут вообще при чем?

— Как же? Он ведь тебя лечит, и он подтверждает слова о твоей болезни, а раз все думают, что это неправда, значит, дядя лжец.

— И если кто-нибудь осмелился бы сказать это ему прямо в лицо, Сэнар смог бы бросить тому эва вызов. — Я нахмурилась. — В смысле, вызов на дуэль?

— Не знаю, что такое дуэль, — мотнула головой Агнэ. — Охота.

— Так они должны кого-то поймать?

— Не они охотятся. На них.

Девочка улыбалась, глядя, как я беспомощно пытаюсь понять смысл ее слов. Ничего не понималось — я слишком мало знала об этом народе, чтобы их традиции были мне понятны.

В конце концов Агнэ сжалилась надо мной и заученными, явно не своими, словами проговорила:

— Разделившие спор уходят в болото на последнюю охоту. На три дня и три ночи они вверяют свою жизнь воле болотной руды, открываясь ей до дна. На четвертый день к воротам выходит только один. Тот, чья правда была подтверждена. Второй навсегда остается в болотах.

Я нервно сглотнула.

Подумать только, такие развитые на первый взгляд создания, а разногласия решают по примеру древних племен.

И где там справедливость? Где честный суд?

Кто сильнее и проворнее... в крайнем случае, хитрее, тот, выходит, и прав.

А жизнь уже не раз мне доказывала, что самый сильный — не всегда правый. В большинстве случаев все как раз наоборот.

— Не бледней так. — По Сэнарности своей Агнэ решила, что я переживаю о Сэнаре. — Дядя же не лгал, так что, даже если бы ему пришлось уходить в болото, он бы вернулся. Но это уже и неважно. Болтать про тебя все равно перестали.

— Это успокаивает, — пробормотала я, кривя душой.

На следующий день у меня просто не осталось причин, чтобы и дальше зваться больной.

После завтрака, который мне еще принесли в комнату, Сэнар во всеуслышание объявил о моем чудесном выздоровлении.

Мол, стрессы, постоянное физическое и эмоциональное перенапряжение меня подкосили, но он виртуозно умирил все мои недомогания и проблемы...

— А если бы ты позволила сделать массаж, я бы поставил тебя на ноги на два дня раньше, — самоуверенно заявил он, когда мы остались наедине.

Я сидела на своей постели, осторожно касалась пятками прохладного пола и задумчиво шевелила пальцами ног. Сэнар устроился на подоконнике распахнутого настежь окна, и легкий ветерок чуть заметно трепал его собранные в хвост волосы.

— И без массажа неплохо вышло, — рассеянно отозвалась я.

— И все же... — попытался возмутиться Сэнар.

Я его перебила:

— Не обижайтесь, но я морально не готова доверить вашим рукам свою спину и свои ноги.

— Не можешь доверить моим — доверила бы Ксэнару, — проворчал недооцененный лекарь. Поймал мой ошалелый взгляд и усмехнулся. — Что так смотришь? Брат умеет, его Ллэт обучала, чтобы он Нэн во время беременности разминал.

— Я и без массажа себя неплохо чувствую.

— Ты просто не знаешь, как бы чувствовала себя после массажа. Но это уже не важно... — отозвался он, спрыгнув с подоконника. — Собирайся, через два часа выдвигаемся.

— Куда это? — опешила я. С самого пробуждения я точно знала, что никаких дел на сегодня у меня не запланировано.

— К Утопленнице. Агнэ очень хочет на пикник, а у меня кончились отговорки.

— Но... прямо сейчас?

— Почему нет? — удивился он. — Прогулка пойдет тебе на пользу. Подбери удобную одежду, об остальном позабочусь я.

Сэнар ушел, а я еще некоторое время просидела на постели, беспомощно глядя на дверь.

Потом попыталась взять себя в руки.

— Ладно, пикник это же совсем не страшно... наверное.

Те пикники, на которых довелось побывать мне, были мучительно скучными и больше походили на отбывание повинности, чем на приятное времяпрепровождение.

Хотелось верить, что у эва все иначе.

С тяжелым вздохом я поднялась с постели, грустно разглядывая угол, заваленный Ксэнартками с неразобранной одеждой.

— Ну не в сорочке же мне идти, в самом деле, — пробормотала я, пытаюсь решить с какой стороны лучше подойти к внушительной горке обновок, из-за моей внезапной болезни так и пролежавших в углу комнаты все эти дни, — домашние работницы, как их называла Агнэ, предлагали разобрать покупки за меня, но я отказалась. Хотела хоть что-то сделать сама.

Дома мне все интересное запрещалось, мама цепко следила за моим поведением, исключительно в благих целях пытаюсь искоренить всю мою самостоятельность. Потому что благородным дамам, особенно принцессам, не подобает что-то делать самим. Все свои силы они должны бросать на то, чтобы держать спину прямо и не падать в обморок из-за слишком тугих корсетов и до смешного маленьких порций еды. Подозреваю, если бы я не знала дорогу на кухню, долго бы не протянула. Но я знала, мне повезло.

Мне вообще очень часто везло. Мама говорила, что я обласкана богиней, не уточняя, правда, которой из трех...

Двух часов мне не хватило. Сэнар заглянул как раз в тот момент, когда я рылась в одном из Ксэнартков, пытаюсь подобрать подходящую рубашу, сочетавшуюся с уже выбранными штанами.

Сначала я бросилась перебирать платья, блузы и юбки... потратила на это почти час. Потом поняла, что мне теперь не обязательно наряжаться так, как это принято в Зорцесвете, немного поплакала из-за воспоминаний, которые никак не хотели подавляться, и принялась разбирать Ксэнартки с неподобающей одеждой: с простыми рубашками, туниками и штанами.

— Еще не готова? — ужаснулся Сэнар, увидев меня посреди разодранных Ксэнартков, разбросанной одежды, с безумным видом сравнивавшую две совершенно одинаковые на его взгляд рубашки.

— Почти, — отозвалась я. Протянула к нему руки с зажатой в них проблемой и спросила: — Какую?

Он не думал, даже толком не пригляделся к предложенным вариантам.

— Правую.

Я смело откинула выбранный им вариант в сторону.

— Спасибо.

— И что это было?

— Знаете присказку «Послушай женщину и сделай наоборот»?

Он кивнул.

— Так вот, в обратную сторону она тоже работает. Выйдите, пожалуйста, мне нужно переодеться.

Сэнар послушно, а главное молча, вышел и осторожно закрыл за собой дверь, я еще успела услышать нетерпеливый вопрос подоспевшей Агнэ: «Ну что там?», ответ — уже нет.

Я чувствовала себя странно и некомфортно в непривычной одежде. За время, что мы шли по улицам, мимо эва, старавшихся не подавать виду, но все равно с любопытством рассматривавших этакую диковинку — человеческую принцессу, я успела сто раз пожалеть, что не надела платье.

Сорок минут мучительной неловкости закончились у западных ворот, что выводили к лесу. В лес этот вела неширокая дорога, на которой с трудом смогли бы разминуться две лошади.

— А что там?

Сэнар проследил за моим взглядом. Пожал плечами:

— То же, что и здесь. Эти территории, — он кивнул на дорогу, — малопригодны для жизни, но несколько поселений в тех краях все равно образовалось. Говорят, оттуда пошел наш род, там эва и построили свои первые дома, но мне кажется это сомнительным. Земля ненадежная, по сей день в особенно дождливые времена случаются потопа. Хищники, опять же...

Пока я вдумчиво изучала дорогу, слушая Сэнара, Агнэ успела заскучать и самостоятельно отправиться к Утопленнице.

— Не отставайте, — звонко велела она и припустилась по совсем уж незаметной в траве тропинке.

— Куда?! — всполошился Сэнар. — Агнэ! Вернись немедленно! Я кому сказал!

Эва бросился догонять свою сумасбродную племянницу, и мне пришлось поспешить следом, чтобы не потерять их из виду и не потеряться самой.

Воздух звенел от жужжания насекомых, непуганные птицы в горячке охоты пронеслись совсем рядом, почти задевая упругим крылом плечо или щеку. Высокая трава волновалась под легкими порывами теплого ветра, шуршала и шевелилась, словно живая. Слева от нас, маня тенью, возвышался густой смешанный лес. Справа простиралось зеленое, живое и будто дышащее поле.

Сэнар крепко держал за руку недовольную Агнэ, которой готов был уступить ее самостоятельность на знакомых улицах поселения, но никак не в лесу. Шли они чуть впереди и выглядели премо. Немного отстав, едва сдерживая улыбку, я любовалась семейной идиллией: дядя ворчал, племянница сопела... Солнце припекало.

Хорошо.

Осознала я, что выбор одежды был верным, почти сразу, как мы нырнули в шуршащее зеленое море, где трава легко доставала мне до пояса, и окончательно в том утвердилась, когда мы выбрались в редкий пролесок, чтобы без промедлений нырнуть в густой кустарник.

Чудесное это чувство, когда просто идешь и не думаешь о том, что можешь порвать подол платья, зацепившись за ветку, или чулкам может прийти конец, или сама

пострадаешь, запутавшись в подъябниках...

Счастье мое длилось не больше получаса, потом я начала уставать и отставать. Первое время еще крепилась, уговаривая себя не раскисать, уговоры не помогали.

Агнэ несла большую корзину, будто созданную для пикников, плечо Сэнара оттягивала дорожная сумка, раздувшаяся от богатства своего нутра, мне приходилось нести только себя саму, но как же сложно это оказалось.

В очередной раз обернувшись, чтобы удостовериться, что я не потерялась, Сэнар имел возможность лицезреть мое покрасневшее, перекошенное лицо, неподобающе закатанные рукава, оголяющие руки до локтей, и совсем уж непристойно расшнурованный ворот рубахи.

Я бы и сапожки сняла, и штаны с удовольствием до колен подкатала, благо наказать за подобное было некому, да только поселившийся во мне страх не позволял этого сделать. Слишком яркой была память о ночи моего побега и неведомой твари, живущей в разлившейся по лесу воде. Мало ли что у них тут еще водится...

Эва мой вид не шокировал, сам он выглядел не пристойнее, разве только не такой красный был и силы имел на издевательские улыбки.

— Держись, принцесса, совсем немного осталось.

— Мы в гору идем, — прохрипела я.

— Ты очень наблюдательна.

— Я больше не могу.

Агнэ с Сэнаром переглянулись, и последний постановил:

— Можешь.

Очень так уверенно он это сказал, что послушаться просто не получилось.

Пришлось оправдывать веру в меня и ползти на самую вершину, туда, где небольшая поляна уходила в резкий обрыв...

— Смотри. — Скинув сумку в траву, Сэнар лениво разминал плечи, пока я пыталась выровнять дыхание и разогнать черные точки перед глазами, не веря, что мы на месте.

Увидела я то, что хотел показать мне эва, лишь спустя несколько минут, когда отдышалась, а сердце мое немного успокоилось, не стремясь больше вырваться из груди. И не смогла сдержать восхищенного вздоха.

Мы стояли на обрыве, под нами ревела и пенилась неистовая, порожистая река, а за ней глухой стеной восставал еловый лес, и тянулся он до самого горизонта.

— Красиво? — Не вопрос даже, утверждение, со снисходительной ноткой, позволяющей мне согласиться со словами Сэнара.

— Очень, — выдохнула я.

— А теперь посмотри туда. — Меня развернули налево, указывая на место, где бурный поток сливался с неспешным течением. Они не смешивались во что-то невообразимое, а мирно несли воды каждый в своем направлении. — Здесь две реки расходятся. Я знаю, люди любят думать, что топят своих дев во славу нашего царя в Черноводной, но в действительности все тела в наши земли приносит Утопленница. Черноводная предпочитает топить по-другому.

— Как же? — затаив дыхание, спросила я. Ждала какой-нибудь страшной истории, получила удивленный взгляд и простое:

— Разливается. Выходит из берегов.

— Здесь красиво, потому что мелководе и все видно, — со знанием дела сообщила Агнэ.

Она стала рядом со мной, уперев руки в бока и деловито глядя вниз. — А если дальше смотреть, там глубоко, скорость течения так на глаз не определить. Ллэт говорит, потому и гибнет так много людей. Вы на Черноводной помешанные, про Утопленницу ничего не знаете, а она коварная.

— Но откуда... откуда-то же Утопленница начинается. Так почему мы о ней не знаем?

— Потому что ее исток находится в Черноводной. Где-то в топах в реке меняется течение, — признался Сэнар. — У Утопленницы есть конец, но нет начала.

— Это удивительно, — пробормотала я.

— Скажи! — Агнэ была довольна эффектом, что произвело на меня их маленькое чудо.

Мы не находились на вершине мира, я не видела отсюда границы топей или хотя бы поселения эва или пшеничные поля, по словам Сэнара, раскинувшиеся невдалеке от Поднебесных гор, там, где климат был куда суше, чем здесь, но вполне могла все это представить...

— Ладно, идея с пикником была не такой уж плохой, — призналась я на свою беду, помогая Агнэ расстилать плед.

Искренность моя была встречена довольной улыбкой, победным: «Я же говорила!» — и ужасающим обещанием:

— В следующий раз на болота пойдем. Жаб ловить.

— Как жаль, что я не смогу составить вам компанию, — быстро сориентировался Сэнар.

— Мы же еще не определились с датой, — заметила я, отчаянно не желая отправляться на болота без него.

Пускай Сэнар не вызывал особого доверия и часто вел себя несерьезно, но рядом с ним совершенно невообразимым образом было спокойно. Куда спокойнее, чем одной, что, наверное, и не удивительно: он эва, он местный, он эти леса и болота прекрасно знает. На него можно положиться, хоть и с осторожностью...

— С завтрашнего дня я буду очень занят.

— Это потому, что сегодня Ллэт возвращается? — простодушно поинтересовалась Агнэ. — Хочешь, я ее попрошу, и она тебя не очень сильно побьет?

— Я сам разберусь со своими проблемами, — сухо отозвался эва.

Больше к этой теме мы не возвращались, но озабоченное выражение так и не исчезло с лица Сэнара.

После этого пикник продлился недолго, грустно и закончился быстро. Но я успела съесть что-то странное и мне незнакомой, почти не беспокоясь что отравлюсь, еще немного полюбоваться Утопленницей, собирая последние силы на обратную дорогу и опасаясь, что их все же не хватит.

Напрасно переживала. Дорога вниз по склону оказалась куда легче, быстрее и веселее. Тропинка в прямом смысле несла меня вперед, равняя нас с Агнэ в скорости.

Сэнар плелся позади, мрачный и молчаливый. Он даже на племянницу свою не ругался, требуя идти рядом...

— А что же, Ллэт действительно ему что-нибудь сломает? — тихо спросила я царевну, когда мы отделились от эва на достаточное для безопасного разговора расстояние.

— Вряд ли, но побьет точно.

Тропинка постепенно выровнялась и вывела нас к развилке, где две тропки — та, по которой шли мы, и вторая, интригующе уводящая вправо, — сходились в одну и тянулись к воротам поселения. Там-то, в низине, укрытая тенью кустов, недалеко от одинокой, но пушистой и вроде как довольной жизнью ели какая-то громкая лягушка привлекла

внимание Агнэ своим протяжным кваканьем.

— Надо проверить, — решила она, бросив корзинку в траву. — Я сейчас!

— Куда?! — встрепелась я, собираясь бежать следом. Остановил меня Сэнар.

— Пусть идет. Ей надо.

— Что надо?

— Убедиться, что это не прекрасный принц, нуждающийся в спасении.

— Еще один прекрасный принц? — ужаснулась я, вызвав понимающую улыбку у эва.

— Уже познакомилась с Бьено?

Я сразу поняла, о ком речь, едва ли в окрестностях обитает много сумасшедших жаб. И недоверчиво спросила:

— Его правда так зовут?

— Он утверждает, что да. — Сэнар стоял лицом ко мне, беспечно повернувшись спиной к развилке тропинок. — Поцеловала его?

— Не в моих правилах целовать лягушек, которых я вижу впервые в жизни.

— Агнэ поцеловала. Сколько потом слез было. Ксэнар несколько дней не мог ее убедить, что она действительно его дочь и настоящая царевна. А говорящая жаба — не заколдованный принц, просто несуразное чудо природы... Думаю, брат бы Бьено тогда просто убил, если бы нашел.

История была в высшей мере занимательной, но куда интереснее мне сейчас было не слушать о семейных сложностях Болотного царя, а узнать:

— Кто это там идет?

Я невежливо ткнула пальцем в сторону спешащей к нам немолодой женщины. Одета она была, как и Агнэ, в рубаху, жилет и штаны с кожаными нашивками. Дорожная сумка, переброшенная через плечо, била ее по бедру, но никак не могла отвлечь от растерянно обернувшегося Сэнара.

С выражением агрессивной решительности на худом скуластом лице женщина неслась прямо на эва. Тот содрогнулся, попятился, тесня меня в траву, уронил сумку и тихо пробормотал:

— До ворот осталось меньше мили, прямо по тропе. Вы не заблудитесь. Следи за Агнэ.

— Что? А вы?

— А мне пора нести свои кости подальше отсюда.

— Что?

— Даже не думай сбегать! — прогремел сильный голос незнакомки. — Прими свое наказание достойно, мальчишка!

— Дурак я, что ли? — спросил Сэнар, ни к кому не обращаясь.

И побежал. Прочь с тропы, в сторону зарослей дикой яблони. Поднырнул под низкие ветви и скрылся из виду.

Не теряя времени, сменив быстрый шаг на бег, с места сорвалась и женщина. Пронеслась мимо меня, одарив мимолетным цепким взглядом, и нырнула в колючие объятия деревьев.

Несколько мгновений я смотрела на растревоженные ветви и думала, можно ли назвать это знакомством с Ллэт, или считается, только когда представляешься официально? Как

принято у эва?

Покачав головой, я обернулась туда, где совсем недавно выискивала лягушку Агнэ, чтобы узнать ее мнение касательно здоровья Сэнара. Насколько оно ухудшится, если Ллэт его все же догонит. И сильно ли страшнее станет его будущее, если не догонит.

Девочки на месте не было.

— Агнэ! — позвала я.

Деревья безучастно шелестели листвой, глухие к моим воззваниям.

— Агнэ! — повторила я. — Агнэ, это не смешно. Выходи!

Царевна не откликнулась.

Самое страшное, что только могло произойти, случилось — я потеряла ребенка.

В низину я спустилась в считанные секунды — просто поскользнулась на траве и скатилась вниз, оказавшись в каких-то колючих кустах. Ноги спасли штаны, гордость — отсутствие зрителей. С трудом высвободившись и поднявшись, я рассеянно отряхнулась, взглядываясь в мирную тень между деревьев.

— Агнэ?!

Гася несправедливую злость на Сэнара, бросившего меня здесь одну со страшной проблемой, я поспешила в единственно верном направлении — прямо в лес.

— Агнэ! — звала я, мечтая найти царевну, надрать ей уши и больше никогда никуда с ней не ходить.

Опасности я не почувствовала и странной тени, мелькнувшей на краю зрения, значения не придавала. Я боялась не найти Агнэ, на другие страхи места не осталось.

Эта безмозглая беспечность стоила мне несколько зверски убитых нервов.

— Долго же мне пришлось тебя ждать, — раздался над ухом вкрадчивый знакомый голос. Шершавая ладонь зажала рот раньше, чем я успела взвизгнуть. — Тише, успокойся.

— М-м-м-м! — возмутилась я.

Мне нужно было, чтобы маг меня отпустил. И раз он все равно здесь, чтобы помог найти царевну, пока ее кто-нибудь не съел. И я выкручивалась из его рук, толкалась локтями, мстительно желая заехать ему под дых. Он специально меня напугал, а я специально сделаю ему больно — это честно.

Арис держал крепко, ощутимо сдавливая ребра, и на тычки мои внимания особого не обращал.

А это уже было совсем не честно.

— Рагда, я тебя сейчас отпущу, — пообещал он, быстро сообразив, что мне не хватит благоразумия успокоиться самой. — А ты пообещаешь вести себя разумно, да?

Мое короткое неопределенное мычание при должном уровне Сэнарвности или оптимизма можно было принять за согласие.

Арис меня отпустил.

Не медля, я отшатнулась, резко крутанулась на месте и с чувством пнула его в голень. Удар пришелся вскользь и оказался почти безболезненным. Маг лишь слегка поморщился.

— Я же просил вести себя разумно, — осуждающе покачал головой он.

Я резко вскинулась, подняв на Ариса взгляд, и на несколько мгновений потеряла дар

речи, с ужасом глядя в худое лицо. Его вполне можно было бы назвать изможденным, можно было бы даже решить, что маг болен. Если бы не черные глаза, черные волосы и страшный знак на виске. Незаконченный круг с тремя пересекающими его линиями разной длины.

Чернокнижник.

Такие не болеют.

Зловещий образ довершал дорогой костюм из черной ткани: черная сорочка, черный жилет, черный камзол и узкие по новой моде брюки. И щегольские сапоги, тоже черные.

Первым моим порывом было броситься бежать куда глаза глядят, но воспоминание о том, что я по глупости умудрилась заключить сделку с этим магом, ударом под дых удержало на месте.

— Вы меня напугали! — огрызнулась я, нервным жестом одернула рубаху, собираясь возобновить поиски. Сбежать от него очень хотелось.

— Куда-то спешишь?

— Нужно найти Агнэ.

— Не нужно, — сказал маг.

Его уверенный тон меня насторожил.

— Вы что-то с ней сделали? — холодея, спросила я. Арис неопределенно улыбнулся. — Что вы с ней сделали?!

Я качнулась к нему, в стремлении схватить за отвороты камзола и немного потрясти, но отшатнулась, так и не коснувшись его. Маг рассмеялся.

— Тебе не о чем волноваться. Девочка в полной безопасности. Дай ей немного времени, позволь поймать желанную добычу. Обещаю, далеко ее это не заведет.

— Вы же что-то сделали, да?

Арис пожал плечами.

— Ей ничего не угрожает, так стоит ли переживать?

Стоит ли переживать, спросил меня чернокнижник... он издевается?

— К тому же нам с тобой нужно обсудить одну незначительную проблему, — продолжил маг, виртуозно не замечая мой подозрительный взгляд.

— И какую же?

— Мне нужна твоя кровь.

Не веря своим ушам, я переспросила:

— Что?

— Я не учел одну деталь, — неохотно пояснил он. — Без маяка ступить на заговоренную землю я не могу. Царь отнял у меня эту возможность. Но капля твоей крови приведет меня к тебе, где бы ты ни находилась, и ничто не будет мне преградой.

Я отступила. Выражение моего лица, подозреваю, было красноречивее любых слов и предлагало магу точный маршрут путешествия в невероятное и увлекательное место, о котором мне, как принцессе... пусть и бывшей, знать было не положено и куда Арису стоило бы идти.

И пусть ему там будут рады.

Маг нахмурился.

— Это в твоих же интересах.

— В моих интересах не вручать добровольно часть себя в руки чернокнижника, — мрачно ответила ему.

— Я не причиню тебе вреда.

— Конечно, не причините, потому что крови моей не получите.

— Из-за глупых предрассудков ты готова поставить под угрозу весь наш план?

— Ваш план, — нервно напомнила я. Даже если маг действительно не желал мне зла сейчас, никто не мог поручиться, что когда-нибудь потом его планы и желания не поменяются. А держать кровь «живой» такие, как он, способны долго.

— Послушай...

— Никакой крови вы от меня не получите, — упрямо сказала я. — Уж точно не добровольно.

Он глубоко вдохнул, задержал на несколько секунд дыхание, борясь с раздражением, и длинно выдохнул.

— Что же ты такая недоверчивая, — проворчал Арис.

— Уж какая есть.

— Хорошо! — выдохнул маг. — Я решу эту проблему. Через три дня в полдень жду тебя здесь же. Постарайся не опаздывать.

— Как я выберусь из поселения? — В этот раз, конечно, ворота мне открыли без вопросов, но со мной были Сэнар и Агнэ. А выпустят ли меня без них?

— Придумай что-нибудь, — с мстительным удовольствием проговорил Арис. Одно слово — чернокнижник. Небось, радуется сейчас, что озадаченным после нашей встречи не только он остался.

Маг отвернулся от меня и уже собирался уходить.

— Подождите!

— Что еще? — не оборачиваясь, ворчливо спросил он.

— Где Агнэ?

Маг неопределенно махнул рукой влево. И исчез, будто сквозь землю провалился. Сбежал, спасаясь от моих уточняющих вопросов.

Суеверно потерев мочку уха — отгоняя неудачи и возможное насланное злым глазом проклятие, я резво бросилась в указанном направлении.

И чуть не сбила с ног Агнэ, как раз показавшуюся из кустов, в которые я сама хотела нырнуть.

— Рагда, а ты что здесь?.. — Растрепанная, с красными полосами царапин на щеках — в погоне за жабой по сторонам она не смотрела, неслась напролом и наполучала от веток множество приветов. Оставалось только надеяться, что быстрая жаба Ариса была не ядовитой...

Плечо Агнэ украшали длинные нити паутины.

— Ты где была? — набросилась я на нее. Маг меня растревожил, а последствия пожинать приходилось царевне. — Почему я должна искать тебя по всему лесу?

Агнэ растерялась.

— Жаб не поддавался, я его ловила. А ты за меня волновалась? — Она робко

улыбнулась. — Так а зачем? Не надо было, мы же совсем рядом с домом. В такой близости от жилища нечисть или хищника какого можно только зимой встретить. Сейчас тут совсем безопасно. У Сэна можешь спросить!

Безопасно, как же... не знает она, какого хищника я только что вот прямо здесь видела.

— Да и не сбегу я от тебя, правда. Пусть дядя в это и не верит еще, но меня сейчас в топи не тянет. — Она огляделась и озадаченно спросила: — А где Сэн?

Я кашлянула.

— Ну... сбежал.

— Как? — ахнула Агнэ.

— Быстро. Пока ты за жабой охотилась, мы с Ллэт встретились. — Я припомнила ее хмурое лицо. — Ох и зла же она была.

Агнэ фыркнула, выбирая из волос запутавшийся в прядях листок.

— Еще бы нет. Ллэт терпеть не может собрания, а из-за дяди ей его еще и проводить пришлось.

Глава V. Воспитание

Найти корзинку, в азарте погони брошенную где-то царевной, нам не удалось. Привести в приличный вид ни царевну, ни меня, окончательно растрепавшуюся за время бесплодных поисков, тоже не вышло.

В поселение мы возвращались с одной сумкой, забытой Сэнаром на краю тропинки, и следами весело проведенного времени на лице Агнэ. И по закону подлости, конечно же, столкнулись в воротах со встревоженным царем, уже побитым Сэном и тройкой до одури исполнительных воинов.

— Ой... — сказала я, встретившись с Ксэнаром взглядом.

— Ага, — безрадостно поддакнула Агнэ.

— Как это понимать? — зловеще спросил ответственный родитель, лично бросившийся на поиски любимой дочери. Тревога его с похвальной скоростью переплавлялась в гнев.

В первое мгновение я даже обрадовалась, что этот мрачный эва не мой отец. Потом осознала, что все равно схлопочу за компанию, и загрустила.

— Мы вот с пикника возвращаемся, — отозвалась надеявшаяся на чудо Агнэ. Она просто себя со стороны не видела, иначе не улыбалась бы так. Красные полосы на ее лице сойти не успели, рождая много интересных вопросов.

Царь выбрал самый скучный.

— Вы подрались?

Мы с Агнэ переглянулись, и я поспешно призналась, желая избежать еще каких-нибудь неинтересных и странных предположений с его стороны:

— Неудачная охота.

— Удачная! — возмутилась царевна.

Мне оставалось лишь пожать плечом. Правым.

Левое онемело и обещало отвалиться — раньше я еще никогда не таскала таких тяжестей. А сумка Сэнара весила несколько килограммов... и как только он умудрялся носить ее с такой легкостью?

Поправив впившуюся в плечо шлейку, я зачем-то добавила:

— Никто не пострадал.

— Пока, — весомо отозвался из-за спины брата Сэнар, напрочь убивая хоть какое-то желание выполнять последовавшие за этим приказы царя.

Нет, первое я выполнила охотно: с облегчением передала свою тяжелую ношу, стоило Ксэнару только протянуть руку и сухо потребовать:

— Сумку.

Дальше все было уже не так радужно.

Получив требуемое, он резко развернулся, жестом отпустил толпившихся рядом эва, собранных для поисков сумасбродной царевны, и отдал сумку Сэнару, сильно толкнув ею брата в грудь.

Сэн поморщился, но промолчал. Сам-то он уже пострадать успел, самые жуткие мгновения своей жизни пережил, и ничего страшнее пары резких слов его теперь не ждало.

Ллэт Сэнара все же настигла, но выглядел он странно довольным. Вроде как радовался, что попал в руки наставницы, а не царя, узнавшего, что его беспечный брат оставил Агнэ

в лесу больше получаса назад.

Путь до дома был долгим и изматывающим, полным тревог и опасений. Ксэнар шагал чуть впереди, ни разу не обернувшись даже, чтобы увериться, что мы идем следом. Да и куда бы мы могли деться? Шли.

Сэнар, чуть прихрамывая, пристроился рядом с Агнэ.

— Вы где были? — негромко спросил он.

— Корзинку искали, — так же тихо ответила я.

— И где корзинка? — тут же последовал закономерный вопрос.

Агнэ грустно вздохнула и опустила голову ниже.

— Не нашли, — сказала я. — А вам сильно досталось, да?

— Мне? — Сэнар осмотрел себя и невесело хмыкнул. — Если это ты так ненавязчиво пытаешься узнать, поймала ли меня Ллэт, то нет, не поймала... почти.

— Почти?

— Я с дерева упал, — неохотно признался он. — Пытался на другое перепрыгнуть, еще зачем-то специально повыше забрался, дурак... После того как Ллэт мне помогла из кустов выбраться, смысла меня бить уже не было. Я сам с этим неплохо справился.

Сэн помолчал немного и значимо, с едва заметными обвинительными нотками в голосе, добавил:

— И все же в поселение раньше вас вернулся.

Чем ближе мы подходили к дому, тем сильнее я нервничала. Мы же не просто так задержались, не только потому, что Агнэ за жабой гонялась. Я была уверена, что охота на жабу была виной Ариса. А значит, во всем виновата я. И... а что, если это откроется?

Всем станет известно, что я вожу знакомство с магом, заработавшим здесь какую-то дурную славу. И ведь даже не узнаешь, что именно он сделал. Арис не говорит, а у эва спрашивать — самоубийственная затея.

Я нервничала, а рядом, покусывая губу и беспомощно морща нос, переживала царевна. И тревога ее была куда сильнее моей.

— Агнэ, что-то не так?

— Скоро с торговыми обозами из Серебряного города прибудет мой учитель и снова начнет меня учить. — уныло сказала она. — И что-то мне кажется, оставшееся время до начала занятий я проведу под домашним арестом.

— Но за что?

— За то, что не соответствую.

— Чему не соответствуешь? — не успокаивалась я.

Агнэ сейчас меньше всего хотелось мне что-то объяснять, но она все равно ответила:

— Образу царевны.

Дальше мы шли уже в тишине. Царевна готовилась провести последние свободные дни в четырех стенах, отбывая наказание которого даже не заслужила, а я искала в себе силы для разговора с царем.

Пришло время ему пересмотреть взгляды на воспитание своей дочери. И если мой страшный секрет не был раскрыт, я готова была ему в этом помочь...

Когда мы в зловещей тишине поднялись на второй этаж и Ксэнар велел заходить в

библиотеку мне, дочери подождать за дверью, а брату исчезнуть с глаз долой, меня уже потряхивало от напряжения.

Паранойя нежно обняла, обещая большие неприятности и уверяя меня, что совы Нэшара следили за нами даже днем и видели, как я разговариваю с магом. Здравомыслие пыталось достучаться до запуганного сознания и напомнить, что болотные совы работают только ночью, но не могло.

И когда вместо того, чтобы раскрыть мой подлый секрет, Ксэнар взялся меня отчитывать, сначала я растерялась.

— Я просил ограждать мою дочь от необдуманных поступков, а не потворствовать ей, — начал он сразу, как закрыл за нами дверь. Рукой указал на знакомый стол у окна, с аккурратно задвинутыми стульями. Стопка книг с его края исчезла.

— Мы не делали ничего дурного, Агнэ просто хотела поймать жабу, — пробормотала я, чувствуя, как Болотный царь идет прямо за мной и Ксэнарлит спину осуждающим взглядом.

— Поймать жабу, — устало повторил он. — Моя дочь царица. Я смирился с тем, что этого не может понять она, но почему про это забыла ты?

— Я не забыла. — Ухватившись за высокую спинку, ощущая под пальцами прохладу гладкого дерева, я потащила тяжелый стул на себя.

Несмотря на злость и свой статус, Ксэнар помог мне справиться с этим монстром и отошел к окну.

— Мне казалось, приставить к Агнэ принцессу — хорошая идея. Я начал верить, что все налаживается, когда дочь предпочла добровольное заточение, найдя свое место рядом с больной... — он устало потер переносицу. — Теперь мне придется искать в топах вас обеих?

Ксэнар сам начал этот разговор, мне оставалось его лишь поддержать.

— Вовсе нет. Агнэ обещала не сбегать. — Я запнулась и осторожно спросила: — Вот вы знаете, зачем она вообще отправилась тогда в топи?

— В последний раз? — уточнил он, заставляя меня напрячься.

Сколько же раз она сбегала на поиски приключений?

— В последний.

— Желала увидеть, как живут люди. Несколько месяцев назад Утопленница принесла нам очередное тело. Лесоруба. Он выжил, пожелал остаться в Зыби, но при каждом случае не забывал отметить, что у людей все лучше. Агнэ по какой-то причине ему верила. — Ксэнар помрачнел. — Хотела, чтобы я разрешил ей увидеть, как вы живете.

Я представила, как встретили бы ее, такую непохожую на людей, и тихо охнула:

— Сумасшедшая.

— Мне нужно, чтобы Агнэ была в порядке. — Ксэнар устало опустил плечи. Тяжело ему было одному ребенка растить. К тому же дочь. Да еще и такую непосредственную.

— Понятное желание родителя, — согласилась я. — Но для того, чтобы она была в порядке, не обязательно ей все запрещать. Агнэ нужна свобода...

— Я лучше знаю, что нужно моей дочери, — одернул меня Ксэнар.

Это... злило. Потому что ничего он на самом деле не знал. Мне взрослые тоже часто говорили, что знают, как для меня лучше, да только от их решений мне никогда не хорошо.

— Правда? Вы были двенадцатилетней девочкой и можете понять ее чувства? — спросила я раздраженно, не думая о том, что мне за это будет. — А я была. Не очень

давно, к слову. И могу вас заверить, что Агнэ умнее, сообразительнее и серьезнее многих двенадцатилетних девочек. Да, порой она совершает ошибки, но кто из нас всегда все делает правильно? Вот в вашей жизни разве не было ошибок?

— Была. Одна, — сухо отозвался царь. — Я совершил большую ошибку, решив, что ты сможешь усмирить мою дочь.

— Агнэ заслуживает доверия! — повысила голос я, но тут же опомнилась и успокоилась. — Послушайте, я понимаю, вы любите ее. Это сложно не заметить, если учесть, что вы лично отправились за ней в топи и сами бросились за дочерью сегодня в лес. Мой отец никогда бы не отвлекся от государственных дел из-за такой мелочи.

Ксэнар фыркнул, совсем не согласный с тем, что побег дочери — это мелочь, но перебивать не стал, позволив мне закончить.

— Но если вы дадите Агнэ немного свободы, это всем пойдет только на пользу. Вам не придется разыскивать ее по болотам, а она не будет задыхаться в клетке из ваших правил.

— Вы с Сэнаром сговорились? — проворчал он с недовольством.

— Я была принцессой. Меня воспитывали так же, как вы пытаетесь воспитать свою дочь. Не переставали напоминать о моем месте, о моем статусе и об обязанностях, что возложило на меня мое рождение. И знаете что? Если бы я была прилежной ученицей, то сейчас была бы уже мертва. Или готовилась к свадьбе с Пламенеющим, что еще хуже. Потому что настоящей леди, принцессе, царевне, нельзя быть сильной. Их этому не учат.

— Но ты жива, — сухо напомнил Ксэнар, не особо впечатленный моим признанием.

— Благодаря брату. — Горло сжалось, и последние слова удалось выговорить с трудом. Сиплым, жалким голосом. — Несмотря на запреты отца и недовольство матери, я училась многому. Радан помогал. Он спас мне жизнь.

Ксэнар помолчал, о чем-то раздумывая. Появилась слабая надежда, что он все же услышал меня и понял.

— Ты предлагаешь мне забыть о традициях?

Хотелось ругаться и кричать. Почему со взрослыми всегда так сложно?

— Я просто прошу дать Агнэ немного свободы. И для начала не ругать ее из-за сегодняшней неприятности. Это вышло совершенно случайно, и она совсем ни в чем не виновата.

Во всем был виноват маг и немножко я, но никак не царевна... вот только признаться в этом мне было нельзя.

Думал он недолго, но за это время я успела вся известись.

— Она не станет больше сбегать с занятий и будет слушаться учителя. — выдвинул условия Ксэнар.

— Поняла.

— И никаких подшучиваний над домашними работницами.

Я неуверенно кивнула.

— Это значит, вы согласны с моим предложением?

Ксэнар ничего мне не ответил, но Агнэ в библиотеку не позвал. Просто выпустил меня к взволнованной девочке и сам вышел следом.

Закрыв дверь, посмотрел на свою дочь, потом на меня и поступил правильно.

— Свободны, — сказал он, после секундной заминки, и просто ушел, оставив нас одних.

Агнэ растерянно проводила отца взглядом, убедилась, что ей не послышалось, и облегченно выдохнула.

— Поверить не могу... — потом спохватилась и с сочувствием посмотрела на меня. — Сильно ругал?

— Не сказала бы, — ответила я, не понимая, как это все так легко прошло. Ко мне еще ни разу в жизни никто не прислушивался, я и не думала, что так можно вообще. — Пойдем, тебе царапины нужно обработать.

Агнэ спохватилась, будто только вспомнила о них, потрогала щеку и жалобно сморщилась.

— Жжется.

— И хорошо, — вредно сказала я. — Больше не будешь по кустам лазать.

В ответ получила широкую улыбку и беспечное:

— Буду!

Ллэт мы нашли на втором этаже. На кухне. Она сидела за широким основательным столом и мелкими глотками пила чай. На большом блюде перед ней лежал нарезанный пирог. Тесто внутри пропиталось ягодным соком и порозовело.

Рядом с пирогом на круглой деревянной подставке стоял большой железный чайник.

Вкусно пахло чаем. Душистым, с кусочками сушеных ягод и листиками мяты. Эва умели вкусно есть, это я успела усвоить.

— Уже отпустил? — удивилась Ллэт, увидев нас на пороге.

— И даже не ругал, — с гордостью сказала Агнэ.

— Чудеса, — протянула женщина и сделала еще один маленький глоток. — Ну что встали? Проходите, садитесь. Голодные? Дэла мне зачем-то целый пирог притащила. Я столько не съем.

— Это она от счастья, — со знанием дела пояснила Агнэ, воспользовавшись приглашением и тут же пристроившись на широкой лавке за столом, прямо напротив Ллэт. — Столько дней тебя не было.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как последовать ее примеру.

На кухне никого, кроме нас, не было. Ни поварахи, ни кухонных девок. Только лениво булькало на плите какое-то варево, постепенно наполняя воздух густым, пряным ароматом, свидетельствуя о том, что совсем недавно здесь кто-то все таки был.

Ллэт легко поднялась, порылась в одном из шкафчиков, уместившихся под широким окном, вытащила тарелки и две чашки, ничуть не похожие между собой.

Эва не пользовались сервизами, предпочитая скучной однотипности повторяющихся линий веселое разнообразие. Едва ли во всем поселении можно было отыскать хотя бы две чашки с одинаковым рисунком.

Чай разливала Агнэ, пирог по тарелкам раскладывала Ллэт. Я сидела, смущенно теребя подол рубахи, и не мешала.

— Так ты, значит, новая жертва, — сказала женщина, пододвигая одну из тарелок ко мне.

— Жертва? — напряглась я. Жертвой я уже была, не так чтобы давно, мне не понравилось. Не понравилось так сильно, что я все еще ощущала порой едва заметную тяжесть длинных обрядовых бус на шее.

— И ничего она не жертва, — обиделась девочка. — Она за мной присматривает, а я ее слушаю. И все у нас хорошо!

— Послушная, значит? — хмыкнула Ллэт. — А по лицу так и не скажешь.

— Вот, кстати, об этом. — Агнэ состроила несчастную мордашку, осторожно, пальчиком потрогала розовые полосы на щеке и трогательно попросила: — Помоги, пожалуйста, а? Жжется.

Ллэт забавно сморщила нос, будто раздумывая, а стоит ли выполнять просьбу... Улыбнулась и привстала со своего места, перегибаясь через стол. Агнэ охотно потянулась к ней и радостно зажмурилась, когда женщина легко подула ей в лицо.

На этом лечение было закончено. Довольная царевна рухнула на свое место, а Ллэт наконец обратила внимание на пирог. Отщипнула кусочек пальцами и с удовольствием его съела.

— И что? — не поняла я. — И все?

— Больше ничего и не надо, — улыбнулась Ллэт.

Больше и правда ничего не понадобилось, следы недавнего безрассудства исчезли с лица Агнэ раньше, чем она потянулась за вторым куском пирога.

Глава VI. Неправильные решения

Обоз из Серебряного города прибыл со стороны Поднебесных гор после полудня. Как ему и полагалось.

Конные в простой и удобной одежде, груженные мешками подводы, заполненные так щедро, что некоторые из них натужно скрипели при каждом движении колес, будто жалуясь на свою непростую судьбу. Из крытых телег по улице разносился вкусный запах чего-то сладкого и свежего, налившегося спелостью за время пути.

Толпившиеся в этот час на главной улице эва, почуяв этот легкий аромат, напитавший воздух, удовлетворенно переглядывались.

Единственной, кто не улыбался сейчас, пожалуй, была только царевна.

— Приехали, — уныло пробормотала Агнэ, покачиваясь рядом со мной на носочках. Ей приходилось вытягиваться изо всех сил, чтобы хоть что-то разглядеть поверх голов других эва, собравшихся для встречи купцов. Людей, пришедших из-за гор.

Настоящих, всамделишных людей, белокожих, светловолосых и светлоглазых. Их цветами были синий и серебряный, их знаком была летящая птица, заключенная в слишком тесный для нее круг.

— И твой учитель? — спросила я негромко, толкаясь локтями с девицей, стоявшей рядом. Ей было плохо видно, и она пыталась отвоевать место получше, безжалостно тесня меня в сторону.

Чем дольше я здесь жила, тем крепче эва уверялись в том, что в человеческой принцессе нет совсем ничего интересного. На меня все реже оборачивались на улице, я переставала быть главной темой всех разговоров.

Меня признали обычной и не заслуживающей особого внимания. Просто еще одна жизнь, не забранная Зыбью. Не слишком-то и редкое явление...

— Вон тот, — Агнэ кивнула головой на трех всадников, устроившихся за обозом с тканями, — что в очках.

Мужчина в очках ничем не отличался от своих спутников, такой же светловолосый и белокожий. Со стороны, чисто человек. Разве что одет он был вместо дорожной куртки в причудливый камзол с нашитым на спине гербом — синеву обрамленного серебряным кольцом круга перечеркивал темный птичий силуэт, чьи раскинутые в стороны крылья в двух местах прерывали линию серебра.

И лишь при личном знакомстве в доме царя, в библиотеке, я узнала, что учитель Агнэ на самом деле полукровка.

Знакомство наше можно было назвать неловким и странным. Я три раза переспрашивала его имя, он оказался не очень доволен тем, что няня царевны в очередной раз сменилась.

В конце концов, холодно мне посочувствовав, учитель просто выставил меня за дверь, вызвав к себе женщину, что присматривала за Агнэ до моего появления. Я не то что не обиделась, я была счастлива.

Мне не пришлось врать и придумывать предлог покинуть их на долгий срок, желая выполнить поставленное чернокнижником условие.

— Нíрай Иви, — повторила я задумчиво, не до конца уверенная, что правильно запомнила его имя.

Я еще некоторое время постояла в коридоре в ожидании... не знаю чего. Мне казалось, что с минуты на минуту оттуда вылетит Агнэ с требованием ее спасти.

Этого, разумеется, не произошло.

В библиотеку, странно на меня посмотрев, чуть приоткрыв дверь, проскользнула

женщина в строгом сером платье с собранными в пучок волосами — предыдущая няня выглядела очень представительно, рождая в моей душе крепкое подозрение, что у всех нянек и гувернанток есть какой-то негласный свод законов. Первым и главным в этом своде, несомненно, шел пункт всегда выглядеть серо и недовольно.

По крайней мере, это могло бы объяснить, почему, глядя на эту совершенно незнакомую женщину, я вспоминала свою няню.

Невольно пожившись, я как можно быстрее покинула небезопасную территорию, бросив Агнэ в компании двух безэмоциональных чудищ разбираться, что царевна должна была изучить за прошедший с последних занятий срок и что изучила...

Утешая себя мыслью о том, что помочь девочке я никак не могла, быстро добралась до ворот, вяло удивляясь, как раньше жила без брюк.

На языке уже крутилось объяснение моего желания покинуть город, и, когда один из эва открыл рот, чтобы что-то спросить, я нервно выпалила, не в силах и дальше держать слова в себе:

— Мне нужно в лес! За корзинкой!

— За чем? — опешил эва.

— За корзинкой, — повторила послушно. — Мы не так давно в лесу корзинку забыли, надо бы вернуть.

Готовая к расспросам, я уже придумала, что валить все буду на учителя, который вернулся и взял на себя присмотр за Агнэ, подарив мне несколько свободных часов.

Не потребовалось. Допытываться эва не стал, просто пожал плечами и легко выпустил меня за ворота.

— Не заблудись только, — напутствовал он меня. Нахмурился, казалось, только сообразив, что я и правда могу заплутать. — Может, тебе кого в провожатые дать? Сейчас я...

— Не нужно! — отказалась я резко, торопливо сглаживая свой отказ улыбкой. — Спасибо. Тут недалеко, я сама. Не заблужусь, правда.

Полагаю, я не смогла бы заблудиться, даже если бы захотела. Арис вышел навстречу из-за ближайшего же дерева, стоило мне только оказаться в лесу. Маг избавил меня от необходимости искать то самое место, где мы встретились в прошлый раз, за что я была ему благодарна.

— Ты пришла. — Он скупой улыбнулся. — Приятно удивлен.

Я никак не отреагировала на его слова, зачарованная тусклым блеском символа, приколотого к камзолу. О магах мне известно было совсем немного. Ничто, хоть отдаленно связанное с магами, не входило в мою учебную программу, а я не интересовалась магией достаточно сильно, чтобы изучать ее самостоятельно.

Но вот что я точно знала о магах — знаки, подобные тому, что сейчас красовался на груди Ариса, говорили о высоком статусе мага, носившего их.

— Второй круг, значит, — проговорила я, не понимая, какие именно эмоции будит во мне новое знание. — Приближенный к совету.

Арис прищурился.

— Надеюсь, сейчас ты не станешь обвинять меня в бездействии? Или в том, что я мог изменить решение совета не вмешиваться в вашу войну?

— Хочу, — призналась я, — но не буду.

— Потому что ты взрослая и здравомыслящая? — ехидно и чуточку недовольно уточнил он, пытаясь скрыть свое замешательство. Маг ждал обвинений, в какой-то мере он был к ним готов. Наверное, даже знал, как меня можно будет осадить.

А я все испортила.

— Потому что вы чернокнижник, а я еще жить хочу, — ответила просто, окончательно испортив Арису настроение.

— Не мы выбираем, кем быть, — хмуро ответил маг. — Магия все решает сама.

— Но за какие-то заслуги темное наследие вас отметило.

— Я был молод и зол. — Арис поморщился. — Не понимаю, почему я должен перед тобой оправдываться.

Я неопределенно пожала плечами. Он не должен был, и я не настаивала. Сам так решил.

— Ну хотите, мы вернемся к вопросу о том, почему вы не изменили решение совета?

— Это, — Арис стукнул ногтем по золотой поверхности знака, и она стала темнеть и распадаться, превращаясь в пыль. Через несколько мгновений он уже небрежно стряхивал последние крупинки с черной ткани, — всего лишь формальность. Совет никому не позволит влиять на их решения. И не допустит до обсуждений любого, чьи взгляды хоть сколько-то расходятся с их. Совет не менялся уже больше трехсот лет. В нем нет новой крови, лишь память о временах магического рассвета. И память о том, кому маги обязаны своим величием. Благодаря предку Аратана маги из гонимых изгоев стали настоящей силой. Думаешь, совет отказал вам из страха? Они никогда не пойдут против того, в ком течет кровь их спасителя.

— Ну что ж, благодаря им кровь Зарийских правителей выродится, — огрызнулась я.

— Не говори глупостей, ты все еще жива.

— Будто это уже что-то значит, — пробормотала я и, чтобы хоть как-то уйти от неприятной темы, протянула вперед раскрытую ладонь. — Ну что, давайте свой амулет, и я пойду. Мне еще корзинку искать.

— Какую корзинку? Зачем?

— Чтобы в случае чего вечером врать не пришлось, — терпеливо, но, судя по взгляду мага, совершенно непонятно объяснила я. И напомнила, не имея никакого желания жаловаться на излишне дотошного царя, практикующего порой допросы: — Амулет.

— Амулет... — Он порылся в карманах и вытащил круг, в медную основу которого был вделан прозрачный камень, на треть заполненный чем-то темным. Арис протянул его мне, но, вспомнив что-то, отдернул руку раньше, чем я успела даже коснуться тонкой цепочки.

— Что не так?

— Внутри, — он покачал амулет, от чего темная жидкость заволновалась, — моя кровь. Она не только поможет мне найти тебя везде, где бы ты ни находилась, но и охранит от всего, что в скором времени начнется.

Я напряглась.

— А что в скором времени начнется?

Арис нетерпеливо дернул плечом, отказываясь посвящать меня в свои планы.

— Сейчас это неважно. Смотри. — Маг нажал на подвесное ушко амулета, и с другой стороны из медной основы легко выскользнула иголка. Она была длиной с ноготь и вызвала у меня нехорошие подозрения, которые быстро оправдались. — Если тебе понадобится со мной связаться, просто нажмешь сюда, уколешь палец, напоишь медь каплей крови и позовешь меня. Иголка убирается просто.

Арис надавил на иглу сбоку, и она вернулась в исходное положение, выдавая свое существование лишь едва различимыми полосами на гладкой поверхности.

— Я же говорила, что не собираюсь делиться с вами кровью.

— Я об этом и не прошу. Но только живая кровь донесет до меня твой зов. Держи.

Амулет я принимала без всякой охоты и надевала его медленно, под раздраженным взглядом мага, опасаясь невзначай вызвать иглу. Я планировала вернуться в дом царя, снять эту странную вещицу и надежно ее спрятать, чтобы никто ее не нашел и случайно не поранился.

Словно прочитав мои мысли, Арис предупредил:

— Ни в коем случае не снимай его. Это твоя единственная защита. Мне бы не хотелось, чтобы ты погибла из-за такой мелочи.

— Что вы задумали?

Он улыбнулся.

— Разве это имеет значение, если мы добьемся поставленной цели? Ты вернешься в Зорцесвет, я получу Сердце.

— Имеет.

Арис меня не слушал. Он, кажется, успел забыть, как больно порой может грызть совесть.

— Единственное, что ты должна знать: амулет защитит тебя от кучи неприятностей. Не снимай его.

— Но...

— Ты, кажется, собиралась искать корзинку, — напомнил Арис, не дав мне возразить. — Что ж, не буду тебе мешать. Удачных поисков.

Он сбежал. Сбежал от необходимости мне все объяснять и возможной ссоры, вызванной его объяснениями. Несмотря на всю его темномагическую суть и мой страх перед этой сутью, я готова была спорить с ним.

Но не пришлось. Растворившийся прямо в воздухе маг лишил меня такой возможности.

Корзинку я ожидаемо не нашла. Это была затея, заведомо обреченная на провал. И я это понимала.

Как понимала и то, что методы, которыми Арис планировал получить желаемое, мне совсем не понравятся.

Осознавать это было особенно мучительно потому, что рассказать о грядущих неприятностях я не могла. Малодушный страх заглушал все доводы. Я представляла, что со мной сделает Ксэнар, когда узнает обо всем, и... лучше пусть меня грызет совесть, чем какие-нибудь болотные монстры.

В поселение я вернулась спустя несколько часов. Если бы во время поисков корзинки не потерялась сама, после длительных скитаний лишь чудом набредя на знакомую тропинку, выведшую меня к воротам, в доме царя я бы оказалась раньше.

И обеспокоенной царевне не пришлось бы поджидать меня на ступенях дома.

Увидев меня, она сорвалась с места и в считанные секунды оказалась рядом.

— Что-то случилось? — спросила я растерянно, неловко отвечая на ее крепкие объятия.

— Я тебя нигде найти не могла!

— Прости. Я корзинку искала.

— Корзинку?

Агнэ отстранилась, чтобы посмотреть на меня. И под ее недоверчивым взглядом я смущенно улыбнулась.

— Ну да. Которую мы в лесу забыли.

— Но зачем?

Я пожала плечами.

— Нехорошо ее там оставлять.

Недолго помолчав, Агнэ что-то для себя решила и кивнула:

— Пойдем.

— Куда? — Мне с трудом удалось притормозить царевну, уже собравшуюся тащить меня навстречу приключениям.

— В лес. Искать корзинку. Я бы сама ходила, но без тебя меня точно не выпустят.

— Агнэ...

— Мы найдем ее во что бы то ни стало! — решила она твердо, перепуганная моей пропажей до полного отключения здравого смысла.

— Что найдете? — раздалось от крыльца.

Нэшар как раз вышел из дома и стоял на последней ступени. Болотная сова сонно щурила на нас свои огромные рыжие глаза, удобно устроившись на его плече.

— Корзинку! — выпалила Агнэ.

— Разве твои занятия не начинаются с завтрашнего дня? — спросил он, глядя почему-то на меня.

— Ну... — девочка погрузилась, — да.

— Значит, тебе нужно подготовиться.

— Но Нэш!

— Не обсуждается, — отрубил он. — Если эта корзинка так важна для тебя, я с удовольствием помогу Рагде в ее поисках. А ты иди.

Агнэ посмотрела на меня, потом на Нэшара. Потом снова на меня, в надежде, что я отвоюю ее свободу.

Я не спешила этого делать.

Я была плохой нянькой, преследующей свои интересы.

Если только об этом узнает Ксэнар... Отогнав страшные картины возможного будущего, я мягко улыбнулась.

— Прости, но он прав. Завтра сложный день. Надо подготовиться. — На самом деле я не знала, что ждет завтра царевну, — не успела даже расспросить ее, как прошла встреча с учителем и прежней нянькой. И не представляла, что должна буду делать я.

Рано или поздно кто-нибудь из нас точно пожалеет о том, что я стала няней царевны. Или я. Или Ксэнар... Но чего я боялась, пожалуй, больше всего — что об этом пожалеет Агнэ.

— Ладно. — Страдальческий вздох, призванный растопить наши сердца и сжалиться над ней, ничего не изменил. — Нужно найти тетради. Этим и займусь.

Когда она скрылась в доме, а я почти придумала предлог, чтобы оборвать неловкое молчание и сбежать вслед за Агнэ, пастух спросил:

— Что же, отправимся на поиски корзинки?

Он улыбался и выглядел искренним, очень дружелюбным и отзывчивым. И даже сова на

его плече шурилась на меня с ленивой благосклонностью.

А вместо благодарности я испытывала неясную неприязнь и опасения. Нэшар ничем этого не заслужил, он не сделал мне ничего плохого, никак не обидел... да я с ним и знакома-то почти не была, мне не за что было его недолюбливать. На первый взгляд.

Но он был пастухом сов, и его совы могли легко раскрыть ему мой отвратительный секрет, который с каждым днем казался мне все страшнее и непоправимее.

Сейчас, после разговора с чернокнижником, в предчувствии грядущих бед, я склонна была видеть все в темных тонах...

— Не стоит. — Я неловко улыбнулась. — Не хочу отнимать у вас время. И, думаю, мне стоит присмотреть за Агнэ, чтобы поиски тетрадей не переросли во что-нибудь опасное.

Нэшар кивнул с заминкой. Приметивший мое плохо скрытое нежелание с ним общаться, он всерьез задумался, чем мог вызвать подобную реакцию.

Пока он думал, я проскользнула мимо него — сова глухо ухнула мне вслед, — и скрылась в доме.

Агнэ удивилась, когда вместо поиска корзинки я пришла разыскивать ее тетради, но вопросов не задавала.

А утром следующего дня под дверью моей комнаты стояла пропитавшаяся сыростью частых дождей, кое-где уже начавшая покрываться мхом, потерянная Агнэ корзинка.

Сомнений в том, кто нашел пропажу, просто не могло быть.

Несмотря на то что корзинка была всего лишь предлогом и никакой особой ценности в ней для меня не было, на душе потеплело.

— Извинюсь, — решила я, опасливо ткнув в плетеный бок носком простой тканевой туфельки. И пусть Нэшар не знал, что он мне неприятен, я все равно планировала извиниться за эту свою несправедливую неприязнь. Я была так тронута, что готова была бежать и искать его прямо сейчас. — И поблагодарю.

Ни того ни другого я, конечно, не сделала. Эмоциональный порыв смирившая выглянувшая из своей комнаты Агнэ.

А после завтрака мне было уже совсем не до этого. Появились дела поважнее.

У всех нас появились...

ГЛАВА VII. Вязко

От солнца, еще вчера согревавшего нас, не осталось и следа. С самого утра затянутое тучами небо щедро одаривало Топи дождем.

Агнэ дождь более чем устраивал. Как она отметила за обедом, такая погода полностью соответствовала этому дню.

— Тебя ждут уроки, а не пытки, — Сэн за столом в это хмурое утро был единственным, кто радовался жизни. — Я тоже в твоём возрасте учился, но, как видишь, выжил.

— Не думаю, что ты можешь служить достойным примером, — ровно ответил Ксэнар. Ни по лицу его, ни по спокойному голосу невозможно было понять, пытается ли он так пошутить или говорит серьезно.

Девочка громко вздохнула и, подперев щеку ладошкой, продолжила размазывать кашу по тарелке. По составленному учителем расписанию сегодня ее ждали урок этикета, после — рукоделие, преподавала его какая-то девушка — дочь одного из предков. Агнэ была уверена, что девушку приставили к ней не просто так, подозревала ту в желании выйти замуж за ее отца и очень недолюбливала...

Мне не верилось, что кто-то добровольно мог бы захотеть связать свою жизнь с таким мрачным типом, как Ксэнар, потому в словах царевны я сомневалась. Куда больше верилось, что Агнэ просто не любила вышивать, а вместе с вышивкой начала недолюбливать и ту, которая заставляла ее мучиться с иглой и пальцами в течение долгих часов.

После рукоделия по расписанию шел обед.

Потом занятие с Иви словесностью и историей.

Мне, как новой няньке царевны, также предстояло присутствовать на всех занятиях, что настроение совсем не улучшало. Я должна была вернуться в страшные времена ученичества. И пусть учить теперь будут не меня...

Зябко поведя плечами, я покосилась на окно, за которым властвовала непогода.

И все же Агнэ права: дождь полностью подходил по настроению этому дню.

Этикет вела немолодая скучная женщина, каких, по моему мнению, не могло быть в Зыби. Но она была и, демонстрируя пренебрежение к моей должности, попыталась даже пристроить к обучению за компанию с царевной.

Отбиться удалось с трудом и не без помощи Иви, лично присутствовавшего на всех занятиях.

Даже на рукоделии.

Пока симпатичная и улыбчивая девушка пыталась Агнэ вышивкой, он сидел у окна и читал.

Я сидела рядом и завидовала. Коря себя за то, что не догадалась взять книгу.

За неимением других развлечений я следила за тем, как легко мелькает игла в умелых руках одной эва и как отчаянно стремится выпасть из рук второй.

Дождь, ленивый и холодный, прошел вместе с нами все занятия, неизменно пробираясь в помещения сырым и зябким воздухом. И сошел на нет аккурат к завершению последнего урока.

Царевна отыскивала в этом некий тайный знак, понятный лишь ей одной, и азартно предложила:

— Пошли на болота!

— Какие тебе сейчас болота? — возмутилась я. — Ты себя видела?

Агнэ с серьезным видом пощипала себя за щеки, желая вернуть им пропавший румянец, и быстро заморгала, прогоняя из глаз усталость.

Ничего у нее не получилось, но старания я оценила.

Как и требовательный взгляд.

— Ладно. И зачем нам на болота?

— Лягушек ловить. Ты обещала, — напомнила она. — Нам недалеко, правда. А сейчас, после дождя, лягушки лучше ловятся. Вдруг я кого-нибудь интересного найду, а?

Я с сомнением глядела на нее.

— А вдруг ты найдешь? Пожалуйста!

Агнэ с надеждой смотрела на меня. О том, что впечатлительный ребенок при каждом удобном случае пытается найти еще одну разговаривающую жабу, чтобы Бьено не было скучно, мне стало известно благодаря Сэнару. Делала она это всегда старательно и очень долго. Как утверждал беспокойный эва, уж лучше на совете сидеть с Ксэнаром, чем на болоте с его дочкой. На совете хотя бы нет кусачей мошкары.

Мне тоже не хотелось отправляться на болота, даже несмотря на то, что мошкару успешно распугал дождь. Я бы могла отказать Агнэ, даже без объяснения причин, а вместо этого сказала:

— Сначала нужно получить разрешение у твоего отца.

Царевна удивилась:

— Зачем? Я знаю, как выбраться из поселения, не проходя ни одни из ворот.

— Уж ты-то знаешь, — ехидно согласилась я, прекрасно понимая, что наша встреча в Топи случилась именно благодаря этому ее знанию, — но мы пойдем к царю.

Агнэ смотрела на меня с жалостью и сочувствием, как на больную, но спорить не стала, очень по-взрослому решив позволить мне разочек пораниться о сложный характер ее отца. Уж кому, как не ей, было знать, что ничего непоправимого со мной не случится, зато я наконец-то усую, что у Ксэнара есть свои представления о том, как должна выглядеть и что должна делать царевна, и менять их в угоду кому-то он не станет.

А я надеялась, что наш разговор в библиотеке даром не прошел. Это был мой шанс проверить, действительно ли царь ко мне прислушался и сможет ли оценить, что мы пришли просить разрешения на то, что раньше царевна делала втайне от него.

Ксэнар нашелся на конюшне, почти в другом конце поселения, среди отдыхающих после долгой дороги коней. Аромат сена и дерева новых перегородок мешался с вполне ожидаемым духом лошадиной жизни.

Рядом с царем полукругом стояли еще три человека в синем — пришельцы из Серебряного города — и Нэшар, с улыбкой поглаживавший нос особо любопытной лошади, тянувшей к нему голову из своего стойла.

Глаза у пастуха сов в полумраке тускло светились, выделяя его среди прочих. Ксэнар стоял ко мне спиной, внимательно слушая человеческого купца, явно нахваливавшего дремавшего в стойле скакуна.

Агнэ осталась у входа в конюшню, отказавшись идти со мной. И сейчас, стоя шагах в десяти от обсуждающих что-то мужчин, я замешкалась.

Возникло непреодолимое желание развернуться и уйти, пока меня не заметили.

— Рагда, — рыжие глаза пастуха нашли меня раньше, чем я успела поддаться слабости, — что-то случилось?

Все тут же замолчали и обернулись ко мне.

— Да... тут такое дело... — я замялась. Сообщать во всеуслышание, что мы на болота собрались, было как-то странно. А попросить Ксэнара отойти со мной на минуточку, чтобы поговорить о важном, я никак не могла себя заставить.

— Что произошло? — спросил царь особым тоном. Будто он уже и так знает, что что-то случилось, но милостиво позволяет мне смягчить дурную новость.

А я не знала, как сообщить Ксэнару, что он глубоко ошибается и напрасно считает, будто я пришла рассказать ему о проступках его дочери. Вероятно, у него были причины ждать проблем от Агнэ, но точно не в этот раз.

Гости из Серебряного города смотрели на меня и улыбались. Вроде бы даже дружелюбно.

— Рагда! — раздалось веселое позади, и на мое плечо легла теплая рука. После моей истерики в библиотеке Сэн опасался звать меня принцессой, хоть ему этого очень хотелось. В некоторых вопросах он был крайне осторожным и предпочитал не рисковать своими нервами. — А я-то думаю, что Агнэ у конюшни забыла, оказывается, тебя ждет.

— Агнэ здесь? — нахмурился царь. Он уже составил список неприятностей, что могла приманить его энергичная дочь, окончательно уверился, что я вестник плохих новостей, и забеспокоился всерьез.

Поспешно откланявшись, он вырвал меня из рук своего брата и, крепко сжав мою кисть, потащил за собой туда, где, втапывая в землю сухие травинки рассыпанного сена, меня ждала царевна.

— Что вы натворили? — требовательно спросил Ксэнар, когда выстроил нас перед собой.

Стояли мы с Агнэ плечом к плечу, скрытые от посторонних глаз углом конюшни, и уже начинали ощущать за собой какую-то несуществующую вину.

— Ничего мы не делали, — пробормотала девочка, незаметно и больно ткнув меня локтем в бок. Она злилась за то, что согласилась на мое глупое требование и теперь, ни в чем не виноватая, вынуждена была оправдываться.

— Ничего, — повторила я увереннее. — Просто... занятия кончились, Агнэ на болота хочет сходить. За лягушками. Пришли вас предупредить...

— И речи быть не может! — отрезал Ксэнар, не дав мне закончить.

Он не желал выпускать дочь за пределы поселения в такую ненадежную погоду, и позволять ей развлекаться совершенно не царским образом тоже не желал.

И вряд ли мне удалось бы его переупрямить, не приди на помощь Сэнар.

— Да брось ты делать вид, словно сам в детстве в тех болотах свои царские одежды не пачкал, — потребовал он, выходя из-за угла. Подслушивал ли Сэн, или просто мы так громко спорили, было не понять. Но его явление оказалось очень кстати.

— Это другое, — устало огрызнулся Ксэнар.

— А по-моему, одно и то же.

— Одно и то же, — поспешно поддакнула я. Заработала обвинительный взгляд ответственного и никем не понятого родителя, но не сдалась. Расхрабрилась, почувствовав поддержку, и выпалила: — И что, что она девочка? Вы оранжерейный цветок растите или будущую царицу?

Агнэ стояла рядом, смотрела в землю и кусала губы, сдерживая нервный смешок. Сэнар охотно встал на мою сторону... хотя было у меня странное ощущение, что это я встала на сторону Сэна в длительной борьбе этих двоих за счастье ребенка.

Загнанный в угол собственным братом и лично принятой на работу нянькой, Ксэнар неохотно сдался. Не потому, что мы его убедили, просто ссориться с нами он не хотел, а не поссорившись, отстоять свою точку зрения у него не получалось. Мы были упрямые,

наглые, и нас было двое.

И мы победили.

Единственным условием Ксэнара был приставленный к нам стражник, должный охранять царевну от возможных опасностей.

Защитой нам стал молодой, Сэнарвный и еще полный энтузиазма парень, впервые примеривший легкий доспех стражника чуть больше полугода назад. Он страшно не соответствовал образу стражника и совсем не подходил казенному мечу, болтающемуся сбоку. Казалось, первым, кто поранится этим мечом, окажется тому освободиться от ножен, будет его же хозяин.

По какому принципу Ксэнар выбирал нам провожатого, я не поняла. Высокий, тощий и болтливый, выбранный царем эва совсем не был похож на стоящего воина.

За не такой уж долгий путь к болоту мы успели узнать о нашем охранителе многое.

Начиная с того, что зовут его Ислэ, и заканчивая тем, что сейчас он копит деньги на выкуп невесты, так как дева, что ему понравилась, была человеком и свататься ему предстояло по человеческим обычаям. Еще мы узнали, что в семье он единственный кормилец, что мать не одобряет его выбор и не жалуется невестку. Что у него есть две сестры. И что одна из них чуть было не сбежала в Серебряный город с каким-то заезжим купцом.

Потом земля под ногами стала ненадежной, и делиться своей жизнью эва перестал.

— Тут не сильно глубоко. По пояс, не больше, — бодро сообщил он, перехватив мой озабоченный взгляд. — Не утопнуть.

Я скептически оглядела Ислэ, с трудом удержав при себе замечание о страшной разнице в нашем росте.

Несмотря на первое впечатление, эва оказался Сэнарвным, но наблюдательным. И взгляд мой он заметил и даже правильно его понял.

— Я эти лужи в последний раз в детстве мерял, — с улыбкой сказал он, — когда в два раза меньше был.

— Безопасно тут, — поддакнула Агнэ, уже куда-то стремящаяся и что-то высматривающая.

— Ты-то откуда знаешь? — безнадежно спросила я, подозревая, какой будет ответ.

— Я тут уже три раза проваливалась, — просто ответила она. — Первый раз чуть не обделалась со страху.

— Агнэ! — одернула ее я, сама себе напоминая свою няньку. Отвратительное ощущение. — Воспитанной девушке не пристало так выражаться.

Выразительно закатив глаза, она позволила мне самой осознать, как смешно это звучит. Воспитанной девушке многое из того, что нравилось Агнэ, не пристало делать. Но царевну это не останавливало.

Не удовлетворившись сомнительным болотом, Агнэ повела нас дальше, к застоявшемуся небольшому озеру. Чем ближе мы подходили, тем меньше мне нравилась эта затея.

Откуда-то появилась черная вода, почти не прикрытая тиной. Тропа, широкая и вроде как надежная, резко оборвалась, будто в насмешку оставив нам сомнительного вида кочки. Соскользнув с одной такой, я по колено ушла под воду, сопроводив свое падение запоздалым визгом.

— Это не топь, всего лишь моховые болота, они неопасны. Правда. — Успокаивающе улыбаясь, Ислэ помог мне взобраться на неверную кочку.

— Моховое болото? — хрипло переспросила я.

— Это все озеро, — пояснила Агнэ, — оно в болото превращается... Сэн говорит, уже лет двадцать как превращается. Там нечисть завелась.

Прогулка вышла недолгой, но изматывающей, и, когда мы уже вышли наконец к болоту, я хотела лишь одного — вернуться обратно в поселение. В дом царя, в свою комнату, снять мокрые сапоги и забраться с головой под одеяло. И проспать пару лет. После целого дня занятий и сложного разговора с Ксэнаром я чувствовала себя уставшей и старой. Непонятно когда потерявшей интерес к приключениям.

И пока Агнэ пугала живность среди тонкой редкой травы, казалось, с трудом пробивавшейся сквозь мох, я сидела на поваленном дереве, не думая о том, что на штанах обязательно останутся зеленые разводы. Ислэ стоял за моим плечом, вежливо отказавшись от предложения присесть.

Создавалось впечатление, что лишь на меня давили эти низкие тучи, затянувшие небо до самого горизонта... Впрочем, может, так оно и было.

Царевна самоотверженно ловила местных лягушек, внешне напомилавших прыгающий лишайник с глазками, и приносила мне на суд. Мы исправно искали Бьено друга среди его молчаливых, казалось, раздувшихся от влаги собратьев.

Ни одна пойманная Агнэ морда не желала признаваться, что умеет говорить, но девочка не сдавалась. Ее не смог остановить ни легкий дождь, истративший себя буквально за несколько минут, ни налетавший порывами злой ветер, ни даже два десятка неудач и мокрые ноги.

Забыла о своей охоте она, лишь когда над озером раздался дребезжащий странный звук.

— Лягушки запели! — радостно и громко сказала Агнэ, повернувшись ко мне. Потом прислушалась, нахмурилась и добавила: — Странно они как-то поют.

— Они не поют, — хрипло ответил Ислэ, понявший все первым. — Они кричат.

Не успел он договорить, как на другом краю озера, в одно мгновение выступив из-за деревьев, показалось несколько изломанных тощих фигур. Непропорционально длинные худые руки почти доставали до мха, безобразные головы с большими вороньими клювами лениво крутились, будто разыскивая что-то.

Потом нашли. Нас.

Необъяснимая и дикая жуть дыхла на меня в тот момент, мороз прошелся по коже и проник под нее, скрепляя льдом жилы. Казалось, даже в день, когда вражеская армия вошла в мою столицу, я не чувствовала такого животного страха.

Тот страх остался в прошлом, этот держал меня прямо сейчас, колот сердце и воровал дыхание.

— Кажется, нам нужно уходить, — прошептала я, медленно поднимаясь на ноги. — Агнэ, иди ко мне.

Девочка отступила в нашу сторону, с опасливым любопытством разглядывая показавшуюся на глаза нечисть.

Озеро в самом своем центре заволновалось, сначала пошло рябью, а потом и мелкими волнами. И мы, и существа по ту сторону озера застыли в ожидании, жадно вглядываясь в ту самую точку, с которой началось беспокойство воды.

Когда над подернутой рябью водной поверхностью показался большой глаз на тонкой гибкой ножке, Агнэ издала странный сдавленный взвизг, полный непонятного мне восхищения.

Ислэ отреагировал иначе. Он весь побелел и нервно сказал непослушными губами:

— Нужно бежать.

Раньше, чем побежали мы, с места сорвались те, с птичьими головами, и их быстрота и

та легкость, с которой они бросились в воду, наводили жуть. Они поплыли, казалось, не замечая яростно крутящегося глаза и тех волн, что породило огромное грузное тело, поднимающееся из глубин озера.

— Моховик проснулся, — охнула Агнэ и бросилась прочь.

Эва бежала легко и быстро, будто и не по кочкам вовсе среди сырого и мрачного леса, но по хорошо утоптанному удобному тракту. Я постоянно оскальзывалась и все больше отставала. Не успевшие просохнуть сапоги начали натирать, казалось, на первой же кочке.

Я держалась сколько могла, подгоняемая страхом, потом поскользнулась и упала. Подняла кучу брызг, нахваталась воды пополам с тиной и была вздернута в воздух твердой рукой. Как Ислэ сумел забросить меня на кочку, я так и не поняла. Насквозь мокрая и жалкая, подгоняемая эва, бегущим позади, я неслась вперед, пока дорогу нам не преградило черное существо.

Оно неслышно передвигалось прямо по деревьям, не утруждая себя необходимостью балансировать на скользких кочках, и рухнуло в воду прямо у ног Агнэ, преграждая нам путь.

Девочка вскрикнула и отшатнулась назад.

Я успела схватить ее прежде, чем Ислэ оттолкнул нас обеих в сторону, подальше от нечисти. Хватило одного взмаха мечом, чтобы круглая голова легко отделилась от узких плеч. Тощее тело упало в воду.

Но раньше, чем я успела перевести дух, на Ислэ свалился другой птицеголовый. Эва едва успел увернуться, удачно отмахнулся мечом, и нападающий рухнул в воду. Барахтался там, силился встать, но не мог. Вода вокруг него сделалась совсем темной.

Третий напал раньше, чем Ислэ утвердился на ногах, и повалил его на спину, слегка притопив.

Меч отлетел в сторону, а нечисть вонзила приоткрытый клюв в вынырнувшего на мгновение эва. Угодила в основание шеи и ушла под воду вместе со своей добычей. На поверхности вздувались и лопались пузыри, Ислэ вырывался, но не мог выбраться, отчаянное его сопротивление слабело с каждым мгновением.

Птицеголовый вынырнул и, удерживая эва за край доспеха, поднял его из воды. Острый выпирающий кадык на черной тонкой шее дергался, будто существо быстро сглатывало.

Агнэ дрожала в моих руках, меня и саму трясло; оцепеневшая от ужаса, я дернулась, когда нечисть мотнула головой и кровь с клюва брызнула веером, задев и дерево, к которому мы жались, и нас самих.

У Ислэ не осталось сил, чтобы вырываться, недоутопленный, он мог только судорожно хватать ртом воздух.

Реальность разбилась, глаза больше не могли видеть картину целиком, выхватывая острые осколки. Потухший взгляд, красная от крови тина, слипшиеся черные перья на локтях и плечах нечисти. И черная же кожа, будто вся в мурашках. Чем-то знакомая.

Я видела что-то похожее... очень похожее. Несколько дней назад, когда каким-то чудом забрела на задний двор и наткнулась на одну из кухонных девок. Она сидела на ступенях, под дверью, ведущей на кухню, и ощипывала курицу. Мокрые черные перья, черная кожа...

Это был первый раз, когда я отказалась есть вроде бы привычное блюдо. Потому что обычная курица была мне хорошо знакома, а черная имела в себе что-то отталкивающее и опасное.

Легкие волны пришли со стороны озера, вырывая меня из ступора.

— Моховик идет, — проскулила Агнэ, плотнее прижимаясь ко мне.

Трусить и дальше просто не было возможности.

— Будь здесь, — хрипло велела я, с трудом оторвав от себя руки царевны. — Просто будь здесь.

— Ты куда?

— Надо.

Надо было найти меч, который упрямо не могли нащупать мои дрожащие руки, хотя я точно видела, куда он упал, надо было его поднять, несмотря на то, что сведенные судорогой пальцы не хотели гнуться, и надо было рубить молча... но я не смогла. Лезвие меча вошло точно в приоткрытый клюв и легко срезало верхнюю часть круглой головы. Не почувствовав ни капли сопротивления, словно вместо костей в нечисти был кисель.

Метила в шею, но птицеголовый услышал мой вскрик.

Оставалось только смириться с осознанием, что эти страшные мгновения останутся со мной навсегда, и помочь Ислэ.

Косо воткнув в ближайшую кочку меч, я попыталась вытащить вновь ушедшего под воду эва.

Вытащить и поднять его удалось лишь с помощью Агнэ.

Ислэ стоять мог, лишь когда его поддерживали, и едва передвигал ноги, повиснув на наших плечах.

— Меч, — простонал он, пытаясь повернуть отяжелевшую голову.

— В пекло меч, — грубо ответила я, задыхаясь под тяжестью эва. Мы едва шли, а что-то большое, сильное и древнее нагоняло нас. Волны стали выше, с легкими порывами ветра до нас долетал запах застоявшейся воды и чего-то еще... Так, наверное, могло пахнуть что-то пролежавшее на дне долгие годы, если не десятилетия.

Я стремилась в поселение, чтобы отдать Ислэ на попечение Ллэт и ее особенных умений и рассказать царю о Моховике, идущем по нашим следам. Чтобы это уже не было моей проблемой. Чтобы всё разрешили те, кто мог. Кто должен был это сделать.

Но когда мы вышли к поселению, все мои надежды рухнули. Ворота были открыты. Я отчетливо видела тела стражников, что стояли на посту. Жизни в них не осталось и на вдох.

На одном из эва сидело странное создание, будто сплетенное из веток и жил; оно увлеченно копошилось в развороченной грудной клетке.

— Мы не пройдем. — Я потянула Ислэ в сторону, желая отойти с тропы и хотя бы спрятаться в зарослях, чтобы переждать... что именно переждать, я не знала и не хотела даже гадать. Просто переждать. Чтобы все наладилось и мы смогли войти в поселение.

Главное, чтобы Ислэ смог дотянуть до этой минуты.

Неправильно поняв мое желание, эва трудно мотнул головой:

— До следующих ворот слишком далеко. Я не дойду.

— Я и не прошу. Нам всего-то нужно уйти с дороги Моховика.

Мы шли так долго, как Ислэ только мог, и остановились, лишь когда он окончательно обессилел.

Только тогда, привалив его к стволу дерева, мы помогли ему сесть. Я не знала, сколько крови в нем еще осталось, и не представляла, как можно ему помочь. Единственное, что я могла сделать, — хотя бы попробовать остановить кровь.

Несколько мгновений я бездумно разглядывала свою мокрую рубаху, отупело не понимая, что делать дальше.

Потом вспомнила о царевне.

— Агнэ, иди-ка сюда.

Ее рубаха была сухой, и она, не раздумывая, оторвала от нее щедрый кусок.

— Ты потерпи, ладно? — жалобно попросила я у Ислэ, прижимая ткань к его ране.

Он слабо улыбнулся и вроде бы кивнул — голова его дернулась и безвольно упала на грудь. Агнэ судорожно вздохнула, но сдержалась. Не заплакала.

— Что мы теперь будем делать? — спросила она.

— Ждать.

Нашли нас уже в сумерках. Прошло ли несколько часов и наступил вечер, или же тучи украли остатки солнечного света, я не знала.

Я совсем замерзла в мокрой одежде и не ощущала собственного тела, Ислэ почти не дышал, а Агнэ, пришедшая на смену обессиленной мне, с отчаянной старательностью прижимала к страшной ране насквозь пропитавшуюся кровью ткань.

К тому времени мы все были измазаны в крови и нельзя было понять, ранен ли из нас кто-то, кроме Ислэ.

Отсветы факелов среди деревьев и голоса растревожили нас. Узнав в одном из голосов отцовский, Агнэ позвала его ломко и надрывно. И наконец заплакала.

Лицо Ксэнара, увидевшего в отсветах факелов свою дочь, всю залитую красным, было страшным.

— Теперь ваша очередь, — сообщила я и обессиленно привалилась к дереву, почти касаясь плечом поникшего плеча Ислэ. Я отказывалась и дальше нести ответственность за чужие жизни... да и за свою тоже.

Как нас доставляли в дом царя, я помнила смутно. Только чьи-то руки, не очень аккуратно вздернувшие меня в воздух, носилки с Ислэ и страшные слова:

— Повезло, что эва. Был бы человеком, несли бы труп, — говорил мужчина. Приземистый, с курчавой смоляной бородой и темными усталыми глазами. Человек.

Еще помнила, как на улицах поселения лежали тела... не эва и не людей. Неправильные и будто ненастоящие. Были раненые, которых перевязывали прямо там, рядом с телами менее удачливых врагов. Где-то в отдалении кто-то плакал. Так плакал, что отдавалось в сердце.

Были убитые. Но их уже убрали с улиц, разнесли по домам для прощания.

Запоздало вспомнив про Моховика, я все порывалась окликнуть Ксэнара и все ему рассказать.

Окликнула. Начала объяснять, быстро и путано, была почти сразу прервана спокойным:

— Знаем.

И все.

Дальше уже ничего не помнила.

Замерзла.

ГЛАВА VIII. Забытая гайна

Очнулась я в своей кровати, в своей комнате. В темноте.

Отмытая, переодетая в чистое, спасенная от возможных осложнений после переохлаждения. От волос, еще влажных, пахло травами, а от рук, жирных после лекарственных мазей Ллэт, пахло чем-то приятным и успокаивающим.

Я лежала еще немного, наслаждаясь чувством покоя и защищенности, но уснуть уже не смогла. Хотелось пить.

Еще хотелось выйти во двор, пройтись по улице и увидеть то, что случилось. Но я сомневалась, что мне хватит на это смелости.

На ходу отирая руки о сорочку, я неуверенно вышла в коридор. Темнота была густой и тихой, сторонящейся зажженных у лестницы светильников.

Я спустилась на второй этаж, глядя исключительно себе под ноги — яркий свет резал глаза. Почти сразу, как сошла с лестницы, как только почувствовала на себе внимательные взгляды и подняла голову, поняла, что это все было ошибкой. Нужно было оставаться в комнате. Потому что на втором этаже, в круглой зале, в креслах у камина сидели две живые души.

Ксэнар встретил меня равнодушным взглядом и почти сразу отвернулся к огню. Он устал и был опустошен. Я не могла представить, что он почувствовал, когда узнал, что на них движется Моховик. Двигается с той самой стороны, в которую ушли мы. И малодушно радовалась, что не знаю, как страшно ему было раньше нас найти Моховика.

Мне вполне хватало своего страха, чтобы понимать чужой.

— Очнулась, — констатировал очевидное Сэн, улыбаясь мне вымученно, но искренне.

— Как Агнэ? — спросила я, не видя смысла подтверждать то, что все и так знали.

— Спит, — лаконично ответил Ксэнар.

— Ллэт напоила ее успокаивающим отваром, — пояснил его более живой брат.

— Ислэ?

— Был зашит, перебинтован и торжественно отдан родственникам, — ответил он же и усмехнулся. — Полагаю, ближайшие несколько дней будут лучшими днями в его жизни.

— С чего бы? — спросила я. Мне казалось, ближайшие дни его пройдут в мутном бульоне слабости и боли. Сэну казалось иначе.

— Видел его невесту. Как она смотрела... едва ли кому-то удастся отогнать ее от его постели. И свадьбу, вероятно, совсем скоро сыграют.

Я вопросительно приподняла брови. На большее сил просто не было.

— Он же теперь герой. Спас царевну, рискуя своей жизнью.

— Он и правда спас, — задетая несерьезным тоном Сэнара, ответила я резче, чем собиралась. — И чуть не умер из-за этого.

— Ллэт обещала, что он будет жить. И сможет вернуться на службу, — признавая за мной право на глупые эмоции, эва примирительно улыбнулся.

Прищурился, когда я не ответила на улыбку, поднялся из кресла и решительно направился ко мне.

— Держи, — Сэн протянул мне свой бокал. — Иди, посиди у огня, погрейся. Может, оттаешь.

— Вы из него пили, — заметила я, сопротивляясь его попыткам подтолкнуть меня в

сторону камина, кресел и Ксэнара.

— Предположим. — Сэнар поджал губы, пытаясь изобразить оскорбленность. Вышло так себе. — Но если бы ты подала мне вино, которое пила, я бы не побрезговал.

Я выразительно молчала, и эва решил бить наверняка.

— Ох, ну представь, что это у нас такая традиция и ты меня очень оскорбишь отказом.

Ксэнар молчал и, кажется, даже не слушал нас. Я сомневалась.

— Ты хочешь меня обидеть, да? — подозрительно спросил Сэн, едва сдерживая улыбку и чем-то неуловимо сейчас напоминая Агнэ. Вот уж точно родственники.

— Ладно. — Я осторожно пригубила содержимое бокала. Распробовать не удалось, лишь отголоском чего-то пряного и терпкого кольнуло язык. И под требовательным взглядом Сэна я вновь потянула что-то красное и вязкое, ничем не напоминающее человеческое вино. Ни цветом, ни запахом.

Глотнуть не успела, услышала полный торжества голос Сэнара:

— А теперь представь, что я туда плюнул.

Я закашлялась, окропила брызгами неумного шутника, залила грудь своей сорочки и кое-что вернула обратно в бокал.

— Вы ненормальный? — спросила сдавленно, покашливая и вытирая подбородок.

— Прости. — Он попытался помочь мне, но я оттолкнула его руку.

— Дурацкие у вас шутки.

— Какие уж есть. Это все нервы. Прости.

— Держите. — Я вручила ему его же бокал и уже собиралась уйти.

Сэн придержал меня за плечо.

— И зачем он мне? Ты-то в него точно плюнула.

— Сейчас она тебя ударит, — заметил Ксэнар, выдавая себя. Значит, все-таки слушал. И даже смотрел, раз сумел заметить зверское выражение моего лица.

— Да хоть так, лишь бы на привидение похожа больше не была. — Сэн за руку подтащил меня ближе к царю, вытолкнул из безопасного полумрака в круг света и велел Ксэнару: — Ты посмотри на нее. Вся белая, и глаза больные. Увидишь такую, решишь, что за тобой Болотная плакальщица пришла.

— Я не плакальщица, — сказала зачем-то, лишь развеселив этим эва.

— Конечно нет, — покладисто согласился он. — Но ты зачем встала?

— За водой. Пить хочу...

Сэнар поморщился.

— Зачем вода, когда можно выпить... — Он бросил взгляд на бутылку, притаившуюся у пустого кресла, но Ксэнар, заметивший этот взгляд, высказался раньше.

— Чаю.

— Ну да, — погрузился Сэн. — Чаю.

— Чаю я бы выпила, — согласилась после недолгой заминки я. Почему-то казалось, что отказаться будет не очень вежливо.

— Чаю так чаю, — покорно согласился эва. — Пойдем, поможешь.

И, крепко взяв меня за руку, повел в полумрак коридора. На кухню.

Я не сопротивлялась. Если бы он сам не потащил меня за собой, я бы все равно увязалась следом. Остаться рядом с задумчивым царем, совсем недавно чуть не потерявшим дочь, было боязно.

Помогать в нелегком деле заварки чая мне категорически запретили.

Усадив меня за стол, под единственный зажженный на всю кухню светильник, Сэнар все взял в свои руки.

— С Агнэ точно все в порядке? — спросила я после нескольких минут тишины, за которые эва успел отыскать большой чайник, наполнить его водой и поставить на разогрев.

— Более чем, — подтвердил он, не отвлекаясь от рассматривания коробочек с чаем. Пока он выбирал лучший сбор для этого непростого вечера, я молчала.

После дотошно уточнила:

— И Ислэ тоже в полном порядке?

— Потрепало его знатно, но самое страшное позади. — Сэнар посмотрел на меня. — Ллэт свое дело знает, не переживай. И раз уж ты сама решила об этом поговорить, позволь задать вопрос...

Я напряглась, потревоженная серьезностью его тона.

— Об этом тебя должен был бы спросить Ксэнар, но у брата выдался тяжелый вечер, потому спрашиваю я: какую награду ты желала бы получить за спасение царской крови?

— Царской крови? — переспросила я, не доверяя своим ушам. — Но Агнэ спас Ислэ. Он нас обеих спас.

— А ты спасла его. — Сэнар улыбнулся. — Агнэ рассказала нам, как мужественно ты снесла елице голову.

Я неопределенно пожала плечами. Единственное, что мне действительно было нужно, — Сердце Топи. Но что-то подсказывало, что просто так мне его не отдадут.

— Ислэ царскую благодарность уже получил, — продолжал между тем эва. — Ее хватит и на выкуп невесты, и на свадьбу.

— Мне и просить-то нечего, у меня же все есть.

— Плохой ответ, — покачал головой Сэнар. — Ну же, давай. Подумай хорошенечко, чего бы тебе хотелось? Только больше прогулок на болота не проси. Ксэнар вас от себя уже не отпустит. Не раньше, чем мы узнаем, почему болотная нечисть решила напасть на нас. Ну так что, каков твой ответ?

— Такого раньше не случалось?

— На моей памяти нет. — Заметив, как потемнело мое лицо, Сэн велел: — Но ты себе голову этим не забивай. Лучше подумай, что будешь у царя просить.

Я не хотела спорить.

— Я подумаю, а завтра вам скажу, — предложила ему. Мне не сложно было узнать, что бы такого хотела Агнэ, а потом попросить это в качестве «царской благодарности». Я чувствовала себя перед ней виноватой и хотела купить свое спокойствие таким простым способом.

Чаепитие прошло... уныло. Несмотря на все старания Сэнара, наши с царем печальные лица все портили. На все вопросы я отвечала невпопад и не сразу, увлеченная не разговором, а своими мыслями, пытаюсь понять, что же в словах Сэнара там, на кухне, меня так растревожило. Ксэнар на вопросы брата не отвечал вовсе...

В конце концов я просто сбежала, сославшись на слабость и сонливость. И вернувшись в комнату, быстро уснула...

Чтобы в самый темный час проснуться с колотящимся сердцем и осознанием всей необратимости случившегося. Все мое осознание на самом деле являлось всего лишь подозрениями и домыслами, но разрешить их прямо сейчас я не могла.

В темноте найти амулет чернокнижника не представлялось возможным, слишком хорошо я его спрятала среди вещей, а включать свет было опасно. Вдруг кто-то из домашних еще не спит? Или уже не спит?

Вдруг он заметит свет в моем окне и придет поинтересоваться, все ли в порядке.

И что я отвечу? Ведь ничего не в порядке.

Уговаривая себя так, я с трудом дождалась рассвета. Уснуть я, конечно же, уже не смогла.

А утром, стоило только первым робким лучам солнца заглянуть в мое окно, едва осветив комнату, я тут же слетела с кровати и бросилась к комоду.

Дар мага лежал в отделении с нижним бельем. Там, где я очень надеялась, никто и ни при каких обстоятельствах не станет рыться.

Решительно нажав на ушко амулета, я несколько минут разглядывала выскочившую иглу. Она казалась мне зловещим символом всех моих бед. Олицетворением всего плохого, что я уже сделала и, вероятно, еще сделаю.

Мне не хотелось делиться кровью с творением чернокнижника, но других возможностей его вызвать я не имела. А связаться с ним было необходимо.

Затаив дыхание и зажмурившись, с трудом пересилив себя, я кольнула палец, дождалась, пока капля упадет на основание амулета, и мысленно позвала мага.

Ничего не произошло. Я длинно выдохнула, покрутила амулет, еще пару раз позвала Ариса. В последний раз даже вслух. Ничего.

Тени в комнате сгустились и повеяло могильным холодом лишь спустя несколько минут, когда я на полном серьезе раздумывала стереть чем-нибудь свою кровь с амулета и попробовать еще раз.

Темнота из углов потянулась к центру комнаты, и из нее выступил Арис. Уставший, без камзола или мантии мага, в мятой рубашке с закатанными до локтей рукавами и в расстегнутом жилете. На черных брюках и левом ботинке красовались подсохшие брызги чего-то зеленого и светящегося в полумраке.

— Ну что тебе? — спросил он устало. — Только говори быстро, я спешу.

— Вы что, не ложились спать? — спросила я глупое вместо важного.

Арис странно посмотрел на меня, потом бросил быстрый взгляд на мой наряд и растрепанные волосы — привести себя в порядок, прежде чем вызывать его, я не подумала, — потом за окно, где только просыпалось солнце, и поморщился.

— В Акатане еще вечер. Так что ты хотела?

— Вчера на поселение напали, — проговорила я четко, старательно выговаривая каждое слово. — Вы об этом что-нибудь знаете?

— Предположим, — сухо ответил маг. — Что-то еще?

— Это вы сделали? — спросила его, разделяя каждое слово, излишне выделяя и подчеркивая, отчего, наверно, казалась очень смешной. — Вы заставили нечисть напасть? Такой был ваш план?

— Я не вижу причин, почему мне стоит отвечать...

— Мы же союзники, — напомнила я и поморщилась от того, как последнее слово обожгло язык. — Подельники, если хотите.

Арис недолго молчал, не испытывая особой охоты со мной откровенничать. Но в итоге все же признался:

— Да. Это сделал я.

— Ну что ж, поздравляю, из-за вашей скрытности наш... кхе... союз вчера чуть было не распался. — Меня начинало мелко потряхивать. От холода ли, от злости или просто от нервного перенапряжения, крутившего меня последние несколько часов, я не знала. По полу тянуло сырым промозглым воздухом, и я решительно во всем винила его. Так было легче.

— Почему же?

— Потому что меня чуть не убили! — сдавленно рявкнула я. И меня, и Агнэ, и Ислэ... но нам повезло, и мы остались живы, а ведь кто-то действительно погиб.

— Какие глупости. Да, признаю, вчера я слегка перестарался, но тебе совершенно ничего не угрожало. Мой амулет... — он осекся, посмотрел на зажатую в моих пальцах подвеску со все еще опасно топорщащейся иглой и безнадежно выдохнул. — Ты не носила его.

— А вы не предупреждали, что собираетесь уничтожить целое поселение.

Арис потер переносицу, утомленный долгим днем и моей несвоевременной упертостью.

— Насколько я могу судить, поселение все еще стоит, а болотники живы.

— Эва. — Я быстро поднялась на ноги и сквозь темные точки, роящиеся перед глазами, зло проговорила: — Не болотники — эва. Они живые! И не должны...

— Моя мать тоже была живой! — темнея лицом, перебил меня маг. — И она тоже не должна была умереть... так. Но когда какая-то болотная тварь утащила ее, трусливый царь болотников посчитал лишним искать ее.

— Ксэнар так бы не поступил, — несмело возмутилась я.

— Разве про него я говорю? Его отец отказал моей матери в спасении.

Арис не краснел от гнева, как это на моей памяти бывало с людьми, он бледнел. Белел и будто выцветал. И это было жутко.

— Десять лет она верно служила царю, и он принимал ее силу, звал другом, но, когда случилась беда, легко выбрал нового пастуха сов.

— Ваша мать была... — я осеклась. Нахмурилась. — Вы не похожи на эва.

— Правда? — Маг потеревил прядь абсолютно черных волос. — Ты будто не знаешь, как легко можно сменить цвет волос, если есть желание.

— А глаза?

— Потемнели после инициации. Как говорят старейшины, моими глазами смотрит сила. — Он не успокоился. Все еще бледный и натянутый как струна, вот-вот готовый взорваться новым приступом злости, Арис не отводил взгляда от меня.

И я признавала правоту старейшин. Человек не мог так смотреть.

— Ты, вероятно, уже знаешь об одной неудобной особенности болотников, — заговорил он после недолгой паузы. — Они бывают неразумно привязчивы. Чаще всего от этого страдают дети. Конечно, связь матери с ребенком, как правило, оказывается достаточно сильной и оберегает женщину от угасания в случае гибели мужа. С мужчинами все сложнее. Они не так сильно привязаны к своим детям. Отцы ненадежные родители... Мой был таким. Не прошло и года, как он умер. Родственники хотели забрать меня. У эва же чужих детей не бывает... но я сбежал. Чудом сумел выбраться к людям. Дар вывел.

— И вы, обиженный на... отца Ксэнара, полагаю, решили оставить сиротами ни в чем не повинных детей?

— Сопутствующие потери, — повел плечами Арис, разминая затекшие мышцы.

— Я все расскажу Ксэнару, — сказала очень просто и спокойно. И лишь когда слова прозвучали, я осознала, что вслух их лучше было не произносить.

Маг нахмурился.

— Рагда, не глупи.

— Я не соглашалась участвовать в убийствах, — отдельно проговорила я, жалея лишь о том, что не могу прямо сейчас бежать к царю... Дорогу к двери мне преграждал чернокнижник. — Вы... вы же нечисть на них натравили.

— У нас договор.

— Я ни в чем не клялась.

Сначала он собирался угрожать. Это было написано на его лице.

Я была не первой, кто сегодня злил мага своей глупостью, и достаточно бесполезной, чтобы на мне сорваться.

Арис сдержался.

— Сядь, — велел он сухо, кивнув на стул. Дождался, пока я выполню его приказ, и спросил: — Считаешь, я сам не рискую?

Ответить мне маг не дал, хотя я собиралась, продолжил говорить.

— Дар пастуха велик, и каждый, наделенный этим даром, способен подчинить себе любое животное и любую нечисть. Особенно талантливые пастухи способны влиять даже на людей... Такая сила находится в их руках, но используют ее они лишь на совах. Тебе не кажется это странным?

Я пожала плечами.

— Совы податливы, их сознание мягко и согласно принять волю другого существа. Работать с ними просто и безопасно.

— Мне нужно вам посочувствовать? Связались с нечистью, рискуете своей жизнью...

— Я осознаю последствия своих действий и не прошу жалости, — спокойно ответил он. — Я лишь хочу, чтобы ты знала: моя жизнь защищена не больше, чем жизнь каждого из жителей поселения. И я надеюсь, ты поймешь, у меня есть такое же право на месть, как и у тебя.

Я молчала, желая, чтобы наш разговор поскорее закончился и я смогла бы бежать к Ксэнару и все ему рассказать. О том, что он со мной сделает, после того как узнает правду, не думала. Страшно было об этом думать, но и скрывать этот жуткий секрет я уже просто не могла. Не могла рисковать чужими жизнями...

Словно почувствовав мое намерение, а может, разгадав мой нетерпеливый брошенный на дверь взгляд, Арис спросил, прищурившись:

— Ты должна понимать: это будет ошибкой. Мне никто не сможет помешать, но тебя накажут. Предательства болотники тебе не простят.

— В таком случае мне лучше молчать. Я же не хочу умереть какой-нибудь страшной смертью.

Вышло Сэнаргранно и неправдоподобно, маг мне не поверил.

Ксэнар успел создать о себе впечатление спокойного и во многом (за исключением воспитания своей дочери, пожалуй) здравомыслящего царя. Не возникало сомнений —

он даст мне все объяснить... Потому угроза Ариса меня не очень напугала.

И он это понял.

Вздыхнул тяжело. Огорченно покачал головой и в одно мгновение оказался рядом со мной:

— Тогда ты не будешь возражать, если я помогу тебе в этом, — проговорил он, нависая надо мной. В утреннем теплом полумраке зрачки его глаз угрожающе затлели, наливаясь магией, голос приобрел особую силу. Он заговорил, и во мне больше не осталось упрямства, чтобы противиться его словам. — Ты никому и никогда не расскажешь о нашем сговоре. Что бы я ни делал и что бы ни велел делать тебе, все это правильно и справедливо.

Я сидела неподвижная и горько жалела о том, что не попыталась сбежать, когда была возможность.

— Этот разговор ты забудешь.

Мне не нужна была эта сомнительная радость — знать, как чувствуют себя совы при общении с пастухом. Знать, что Арис способен повелевать не только нечистью, но и людьми, мне тоже не было нужды.

— И амулет, — я почувствовала, как маг осторожно заправил прядь мне за ухо, — никогда не снимай его. Надень.

Я не хотела, но сопротивляться его приказу просто не представлялось возможным.

— Спи...

Утро мое началось ближе к обеду, с больной головы и странного беспокойного чувства, быстро списанного мною на кошмар прошедшего дня.

ГЛАВА IX. Ночное чаепитие

Они не разожгли костер, не разбили лагерь, даже не выставили дозорных, а меня просто привязали за ногу к дереву, чем и ограничились.

— Мы не должны были бежать! — в ночной темноте было сложно разобрать, кто из двоих темноглазых говорит, но мне почему-то казалось, что это тот, который не хотел меня тащить с собой, когда они отступали в лес.

— Тебя ранили, — спокойно заметил второй, — ты был не в состоянии контролировать свою часть отряда. Я чувствую, что даже сейчас ты с трудом удерживаешь их.

— Алани промахнулись, — огрызнулся раненый.

— Мы не знаем, сколько еще зарядов у них осталось. Ты ослаблен, второй удар должен был убить тебя.

В ответ послышалось злое рычание.

Они, конечно, не знали, что у оборотней было всего три кристалла и, судя по всему, теперь их осталось только два, а у Ксэнара появились большие проблемы, так как гуманоидов было тоже двое, что исключало любой шанс на еще один промах.

— Мы должны были держаться до последнего. Это наш долг, — непримиримо прохрипел первый. Ему было больно, отчего слова были очень неразборчивыми.

Голова у меня болела не переставая, а переводчик продолжал работать. Почти дымился, но упрямо не хотел отключаться.

— Это наша ошибка, — не согласился второй, — именно нетерпение является причиной наших поражений.

— Те слухи, о твоих предках, это ведь правда? — в голосе раненого слышалась злая усмешка. — Что среди них был человек. Грязная кровь. Ты ведешь себя не как достойный сын высшего Кара. Что за хозяйка могла осквернить себя связью с человеком?

— Ты обвиняешь меня? — от угрозы, проскользнувшей в холодном голосе, мне сделалось не по себе. И не только мне, раненый сбавил тон и почти мирно произнес:

— Я ранен, я не могу тебя обвинять.

В воцарившейся тишине было очень хорошо слышно, как сопит войско этих двоих. Пока главные выясняли отношения, простые монстры отдыхали. А я страдала, боясь шевелиться и глубоко дышать. С каждым неосторожным вдохом бок напоминал о себе острой болью, мне было плохо, страшно и хотелось пить.

— Твой питомец еще не сдох? — раздался насмешливый вопрос, когда я уже почти уплыла в горячую полудрему.

Зашуршал сброшенный на землю плащ, а ко мне подошел черноглазый гуманоид. Присел рядом и зажег на ладони небольшой огонек. Синеватые отблески играли на странном символе, покоящемся на узкой груди, кожаный доспех странно смотрелся на этом существе, подчеркивая его нездоровую худобу. Никаких украшений на нем не было, только подвеска, замысловатостью линий очень напоминающая кельтские символы.

— Рана серьезная, — с неудовольствием констатировал он, разглядывая почерневшую от крови рубашку, — Ана-Са, кажется, у нее кровь черная.

— Кто бы сомневался, — проворчал раненый, которого звали Ана-Са, — грязные, ничтожные создания.

— Мне нужна мазь, — вслух сообщил этот ненормальный, продолжая меня рассматривать. Ответом ему было возмущенное требование не переводить ценный продукт на такое никчемное создание как я.

— Лучше таруша какого-нибудь излечи, — взмолился Ана-Са из темноты, — их много

раненых.

Я молчала и лежала, не чувствуя в себе сил даже попытаться отползти, когда черноглазый хмырь вернулся ко мне с какой-то деревянной баночкой. Сил хватило только на протестующее мычание, когда он задрал рубашку, чтобы осмотреть бок.

— Сэнар-Са, — позвал раненый, пока меня осторожно обмазывали прохладной мазью, почему-то тонко пахнущей сырой землей, — зачем она тебе? Мы не можем ее даже допросить.

— Я не знаю, — просто признался Сэнар-Са, размазывая свой «очень ценный продукт» по моему боку, — но если мы хотим завоевать эти земли, нам нужно научиться понимать их жителей.

— Глупости, — фыркнул Ана-Са, которого я уже подумывала про себя звать просто Ана. Создавалось впечатление, что все эти «-са» не часть имени, а что-то другое. Титул какой-нибудь, быть может, ранг, или просто вежливое обращение, — мы уже однажды захватили эти земли.

— Это было слишком давно, — Сэнар поднялся, возвращая меня в темноту. Светлячок, горевший над худым плечом, пока он обрабатывал мою рану, уплыл вместе со своим хозяином, — сейчас же мы не можем пройти дальше первого круга.

— Если бы проход был открыт дольше, — проворчал Ана, — мы бы смогли провести больше воинов.

Сэнар ничего на это не ответил, и разговор завял сам собой. Лежа в темноте, на голой земле, привязанная к дереву, я недолго прислушивалась к себе, пытаюсь понять, куда ушла боль и не убьет ли меня непонятная мазь. Если верить ощущениям, все было очень хорошо, даже голова стала меньше болеть.

Но на этом все хорошее закончилось. Дальше было только плохое.

Начиная от подъема на рассвете, когда еще даже солнце не совсем встало, а так, робко привстало, размышляя, стоит ли подниматься, или можно еще отдохнуть, и заканчивая неудобным местом впереди Сэнар на тощей шее его оленя.

Рана закрылась и почти не болела, что было удивительно и очень приятно, но мигрень за несколько часов короткого тревожного сна не прошла, и каждый шаг рогатого скакуна отдавался тупой болью в затылке.

Оборотни нас уже ждали, об этом свидетельствовали стрелы, пущенные сразу же, стоило только чудящим подойти достаточно близко. Две стрелы угодили в Ана, который даже не поморщился и не попытался их вытащить, продолжая покачиваться в седле со стрелами в груди.

Обычное оружие их не брало.

В Сэнар никто не стрелял, и мне очень хотелось верить, что виной всему было мое присутствие на его олене. Такая Сэнарвная надежда на свою важность.

То ли все дело было в месте, с которого я наблюдала за схваткой, то ли оборотни и правда сегодня были злее, но количество живых чудящ быстро уменьшалось. С каждым упавшим со стены монстром шансы черноглазых захватить деревню таяли все больше.

Когда солнце лениво выглянуло из-за гор, Ана потерял терпение.

Зашипев совсем как рассерженная Ашша, он расправил шипы, скрывавшиеся среди косичек, сразу став очень похожим на потревоженного дикобраза, и погнал своего оленя к стене. Сэнар ругнулся ему в спину, но следом не поскакал, продолжая держаться в центре поредевшего отряда.

Ана был хорош. Плащ развевался за спиной вместе с косичками, глефа была поднята высоко над головой, пафосность просто зашкаливала, и пока он скакал, я лишь умилялась глядя ему в спину. А потом он взлетел на стену, и я перестала улыбаться.

Наплевав на все законы физики, Ана легко забрался по залитым смолой камням, удерживая оружие, кажется, в зубах.

Сэнар мудрено выругался, когда его товарищ добрался до оборотней. Троих он уложил почти сразу, умело орудуя глефой, четвертым оказался Ксэнар, и Ана застрял. Они бились минут пять, никто не смел вмешаться, даже когда белый волчара чуть не лишился лапы и заработал глубокую рану.

Вожак тянул время, это прекрасно понимал Сэнар, и об этом догадывалась я, но Ана, опьяненный боем, ничего не замечал. И это была смертельная ошибка. Неуязвимый для обычного оружия, сумевший полностью исцелиться за ночь, он верил в свою непобедимость, потому, когда Ксэнар прижал его к камню, лишь рассмеялся.

Я точно слышала его издевательский смех, даже с такого расстояния, даже сквозь ворчание притихших чудищ, которых Ана, судя по всему, поставил на паузу. И так же отчетливо я слышала, как его смех захлебнулся, когда кто-то кинул Ксэнару красный кристалл, тут же оказавшийся во вражеской глотке.

подавившись вздохом, Ана забился, дернулся, стараясь вырваться из рук оборотня, и попытался выплюнуть кристалл, но не успел.

Сэнар больно сжал мое плечо, когда горло его товарища разлетелась ошметками плоти. Мутная, белая кровь забрызгала Ксэнара и камни вокруг них. Утерев морду и подняв обезглавленного противника, вождь скинул его со стены.

И пока неожиданно короткое без головы, безвольное, тонкое тело летело вниз, среди монстров наступила странная, тяжелая тишина, в которой можно было слышать, как труп глухо ударился о землю.

Монстры, удерживаемые Ана, со смертью хозяина вернули свою волю, забеспокоились и поспешили покинуть место битвы, затерявшись среди деревьев.

Они еще не знали, что оборотни выследят каждого из них, не позволяя жить в этих лесах тварям из другого мира.

Отряд сократился на две трети и уже не представлял особой угрозы. Олень беспокойно прыгал ушами, но стоял на месте, удерживаемый твердой рукой хозяина.

Всем было ясно, что атака захлебнулась, я это понимала, Сэнар это понимал, и оборотни, спешившие спуститься на землю и добить чудищ, тоже это понимали.

Полюбоваться тем, как легко и непринужденно огромные смертоносные полузвери, скинув канаты вниз, спускаются на землю, мне не дали. Сэнар, вместе со своим отрядом, бежал в леса, вслед за потерявшими хозяина чудищами.

В непроходимом лесу, стремясь скрыться от возможного преследования, Сэнар разбрызгал по кустам, сквозь которые мы прошли, какую-то жидкость, осмотрелся и дальше вел своего оленя уже в поводу, силой заставив меня уткнуться носом в пахнущую почему-то разошедшимся деревом гриву.

Когда мы вышли к реке, я дернулась, порываясь прыгнуть, хотя, в моем случае, скорее свалиться, с оленя и попить. Утром мне позволили сделать всего три глотка сладковатой теплой воды и вручили вместо завтрака тонкий зеленоватый брикетик, не внушавший особого доверия. Воды я попила, подозрительную еду закопала под деревом и теперь не отказалась бы заполнить пустой желудок даже такой, далеко не чистой водой.

Сэнар, заметивший мои вялые подергивания, раздраженно прошипел, требуя, чтобы я сидела смирно.

Страдая от жажды и мучаясь от непроходящей тошноты, я уже не могла молчать и делать вид, что ничего не понимаю. Ксэнар шел по нашим следам, Берн шел по нашим следам, толпа оборотней, прекрасно знавшая этот лес, шла по нашим следам, и мне уже было плевать, узнает этот черноглазый о моем маленьком таланте или нет.

— Я хочу пить, — прохрипела я, копируя раздраженные интонации Сэнара. Пересохшее горло, непривычное к такому напряжению, возмущенно заболело.

Хотя лицо Сэнар, когда он услышал родной язык, стоило таких усилий. Пускай мое произношение было корявым и неуверенным, но вполне понятным.

— Ты, — удивлялся он очень забавно. Так... по-человечески.

— Хочу пить.

Совершенно ошалевший, не понимающий, что происходит, несчастный гуманоид помог мне сползти с оленя и проковылять к реке. Сначала он даже предлагал свою очень своеобразную флягу, но памятуя о тухловатой сладости его поила, я категорически отказалась отсюда пить.

Сэнар терпеливо стоял на краю реки, пока я, опустив голову в воду, жадно пила, захлебываясь и отфыркиваясь.

— Хорошо, — убрав с лица прилипшие к щекам влажные пряди, я блаженно шурилась, ощущая, как вода стекает за шиворот. Заморенная жарой, я чувствовала себя просто прекрасно и не могла понять, как этот бледнющий доходяга в такую жару может ходить в плаще.

Далеко от реки мы не ушли. Обосновались на противоположном берегу, где терпеливый и обстоятельный, Сэнар, со всей своей иномирской ответственностью, решил устроить мне допрос.

— Откуда ты знаешь наш язык?

Расседланный олень пасся в нескольких шагах от нас.

— Один из ваших подсобил, — медленно проговорила я, не до конца понимая, что сейчас чувствую.

С одной стороны, я вступила в контакт с представителем другой расы, не побоюсь этого слова, другого вида. Великое событие, невероятное, просто вау. А с другой — я уже столько времени живу рядом с оборотнями, нагами и прочей чертовщиной, что иномирный уродик меня уже не должен удивлять.

— Шаман, — помрачнел лицом Сэнар. Нет, судя по задержке перевода, слово было другое, но подходящего аналога в моем лексиконе переводчик не нашел и выбрал максимально приближенное к оригиналу.

— Он самый, — охотно кивнула я, крутя в руках очередной странный брикетик, на этот раз коричневого цвета. Сэнар спокойно грыз такой же, задумчиво глядя прямо перед собой и заставляя мой желудок возмущенно сжиматься. Время неумолимо шло к обеду, я хотела есть и уже готова была рискнуть и попробовать эту странную пищу, успокаивая себя тем, что от иномирской мази я не загнулась и даже наоборот. Бок радовал покрасневшей, словно обожженной кожей, там, где вчера была наложена мазь, но рана затянулась, оптимистично белея аккуратненькими шрамиками. Кажется, единственным побочным эффектом была лишь нестрашная аллергия.

— Раньше они служили нам, — глядя прямо перед собой, проговорил Сэнар, — помогали править здесь, давали возможность понимать ваш язык.

Я молчала, пораженная внезапным откровением уродика, но он не спешил продолжать, погрузившись в свои мрачные мысли.

Просидев так несколько минут, я не выдержала:

— А теперь больше не помогают?

— Они обвинили нас в поражении и изгнании из ваших земель и отказались служить.

— И вы их просто так отпустили?

— Шаманы — дети Великого Кара, заставить их служить силой значит унижить его.

Я молча отгрызла от брусочка кусок, пережевала и с трудом проглотила эту вязкую, безвкусную гадость. Еда у них ужасная, одни охотники, другие шаманы и, судя по всему,

друг друга они не очень-то жалуют, да и божество у них какое-то стремное. Великий Кар.

Мне даже Сэнар отчего-то жалко стало. Родился, бедный, в таком отстойном мире.

— И что ты теперь будешь делать?

— Ждать, — коротко ответил он.

— Чего ждать?

— Пока дорога не откроется и новый отряд не придет испытать свою судьбу. Сейчас звезда все чаще становится красной, — неохотно признался он.

Пока Сэнар ел, я размышляла о насущном. Расспрашивать его дальше мне не казалось хорошей идеей, уж очень неохотно он отвечал, и в любое мгновение мог вспомнить, что это я тут пленная, и меня нужно допрашивать, но и так было ясно, что в отличие от оборотней, гуманоиды узнавали об открытии прохода задолго до этого неприятного момента.

— А со мной что будет? — я была уверена, что оборотни найдут нас раньше, чем проход откроется в следующий раз, но придут ли они раньше, чем Сэнар решит, что я ему только мешаю, и избавится от меня?

— Ты будешь полезна, я буду тебя защищать, — пожал плечами он, — я доволен.

Еще раз откусив от безвкусного брикета, я тяжело вздохнула. Он был доволен... А вот я была не совсем довольна тем, чем был доволен он.

— Как тебя зовут?

— Рагда, — рассеянно представилась я, все еще размышляя о его словах.

— Рагда... ата? — неуверенно переспросил он.

— Просто Рагда.

Следующие полтора часа мне подробно и нудно объясняли, что я не могу быть просто Ярой, что «ата» означает свободная хозяйка, переводя на адекватный незамужняя девушка, а «атана» — хозяйка дома, то есть замужняя, а «атара» — хозяйка пепелища или вдова.

Он называл еще много окончаний, объяснял, что они значат, приводил примеры, и выглядел очень увлеченным. Я послушно изображала интерес и ждала, когда он объяснит, что значит «са» в окончании его имени.

Самое интересное Сэнар, конечно же, приберег напоследок.

— Вот, смотри, я Сэнар-са, — проговорил он, когда я из последних сил держала глаза открытыми, не пытаюсь больше выглядеть заинтересованной и стараюсь просто не уснуть. Услышав знакомое слово, я встrepенулась, — в моем случае «са» — значит воин. Если бы я смог сломить ваш круг и удержаться в вашем доме, до прихода моих братьев, мне бы позволили заменить «са» на «саэн» разрешив звать себя сильным воином.

— А пока ты зеленый салага, — пробормотала понятиливо, потеряв глаза. Тяжело поднявшись, я поковыляла к реке, Сэнар не пытался меня удержать, решив, что я опять хочу пить, мое невнятное бормотание он не разобрал и не видел причин обижаться.

Вода была прохладной и очень освежала. Поплескав в лицо, я блаженно вздохнула и сунула голову в воду. О том, что меня кто-нибудь может за косу утянуть на дно, мне никто не рассказывал. Ни Ашша, ни вредный Берн, любивший поугагать всякими страшными историями, ни даже серьезный Ксэнар.

И попытка притопления оказалась для меня неожиданностью.

Я почувствовала, как что-то ухватило меня за косу и дернуло вниз. Река была не то, чтобы глубокая, и я сначала решила, что просто каким-то образом зацепилась за корягу или что-то в этом роде, мало ли мусора можно найти на дне реки.

Меня дернули повторно, а я так и не смогла нащупать рукой корягу и выпутать волосы.

В третий раз косу дернули сильнее, и я, не удержавшись на берегу, бултыхнувшись в реку, забила в воде, пуская большие пузыри. Вот именно тогда я и запаниковала.

Это была не коряга, потому что коряга не могла тянуть меня за волосы на середину реки, в самое глубокое место. Негромкий всплеск за спиной я не услышала, в ушах гудела вода и стучал пульс, я не могла открыть глаза и не видела, что происходит вокруг, пальцы то и дело касались песчаного дна, а меня продолжали тянуть за собой.

Попав в этот мир, я и предположить не могла, что смерть моя может быть настолько обидной. Среди оборотней, всякой опасной живности, готовой съесть меня целиком, и прочей паранормальщины умереть, утонув в реке, было особенно печально.

Я уже почти задохнулась и в любое мгновение рисковала сдаться и начать дышать водой, когда волосы отпустили, а меня потянули вверх, перехватив под грудь.

Спаситель, тощий, мокрый и ставший еще страшнее, отбуксировал меня к берегу и даже дотащил до своего плаща, который скинул, когда бросился меня спасать.

Откашлявшись и вдоволь надышавшись, я вспомнила о вежливости, и сдавленно прохрипела:

— Спасибо.

Сэнар кивнул, с совершенно спокойным лицом. Словно он только что не жизнь мне спас, а просто в речке поплескался.

— Я говорил, что буду тебя защищать.

— И все равно спасибо, — скинув босоножки, недолго думая, стащила еще и штаны, развесив их на ближайшем суку, оставшись в мокрой рубашке.

Сэнар раздеваться не стал, и через несколько минут я с завистью поняла, почему. Вода стекла с его одежды, быстро впиталась в землю и совсем скоро о недавнем купании в реке свидетельствовали только его мокрые волосы.

Я же сохла до самого вечера, не очень понимая, почему никто нас до сих пор не нашел.

Злые, вымотанные, голодные оборотни, вышли на нас, сытых и отдохнувших, только ближе к обеду следующего дня, у закрытого прохода, притворявшегося обычной пещерой.

Я как раз топталась рядом с оленем, который, на самом деле был и не оленем совсем, а налием, пока Сэнар осматривал пещеру, собираясь использовать ее в качестве ночлега. На этой изолированной территории все, что ему оставалось делать — прятаться и ждать открытия прохода, чем он и собирался заниматься, забавы ради таская меня с собой.

Ксэнара, в компании еще двух не перекинувшихся оборотней и одного черного волка, я встретила не очень радостно, что нашего вожака несколько озадачило.

— Какая неожиданная встреча, — пропела я, с насквозь фальшивой улыбкой.

— Где он? — хмуро спросил Ксэнар, забыв о всякой вежливости. Его не интересовало мое самочувствие как физическое, так и психическое, он хотел знать, где темноглазенький.

И едва ли нашего вожака волновало, что раса темноглазенького звалась хту-наа и представляла из себя что-то более сложное, чем простая группа жестоких и упрямых захватчиков, бодающих неприступные ворота уже не первое десятилетие.

Он этого просто не знал и вряд ли счел бы важным. А я вот теперь знала. Как и знала то, что эти атаки не прекратятся, пока проход не закроется навсегда. Войственная раса. Плодовитая и не умеющая учиться на своих ошибках, что с них взять?

Устроив вчера вечер откровений, я узнала о Сэнаре много нового и даже пришла к выводу, что не такой уж он и страшный. Нет, я все еще считала его тощим уродом, но уже без прежней брезгливости.

Если на него не смотреть, а только слушать, выкинув из головы бледный образ ходячего скелета со страшными глазами, то можно было даже вполне мирно общаться.

Сволочь он, конечно, так как выкрал (а он именно выкрал, монстры по его приказу в бойницу нагрянули), но молодец и без пяти минут герой, потому что от какой-то вредной речной нечисти спас и утонуть не дал.

— Он? — проблемы, поняла я, вот они, настоящие проблемы.

Ксэнар сжимал в ладони красный кристалл и собирался умертвить Сэнар единственным возможным способом. И судя по тому, что модернизированного арбалета, из которого ранили Ана, у него не было, Ксэнар планировал накормить кристаллом Сэнар собственноручно.

А этот бледный смертник, совершенно не заботясь о сохранности своей жизни, вышел из пещеры, крепко сжимая в руке древко глефы.

Оборотни подобрались, а вожак даже шаг вперед сделал, став чуточку ближе к Сэнар.

— Ксэнар, а, может, сначала поговорим?

На меня посмотрели как на ненормальную, и велели:

— Иди сюда.

— Ну, Ксэнар...

— Рагда! — рыкнул вожак, заставляя меня вжать голову в плечи. Жизнь моя жестянка, связалась на свою беду с бешеными оборотнями.

— Рагда-ата, — позвал Сэнар напряженно, — спрячься в пещере и не выходи, пока я не позову.

Еще один умник.

И если поведение Ксэнара еще можно было объяснить незнанием того, что я теперь полиглот, то Сэнар чего тупит?

— А, может, вы просто мирно все обсудите? — жалобно попросила я. — Без смертоубийства?

Я, уже почти привыкнув к языкозавязывающей речи хту-наа и даже не особо страдая от тяжести, чуть отстающего перевода, пожалуй, не ожидала, что мои несомненные таланты произведут такой фурор.

Оборотни были в шоке.

— Рагда, — негромко позвал Ксэнар, желая убедиться, что ему это не послышалось, — ты разговариваешь с ним?

Лучше бы я, конечно, ни в чем не признавалась, не кивала и не соглашалась работать переводчиком, но тогда еще я не знала, что меня ждет, а когда узнала, было уже поздно отказываться.

ГЛАВА X. Бусы

Посиделки у камина притушили мою тревожность, спасали от мрачных мыслей и грустных воспоминаний. Тепло огня и покой бессмысленного разговора постепенно выгоняли забившее мое нутро стылое отчаяние.

Мне нравилось чувствовать себя частицей чего-то настолько особенного.

Казалось, даже Агнэ заметила, что я стала веселее и жизнерадостнее. По крайней мере, в курятник за яйцами из-под кур или в коровник за молоком из-под коров она больше не звала, желая так оригинально меня взбодрить.

Я научилась принимать как должное неразговорчивость Ксэнара, перестав видеть в этом холодность и замкнутость. Ну не любит эва болтать, что же теперь? Зато его брат с беседами справляется просто мастерски.

Способный поддержать, казалось, любую тему, Сэнар героически побеждал тишину и говорил, говорил, говорил. Иногда у него даже получалось вызвать на диалог Ксэнара. В такие мгновения угрюмый царь оживал.

Мне очень нравились эти мгновения.

Бывало и по-другому, когда Сэнар по каким-то причинам покидал нас — чаще всего чтобы пополнить запасы печенья или принести еще пару кусочков пирога, или пирожков, или еще какой-то невероятной выпечки, что готовила царская кухарка, — и тишина тогда казалась благом.

— Знаете, если бы у меня был настолько общительный брат, я бы тоже молчаливой выросла, наверное, — поделилась я как-то с Ксэнаром своим бестактным наблюдением.

Он лишь кивнул, признавая справедливость моих слов.

Больше мы не говорили, наслаждаясь короткими мгновениями тишины.

Не отдавая себе отчета, я приходила к огню залечивать свои раны. И они затягивались. Не все и не сразу, но с каждым новым утром жить становилось чуточку проще.

Мне, но не Агнэ.

Ее никто по ночам чаем не отпаивал и разговорами не исцелял. Зато почти каждое утро, аккуратно в самое страшное время, когда до обеда оставалось еще около часа, а девочка уже была голодная и злая, ее донимала Вастэ.

Девушка казалась мне очень милой. Такой дружелюбной и доброй. Очень искренней...

Не умела я разбираться в людях. Прожив почти восемнадцать лет в окружении равных Вастэ в лживости, я так и не научилась отличать фальшь от искренности. Просто предпочитала избегать всех этих придворных игр, за что платила преступной простодушностью в некоторых важных жизненных ситуациях. Агнэ оказалась куда проницательнее меня, она видела Вастэ насквозь. Уж царевну, несмотря на ее юный возраст, точно не удалось бы застать врасплох.

Меня удалось.

Я не ждала укола и ничего не заподозрила, когда Вастэ, дождавшись, пока Иви выйдет из комнаты, отозванный Нэшем, вытащила из своей вязаной сумки, лежавшей у ножки стула, маленький Ксэнарток.

Протянула его мне она с широкой улыбкой.

— Вот, держи. Это тебе небольшой подарок.

— Мне? — опешила я. Повода для подарка, даже для небольшого, я не могла припомнить.

— Да. — Она требовательно качнула Ксэнартком. — Ну же, бери. Не обижай меня

отказом.

— Спасибо. — Отложив книгу, которую читала, я приняла подарок. Теперь на занятия Агнэ я всегда брала с собой что-нибудь почитать, потому что преподаватели царевны, стоило им только приметить, что я сижу без всякого дела, тут же желали пристроить меня к уроку. Чтобы царевне не было скучно.

— Рагда, не открывай, — попыталась предостеречь меня Агнэ, когда я приняла подарок. — Вдруг там внутри паук? Или дохлая мышь.

Вастэ крепко сжала губы, сдерживая рвущиеся наружу злые слова, на мгновение улыбка пропала с ее лица, но быстро вернулась обратно. Натужная, если присмотреться...

Я не присматривалась. С осуждением глянула на Агнэ и получила в ответ хмурый взгляд.

Аккуратно развернув бумагу, я застыла.

В Ксэнартке, старательно отражая блеклый солнечный свет резкими гранями, лежали красные бусы. Не те, в которых меня с Болотным царем «женили», не крашеное дерево, а настоящее стекло. Цветное. Даже красивое.

— Когда увидела вчера на торжище, сразу о тебе вспомнила, — разливалась медом Вастэ, но я ее почти не слышала.

Я сидела оглушенная и едва дышала.

«А ведь все только начало заживать», — промелькнула злая мысль.

— Рагда? — позвала обеспокоенная Агнэ. — Все хорошо? Ты побледнела?

Ничего не было хорошо, какая-то бессмысленная горсть стекла умудрилась вернуть меня туда, на границу Топи, и привязать к дереву.

— Мне не идет красный, — невпопад ответила я, поднимая глаза на Вастэ.

— Какие глупости. — Голос ее был мягок и тягуч, а улыбка не сходила с четко очерченных губ. Казалось, улыбку намертво прибили к этому юному прекрасному личику. Всю ее расчетливую натуру матерой хищницы выдавал лишь взгляд. Сейчас, забыв об осторожности, она позволила мне увидеть всю себя. — Давай, примерь.

Вастэ знала, кем я прибыла в эту деревню, и хотела ткнуть носом в мой статус жертвы. Едва ли надеялась, что я пойму, но решила не отказывать себе в удовольствии. И сейчас, заметив мое состояние, она торжествовала.

Мое разгромное поражение стоило всего несколько медяков.

Но за что? Я же ничего плохого ей не сделала... пока.

— Рагде нехорошо, — беспокойный голос Агнэ был едва различим, — ей не твои стекляшки нужны, а Ллэт.

Вастэ не слушала, она нетерпеливо взяла бусы, будто только и ждала такой возможности, качнулась ко мне, красная нить в ее руках показалась мне удавкой.

— А день так хорошо начинался, — не своим голосом сказала я и отказалась сдерживаться.

Бусы полетели в сторону, а мы с Вастэ на пол. Я была Ксэнарху и как могла пользовалась своим преимуществом. Кусалась, царапалась, рвала волосы и пару раз ударила ее вскользь. Во мне было слишком много злости. Я подавляла ее, сколько могла, запирала на все замки, держала в самом темном месте и... зря Вастэ решила надо мной посмеяться.

Сначала она кричала и отбивалась. Недолго.

Агнэ бегала вокруг, просила меня успокоиться, не рискуя хватать за руки, молила

образумиться, пыталась запугать меня последствиями.

Мне было все равно.

На шум подоспели эва, кто-то совершенно необдуманно попытался оттащить меня за плечи. Я заехала ему затылком в лицо и получила возможность еще несколько раз ударить. Когда нас все же разняли, Вастэ только тихо подвывала. Получив свободу от меня, она скрутилась на полу клубком и громко зарыдала, закрывая голову руками.

— Успокойся, ненормальная! — рявкнул Нэшар. Он держал крепко, не позволяя мне выкрутиться из его рук. На полу сидел Иви, зажимая разбитый нос ладонью — рукав его белой рубашки и вся грудь были залиты красным, между пальцами сочилась кровь. Бледная Агнэ, тяжело дыша, стояла рядом с ним.

— С ума сошла? — спросил Нэш, когда я перестала вырываться и обвисла в его руках. — Ты что натворила?

— А что я? Это она, — хрипло огрызнулась я. Безумие покинуло мое тело, стало холодно. Дрожь рождалась где-то в опустевшей груди и расходилась по всему телу. Болели руки, ныли пальцы и плечи. Щеку и лоб саднило — Вастэ успела меня немного потрепать еще в самом начале. — Пусть замолчит. Бесит.

Лишь чуть позже, в библиотеке перед Ксэнаром, когда окончательно пришла в себя, я поняла, что замолчать тогда Вастэ не могла. В сведенных пальцах я сжимала выдранную прядь длинных русых волос с характерной для эва прозеленью.

Перед царем на столе лежали бусы, которые он очень внимательно изучил, прежде чем обратиться ко мне.

— Ты понимаешь, что натворила?

— Выпустила пар. — Взрыв чувств обессилил меня, на смену сжигающей ярости пришло холодное безразличие. Но я знала — это ненадолго, скоро должно было стать совсем плохо. Спасала лишь слабая надежда, что после всего этого наконец наступит покой.

— Рагда, — одернул меня Ксэнар.

— Что? На что еще она рассчитывала, когда дарила мне красные бусы? Что я разрыдаюсь?

— Почему ты считаешь, что подарок был сделан со злым умыслом? — спросил Нэш. Он стоял на своем любимом месте, за креслом у окна. На этот раз без сов.

— Видели бы вы ее глаза, не задавали бы таких глупых вопросов. Она знала, что я была жертвой, и хотела мне об этом напомнить.

— У тебя нет доказательств, — холодно заметил царь. В это мгновение я остро пожалела, что там, во время драки, первым бросился меня оттащить Иви. Как было бы сладко сломать нос Ксэнару...

— И что теперь будет? — Я крутила в подрагивающих от перенапряжения пальцах прядь чужих волос, не зная, куда ее деть. Как назло, рубаху я сегодня надела особенно длинную, а карманы были только в брюках, и... не поймут меня, наверное, если я сейчас подол начну задирать.

— Ты извинишься перед Вастэ.

— Нет!

— Рагда...

— Почему я должна извиняться? Потому, что она хотела сделать больно мне, а вместо этого сделала больно себе?

Дождавшись, пока я выскажусь, Ксэнар терпеливо спросил:

— У тебя есть какие-то доказательства ее вины?

Я отрицательно качнула головой.

— Твоя вина очевидна.

Наверное, лучше бы он на меня кричал, тогда бы я могла кричать в ответ. Может, тогда бы мне стало лучше.

— Ллэт понадобится еще около пятнадцати минут, чтобы залечить Вастэ основные повреждения. Ты это время можешь потратить на то, чтобы привести себя в порядок. Потом ты попросишь прощения, — холодно приказал царь и отпустил меня, не дожидаясь реакции с моей стороны. — Иди.

Библиотеку я покидала в странном, но знакомом состоянии. Поверить в происходящее удавалось с трудом, казалось, я сплю и вот-вот проснусь.

Когда Аратан захватил трон, я чувствовала то же самое. Но если тогда был кошмар, из которого я никак не могла вырваться, сейчас меня терзал просто плохой сон. И плохим он был лишь из-за того, что принес в себе отголосок того кошмара.

По лестнице подниматься было сложно, каждая ступень давалась мне с боем, но на третий этаж я все же забралась. Дверь в ванную, едва различимая из-за мутной пелены, застилавшей взгляд, поддалась не с первого раза. Несколько секунд я в оцепенении толкала ее, забыв, что открывается она в другую сторону. Запереть замок не смогла, не хватило сил.

Попыталась включить холодную воду и сползла на пол. Волосы Вастэ липли к ладони.

Я разрыдалась под вялую капель потревоженного крана.

Когда отведенное мне время закончилось, я не заметила. Просто в одно мгновение ощутила рядом чужое тепло.

Сначала подумала, Сэнар пришел меня утешать.

Ошиблась.

— Полегчало? — спросил царь, обнимая меня за плечи. В любое другое время это повергло бы меня в шок. Сейчас было все равно.

Я шмыгнула носом, вытерла мокрые щеки рукавом рубашки и прислушалась к себе. Было тихо и спокойно.

— Кажется, да.

— Хорошо.

— Мне сейчас придется извиняться, да?

Ксэнар кивнул.

— А Агнэ как? Где она?

— У себя в комнате, — он усмехнулся. — Рвалась к тебе, пришлось запереть.

— Это ведь я при ней... ну...

— Стыдно?

Я всхлипнула.

— Можем еще немного здесь посидеть, если хочешь, — предложил он великодушно.

— А извиняться? Нас не ждут?

— Подождут.

Я не стала отказываться. Мне очень нужно было еще немного времени, чтобы соскрести остатки смелости. Пройти в какую-то из комнат на этом этаже, в ту, где Ллэт залечивала

боевые раны Вастэ, выдавить из себя извинения, а потом запереться в спальне и прорыдать весь день. И проспать всю ночь, а утром спуститься на завтрак прежней Рагдой.

Как буду теперь просиживать часы занятий рукоделием в одной комнате с Вастэ, я еще не знала, но была уверена, что справлюсь.

— Пора, — встряхнул меня Ксэнар, когда я, пригревшись у него под рукой, уже начала засыпать.

Вздрогнула, подскочила, желая как можно быстрее со всем расправиться, бросилась к двери и была остановлена за шкирку.

— Умойся сначала.

Раны от ногтей Вастэ оказались совсем не страшными. Я была слегка поцарапана, слегка растрепана и слегка на взводе. Опять на взводе, а всего несколько секунд назад мне казалось, что я успокоилась.

— Что-то не так? — спросил Ксэнар, заметивший мой затравленный взгляд в отражении.

— Я запуталась.

Он улыбнулся. По-доброму так, совсем непривычно.

— Распугаешься.

Вастэ лежала в постели и изображала умирающую. Рядом с ней на стуле сидел немолодой мужчина в странной одежде. Если бы не расцветка, можно было бы решить, что это мантия мага. Но маги никогда не носили зеленые цвета.

Тут же была и Ллэт. Раздраженная, она что-то выговаривала мужчине, но замолчала, когда мы вошли.

При появлении царя эва поднялся со стула и сдержанно поклонился. Уже позже я узнала, что вот этот вот невзрачный эва на самом деле был одним из предков и потрепала я не простую девицу, а дочь рода. Гордиться собой больше или ругать себя сильнее после этого я не стала.

Комната ничем не отличалась от той, в которой жила я. Стандартный набор мебели, ничего лишнего.

Извинения мои были приняты с первого раза, что казалось мне невыносимым. То невнятное мычание, которое я смогла из себя выдавить, совсем не выглядело убедительно. Даже слепой бы заметил, что я не раскаиваюсь.

Удивление мое продлилось недолго, причина такого странного поведения выяснилась в следующую же минуту.

— Но разумеется, вы понимаете, что столь вспыльчивая особа не может и дальше заботиться об Агнэ, — со значением сказал мужчина, неприязненно глядя на меня. — Сегодня жертвой ее буйного нрава стала моя дочь, в следующий раз пострадать может ваша.

Ллэт в сердцах сплюнула на пол и отошла к окну.

— Рагда хорошо справляется со своими обязанностями, — ответил Ксэнар.

За время ее работы Агнэ ни разу не сбежала с уроков, проницательно перевела я его слова.

Когда кто-то поминал предков, мне представлялось что-то величественное и древнее. С седой бородой до земли и мудрым взглядом. На деле же предок оказался совершенно обычным эва, преследующим какие-то свои мутные цели.

Цель конкретно этого эва была совершенно ясна — выжить меня из дома царя.

— После того, что случилось, как Вастэ сможет чувствовать себя в безопасности во время занятий?

— Ей не придется, — оборвал мужчину Ксэнар.

— Что?

— Вастэ больше не будет заниматься с моей дочерью. Для ее же блага.

За мстительное удовольствие при виде вытянувшегося лица Вастэ и ее отца мне даже не было стыдно.

— Вы не можете! — Все время, что говорил ее отец, Вастэ лежала тихо, кротко потупив глаза. Но сейчас уже не было смысла молчать, и ее прорвало. — Она опасна. Почему вы прогоняете меня? Эта ненормальная покалечит Агнэ!

Ксэнар ее проигнорировал, но меня придержал, когда я, забывшись, шагнула к Вастэ.

— Ллэт, ты все сделала?

— В лучшем виде, — заверила целительница. — Она может уходить прямо сейчас.

— В таком случае не смею вас больше задерживать.

Мужчина хотел было что-то сказать, но осекся, встретившись взглядом с царем. Когда мы вышли из комнаты, оставив расстроенное семейство собираться, первым, что я сказала, было немного обиженное:

— Я нормальная.

— Раньше мне тоже так казалось. — Ксэнар покосился на меня. — Сейчас появились сомнения.

Я не верила своим ушам.

— Это вы сейчас язвите?

Каким бы ни был ответ, узнать его я не смогла. Ллэт налетела на меня сзади и от всего ее большого сердца отвесила мне подзатыльник.

— Уййй... За что?

— За тупость, — ответила она.

— От того, что вы меня по голове бить будете, я умнее не стану.

Глаза Ллэт опасно Ксэнаркнули, и я на всякий случай прикрыла руками голову.

— Что там? — непонятно спросил Ксэнар, отвлекая на себя внимание целительницы.

— Ругаются, — ответила она и с осуждением заметила: — Давно пора было от нее избавиться.

— С Агнэ кто теперь заниматься будет? — с досадой поинтересовался царь.

Ллэт ничего не ответила, а мне вступать в разговор было боязно. У целительницы рука была тяжелой, а характер вспыльчивым.

Запланированные рыдания сорвались. Вместо слез меня одолел сон. Стоило только оказаться в комнате, и я, не раздеваясь, как подкошенная рухнула на кровать и проспала весь день, и весь вечер, и всю ночь. Чтобы ранним утром проснуться в рассветных сумерках с чувством абсолютного покоя.

Такой умиротворенной я себя, кажется, даже в детстве не чувствовала.

В столовую спускалась в приподнятом настроении, которое не смог испортить ни ухмыляющийся за завтраком Сэнар, уже знавший, что я вчера натворила, и имевший по этому поводу что-то сказать, ни мрачный Иви на занятиях. Нос Ллэт ему выправила, но

глубокие тени под глазами полностью убрать не смогла... или не захотела.

И только Агнэ радовала меня своим сияющим довольным видом. Она уже знала, что Вастэ больше не будет занимать часы ее жизни, и радовалась этому. Счастье ее чуть померкло, когда во время запланированного рукоделия Вастэ ожидаемо не пришла, но пришел Сэн.

Важно велел племяннице вышивать то, что она недовышивала вчера, и уверенно направился ко мне. Иви не пожелал оставаться, чтобы составить Сэнару компанию.

— Вижу, за Агнэ есть кому присмотреть. С вашего разрешения, я покину вас на время, — сухо проговорил он.

И, дождавшись разрешения, ушел.

— Бойтся, что ты и на меня нападешь, — со знанием дела сказал эва, когда дверь за учителем Агнэ закрылась. — Тогда он будет вынужден спасать брата своего короля. И опять пострадает.

— Я случайно же...

— Не бери в голову, — беспечно отмахнулся Сэнар. — Ему больно, вот он и вредничает.

— Мне казалось, Ллэт его лечила.

— Лечила, пока Нирай не решил, что он знает лучше, что нужно делать. Ллэт не любит, когда ее пытаются учить ее же ремеслу, да еще советуют какие-то глупости. Выгнала его, так и не долечив. — Сэн передернул плечами. — И даже не покалечила.

Иви я знала плохо, но почему-то совсем не удивилась такому исходу лечения.

— А вы что, теперь будете рукоделие вести?

— Я? Учить? — опешил Сэн. — Да пусть меня лучше Болотная Руда живьем поглотит!

— А что тогда...

— Вастэ была последней, — перебил меня он. — Потому продержалась так долго. Но твоя вспыльчивость прогнала из этого дома последнюю дочь рода.

— И что? Больше рукодельниц в Зыби нет?

— Традиции. До царевны дозволено допускать лишь дочерей предков. — Сэнар скривился, выдавая свое к этому отношение.

— Эту традицию случайно не сами предки придумали?

Он ухмыльнулся, жестом велел подсесть ближе и заговорщицким шепотом рассказал мне о страшном.

Несмотря на свое положение и безусловное уважение эва, предкам хронически не хватало власти. Той самой, полной и всеобъемлющей власти царя. Сначала был придуман долгий список традиций, но удовлетворить жадные запросы он не сумел. Тогда цари стали выбирать в жены дочерей рода. Дочерей предков...

— Когда Ксэнара вынудили жениться на Нэн, все были удивлены. Наша история не насчитывала и десятка таких вопиющих принуждений. Это было странно. Я решил поднять летописи. Знаешь, историю наших сражений ведут не очень ответственно, чего нельзя сказать о летописях царских союзов. Я проверил их все.

— И что? — нетерпеливо спросила я.

— Последние девять поколений царская семья все крепче связывала себя с предками. Женой царя и матерью будущего наследника всегда и неизменно становилась дочь рода. Царский выбор выглядел добровольным. Разумеется, подобную связь одобряли. Каждый раз. Сложности у них возникли лишь с моим братом.

Поколения сменялись, связь между царем и родом становилась только крепче, предки получали все больше влияния, правя царем через его жену... А потом напоролись на Ксэнара.

— Дочери всегда преданы семье. Даже перейдя в дом мужа, они послушны воле своих родителей... — Сэнар помрачнел. — Нэн всегда была тихой и послушной девочкой. Идеальной женой для царя, способной донести до него слово рода, но никогда она не интересовала брата. Хотя не могу не отдать предкам должное: они сделали все, чтобы Ксэнар в нее влюбился. Никто не виноват, что мой брат оказался таким упрямым.

— И невлюбчивым, — фыркнула я. По крайней мере, Ксэнар всегда оставался собой. Хладнокровный истукан, что в молодости, что сейчас... — Но я не понимаю, почему бы царю прислушиваться к жене? Мой отец никогда не слушал мать.

— Ты забываешь, что мы не люди. Наша кровь делает нас зависимыми. Поверь, Рагда, если мы любим, нами легко управлять. — Он улыбнулся. — Ксэнар жену не любил, что создавало предкам много проблем.

— А когда она умерла?

— Когда Нэн умерла, род начал засылать в наш дом своих дочерей. Под предлогом обучения царевны, разумеется. Никто не стал бы называть реальную причину.

— И Ксэнар это терпит?

— А почему нет? Пока предки заняты своими мелкими интригами, у их нет ресурсов на что-то серьезное.

— А я думала, у людей все сложно...

— Почему я должна заниматься глупой вышивкой, когда вы там что-то интересное обсуждаете? — возмущенный голос Агнэ оборвал меня на полуслове. — Это несправедливо.

— С чего ты взяла, что интересное? — удивился Сэн. — Думаешь, обсуждение, предположим, цен на шерсть можно было бы назвать интересной темой?

— С такими лицами только шерсть обсуждать, — проворчала она. — Я не буду больше вышивать, я запуталась!

— Так разве это проблема? — удивился Сэн. — Рагда, распутай ее.

— Я скорее все только больше запутаю.

— Имей в виду, Рагда: сегодня утром к Ксэнару приходил Атэн, просил за дочь. Если в скором времени мы не найдем Агнэ наставницу, брату придется вернуть Вастэ.

Меня передернуло. Царевна скривилась.

А Сэнар, довольный произведенным эффектом, велел девочке:

— Бросай эту глупость. — И, обращаясь уже к нам обеим, спросил: — Что скажете, красавицы, если мы продолжим занятия на кухне?

— И что мы там будем делать? — с подозрением спросила Агнэ. Опасалась она, что дорогой дядя заставит ее готовить.

— Пить чай. Есть возражения?

Возражений, разумеется, не было.

И уже на кухне, после второй кружки чая, мне в голову пришла гениальная идея... которую мне же и пришлось нести царю на одобрение...

ГЛАВА XI. Случаи

Нос мерз. Вот просто бессовестно мерз мне назло, а я даже не могла его согреть. Руки были заняты. В одной я сжимала мешочек с деньгами, а в другой список покупок, выданный нервной Ашшей.

— Ты только ничего не забудь, — строго напутствовала меня змеевица, крепко вцепившись в плечи.

— У меня же список...

— И все же, — не унималась она, еще не до конца поверив в своё счастье. Ашша хотела, чтобы ничто не омрачило её нетерпеливого ожидания нашего скорейшего возвращения. Ничего, включая мою забывчивость, — ты не поверишь, но в последний раз мне удалось уговорить закупить для меня кое-что по мелочи Алиса, и это было почти четыре года назад.

— И с тех пор я больше не совершал такой ошибки, — радостно подтвердил оборотень, показавшийся из конюшни. Заценив мой красный нос, тёплый тулуп, уже порядком присыпанный снегом, и несчастный взгляд, он легко подошёл к нам, оставляя на свежем, совсем пушистом снегу едва различимые следы, — сочувствую тебе.

— И с чего бы это ты ей сочувствовал? — угрожающе осведомилась Ашша. Замерзшая змеевица, в отличие от меня, не краснела на морозе, а белела, отчего чешуйки на скулах становились видны отчетливее, а сама она приобретала мертвенный вид. И сейчас Ашша очень походила на ходячий труп. Даже губы побелели от холода, и только глаза горели ярким огнём.

— У неё первая поездка, — заметил лис, погладив меня по голове, очень естественным жестом заправив выбившуюся из-под платка красную прядь, — но вместо того, чтобы развлекаться, ей придётся бегать по торжищам, разыскивая твои заказы.

— Выезжаем через десять минут, — разнесся над конюшней сильный голос вожака.

Все заспешили, и даже мне позволили затолкать список в походную сумку и натянуть уже варежки.

Сэнар пришёл проводить меня в самый последний момент. Но его можно было понять. Выходец никогда раньше не видел снега и всю предыдущую неделю отсиживался в доме, не решаясь выйти на улицу.

Для него появиться на улице было великим подвигом.

Высокая фигура, замотанная во все тряпки, что только удалось раздобыть, очень напоминала чупа-чупс. Такой шарик на ножках.

— Это ужасно, — пряча нос в меховом отвороте тулупа, Сэнар крепко сжал мою ладонь, — не уезжай, останься здесь. Ты же там замерзнешь.

— Да брось, не так уж и холодно, — вдохновенно соврала я, растирая нос свободной рукой. Варежка мягко гладила замерзшую кожу, но особо не грела, — я выдержку. А вот вам с Ашшей неплохо было бы вернуться в тепло, и не мерзнуть здесь.

Сэнар кивнул, посмотрев на змеевицу. Та, получив от меня перевод, лишь пожала плечами: уж она точно была не против вернуться в тепло, особенно в компании Сэнара.

Меня забросили в одну из телег, которые должны были в скором времени нагрузить мехами и зерном. И чем-нибудь ещё, что может считаться уплатой подати.

Пока в них было пусто, и я могла расположиться со всеми удобствами.

Ксэнар ехал в начале отряда, Алис замыкал процессию, а я тряслась где-то посередине. Нахолившись и спрятав нижнюю часть лица в отворот тулупа.

Отряд наш состоял из двадцати оборотней, шестерых возниц, являющихся обычными людьми, и меня любимой.

Всего четыре женщины на весь отряд. Три оборотницы и одна Огневица.

Весёлая, в общем-то, подобралась компания.

Оборотни со мной особо не стремились завести разговор, и развлекать меня не ленился один только Алис. Самый молодой и лёгкий характером из всех.

Не будь в отряде лиса, знавшего кучу забавных историй, я бы совсем приуныла.

И привезли бы в первую деревню на нашем пути, не слегка замерзшую Огневицу, а конкретно, окоченевшую нечисть.

Из Пограничной деревни мы выехали засветло, а к Зарвичам прибыли уже в густых сумерках, хотя ехали быстро и на привал остановились лишь однажды, чтобы быстро пообедать. Даже костёр разводили маленький, слабый, только чтобы воды разогреть, да отвар заварить.

Доехали до главной деревни, миновав какие-то жилые, несерьёзные заселки и уперлись в закрытые ворота.

Ксэнара такая встреча не обрадовала, вдарив кулаком по одной из створок, отчего все ворота задрожали, он низко зарычал.

— Всегда так, — проворчал Алис, последние часа четыре ехавший рядом с моей телегой, — когда-нибудь Ксэнару надоест терпеть их наглость, и он уже поставит своего старосту.

— А что происходит-то?

— Бельник пытается показать нам наше место, — в темноте зрачок у лиса страшно Ксэнаркал. Не так жутко, как у жожака, но все равно очень беспокойно, — не любит староста оборотней. Старый дурак.

Ворота открыли спустя минуты три, как Ксэнар сообщил о своём приезде.

Въехав в унылую, грязную и какую-то подсознательно, неприятную деревню, мы преодолели узкую, неровную дорогу до дома старосты, где меня вытащили из телеги.

Ксэнар лично и вытащил, поправив мой платок. Совсем так же, как это утром проделал Алис.

— Волосы прячь и далеко от меня не отходи, поняла?

Я только послушно кивнула. Мне бы и самой очень хотелось держаться поближе к знакомому и такому надёжному жожаку.

Просторный двор старосты казался неухоженным и неуютным, хотя снег, укрывший все вокруг густым покрывалом, скрадывал обстановку, зачистив грязь и мусор белым цветом.

Входить в большой, двухэтажный дом мне тоже очень не хотелось, но пришлось. Ксэнар уверенно шагнул на крыльцо, прямо к неприятно улыбающемуся, бородатому старику, а я, вцепившаяся в рукав его шубы, вынуждена была идти следом.

Шуба у Ксэнара была чудная. Распашная, расширяющаяся к низу, с широкими длинными рукавами и отложными воротниками. Снаружи она была покрыта парчой.

Подобную диковинку я видела в учебнике истории, и никак не ожидала встретить что-то подобное в этом мире. Тем более на плечах у оборотня.

Однако же, шуба Ксэнару очень шла, а я с удовольствием держалась за меховой рукав. Мягонький и очень пушистый.

Поднявшись на крыльцо, наш устрашающий жожек сразу же задавил старосту своей силой, угрожающе возвышаясь над толстеньким, нервно вздрагивающим дядькой.

— А мы не ждали вас так рано... — начал было староста, блестя глазками. Так с первого

взгляда и не разберешь — зло он ими блестит, или подобострастно.

— И так каждую осень, они не ждут нас так рано, — фыркнул Алис, поднимавшийся сразу за нами. Несмотря на свой весьма юный возраст, он пользовался безоговорочным доверием вожака, раз имел право идти сразу за ним.

— Алис, — одернул его Ксэнар, ровным голосом. Парень притих, а Бельника просто переключило. Улыбка его приобрела нездоровую радостность, словно лицо свело судорогой, и плохо, и больно, а улыбку не стереть.

— Вы, наверное, устали, — дрожащим голосом спросил староста, — хотите отдохнуть с дороги? А о делах и завтра поговорить можно.

— Мы отдохнем, — кивнул Ксэнар, отцепив мои пальцы от своего рукава, чтобы крепко сжать в ладони, — а поутру уедем. На рассвете ваша плата должна быть готова.

— Но...

— Не обсуждается.

Бельник нас ненавидел, это было бы сложно не заметить, и я искренне не понимала, почему Ксэнар это терпит.

— Мне казалось, что на твоих землях живут лояльные к оборотням люди, — прошептала я еле слышно, когда мы вошли в тёмные, душевные сени.

— Тебе казалось, — негромко подтвердил Ксэнар, легко перейдя к делам насущным, — мы втроём переночуем в доме старосты, остальных разведут по домам. На рассвете отбываем.

— А можно я где-нибудь в другом месте переночую? — от тяжёлого, сперттого воздуха начинала болеть голова. — Они тут совсем не проветривают, что ли?

— У старосты сын хворый, — Алис потеснил меня плечом, пробравшись в комнату первым, — от любого сквозняка ложится. Поздний ребенок.

— Ты останешься здесь.

В просторной комнате, на лавке у печи, сидел вполне себе здоровый на вид, румяный и полный парень, лет тринадцати.

Наше появление его не смущало, скорее раздражало. Поджав полные губы, он смерил меня взглядом, но быстро отвел глаза. На вожака он даже не посмотрел, оперев взгляд в его сапоги.

— Ночи тихой, — пробормотал он тонким, ломающимся голосом.

— Тихой, — согласился Ксэнар, обратившись к дородной, невысокой женщине, застывшей на лестнице, ведущей на второй этаж, — нам бы отдохнуть, хозяйка.

Тяжело дышащий староста вошел последним и замер у дверей. Слово и не у себя дома находится, а в гостях.

Нас разместили с относительным комфортом. Вернее будет сказать, Ксэнар сам разместился. Отказавшись от комнаты, он напросился на чердак.

Алис поддержал своего вожака и, приняв из рук хозяйки одеяло и подушку, поднялся по шаткой лесенке наверх.

— А девку куда? — жена старосты обладала сильным, но некрасивым голосом, который после этих слов показался мне особенно противным. Можно подумать, обязательно было так орать, чтобы Ксэнар услышал, будто у меня спросить нельзя.

— Пусть сама решает, — отозвался Ксэнар.

И этот нечеловек требовал, чтобы я от него не отходила, а теперь вот вам. Пусть сама решает, а если я сейчас решу в другой дом перебраться?

— Настоятельно советую подняться к нам, — Алис весело улыбнулся, показавшись в дверном проеме, — в комнате ты не уснешь.

— Давайте подушку, — смиренно вздохнула я. Тоже мне, свобода выбора. Пусть сама решает. Ага.

На чердаке было удивительно чисто. Под потолком на сушке висели ягоды и грибы. У небольшого окошка, на добротном, крепком столе, были разложены какие-то травы. Сквозь узкие щели пробивался морозный воздух, отчего даже дышать было легко.

— Хорошо здесь, — вздохнула я, оглядывая чистый пол.

— А в комнате бы легли, всю ночь от духоты мучались и уснуть от храпа за стеной не могли. Бельник просто бесчеловечно храпит. Тут хоть выспимся.

Алис был не прав.

Я не выпалась. Мне было неудобно спать в одежде, к тому же на полу, но без одежды было холодно, а под утро кое-как задремав, я и вовсе замерзла. Не спасла даже княжеская шуба, сброшенная на меня поверх одеяла щедрой Ксэнаровой рукой.оборотни, в отличие от меня, не только верхнюю одежду на ночь сняли, но даже разулись. Горячая звериная кровь не давала им замерзнуть.

Я не выпалась, озябла, и утром, нещадно зевая, хмуро просматривала список Ашши, пока остальные грузили тюки с зерном и какой-то тонкой пряжей.

К счастью для моего измученного тела, змеевице ничего не требовалось купить в этой недружелюбной деревне, где жили исключительно люди, как мне по секрету сообщила мрачная оборотница, которой тоже не понравилась ночевка в этом месте.

Моё незабываемое приключение по землям оборотней началось слишком уныло, чтобы я и дальше пребывала в радостном нетерпении, ожидая увидеть следующую деревню.

ГЛАВА XII. Плохая идея

Единственное, что радовало меня в этом непонятном и изменчивом мире, — повеселевшая Агнэ. Она была полностью довольна новой мастерицей, с нетерпением ждала уроков рукоделия и с энтузиазмом бросала себя в водоворот экспериментов. Из Мэсла получилась прекрасная наставница. Она охотно делилась своими знаниями и без страха соглашалась попробовать что-нибудь новое. С ее появлением пальцы царевны все меньше страдали от иголок, а краски занимали свое законное место на холсте, почти не оставляя следов на одежде.

И даже успеваемость по другим предметам выросла. У Мэсла получилось то, чего не удавалось никому до нее, — пробудить в Агнэ интерес к учебе. Пусть еще слабенький и часто затухающий.

Период безоговорочного счастья длился ровно неделю. На восьмой день мой покой потревожил отец Вастэ.

Ксэнара дома не было, а работницы... ни одна из них не осмелилась бы послушаться предка. Потому его проводили в светлую комнату, служившую царю приемной, — в просторном помещении, кроме большого стола, кучи стульев и пары картин на стенах, не было больше ничего.

Мужчина сидел во главе стола и, когда я вошла, не стал вставать. Представляться он тоже посчитал лишним. И если бы Сэн как-то не упомянул его имя в разговоре, я бы так и не знала, что отца Вастэ зовут Атэн.

Дверь за собой я не закрыла, оставив ее полуприкрытой в надежде не пропустить возвращение Ксэнара. Что-то подсказывало, что разговор меня ждет веселый и я непременно захочу тут же поделиться им с царем. Я была не настолько гордой, чтобы проглотить обиду и не пожаловаться на обидчика тому, кто сильнее.

Ничего не зная о моих мыслях предок без промедления взял слово, очень уверенно рассказывая мне... обо мне же.

О том, как для меня непривычен и сложен быт эва, я слушала с искренним интересом. Атэн рисовал образ некой трепетной, впечатлительной и нежной барышни, которая в силу своего кроткого характера ну никак не могла бы оттащить его дочь за волосы.

Долго слушать пространные рассуждения было невыносимо.

— Приятно знать, что вы обо мне столь высокого мнения, — перебила его я, не чувствуя из-за этого за собой вины, — но не могли бы вы перейти к делу? Через двадцать минут у Агнэ заканчивается урок, к тому времени мне нужно вернуться.

Атэна немного перекосило, но он быстро взял себя в руки и даже смог мне улыбнуться. Смирно и благожелательно.

— Конечно. Но разве участь простой няньки при избалованном ребенке — то, чего достойна принцесса?

— Вам есть что мне предложить? — заинтересовалась я. Было любопытно, чего, по его мнению, я заслуживаю.

Предок уверял, что заслуживаю я многого.

— У держателя Серебряного города три сына. Я не сомневаюсь, что любой из них почтет за честь стать мужем принцессы. Вы сможете вернуться к жизни, которая была привычна вам с самого рождения.

От такой явной лжи сводило зубы. Кому нужна принцесса без земель, наследства и реального титула?

— Через неделю купцы отправятся в обратный путь. Вы можете ехать с ними. Не сомневайтесь, вас встретят как настоящую царицу...

— Кто? — спросила я.

— Что?

— Кто меня встретит как царицу? Кто из трех принцев настолько безнадежен, что готов взять в жены беглую принцессу? Кому там, за горами, есть дело до земель, что у меня были, и титула, что у меня отняли? Между нами лежат Топи, если вы не забыли. — Я замолчала, и некоторое время в помещении царила зловещая тишина.

Улыбка сползла с лица Атэна.

— Если ты рассчитываешь занять место царицы рядом с Ксэнаром, то можешь забыть об этом, — посоветовал он мрачно. — Тебе никогда не стать его женой.

Задохнувшись от возмущения, я лихорадочно пыталась подобрать достойный ответ.

— Ну это совсем возмутительно, — раздалось от приоткрытой двери.

Я вздрогнула, Атэн подскочил, едва не опрокинув стул. Сэнар стоял на пороге и широко улыбнулся.

— Я вас тут подслушал немного, вы же не против?

Я была не против, предок от возмущения не смог ответить. Не таким уж он был отчаянным, чтобы сыпать ругательствами в адрес брата царя. А приличные слова в предложения, как назло, не собирались.

Угрюмая тишина Сэнара полностью устраивала. Он сам с удовольствием готов был ее заполнить.

— Я вынужден просить вас покинуть этот дом, — сказал Сэнар. — В противном случае мне придется рассказать Ксэнару, что вы пытались лишить Агнэ няни. Сомневаюсь, что его это обрадует...

Мне не верилось, что такая простая угроза сработает. Но она сработала.

Несмотря на всю свою важность, царя Атэн опасался. Даже боялся.

Предок ушел, почти сбежал, попрощавшись со мной зловещим:

— Не стоит питать напрасных надежд.

Когда предок ушел, Сэнар заметил:

— А ведь это неплохая идея.

— Что?

— Женить на тебе моего брата. — Он задумчиво смотрел на меня и выглядел тревожаще серьезным.

— Знаете, это совсем не смешно.

— А я не шучу. — Сэнар предвкушающе улыбнулся. — Ксэнару нужен наследник. Рано или поздно ему придется жениться второй раз. Так почему бы не на тебе?

— Предки будут против, — тактично заметила я, опустив главное: я так точно буду против.

— Их слово уже ничего не значит. Не в этом вопросе. Жена, которую они выбрали для царя, не смогла родить ему сына и умерла. Предки будут молчать.

— Послушайте...

— Нет, ты только представь, — перебил меня Сэнар, — ты станешь царицей. Вернешь утраченный статус. Станешь любимой женой...

— Да ваш брат же каменный! — перебила я эва. — Какой еще любимой женой?

Сэнар за брата обиделся.

— Да, выражать эмоции он не умеет, но это не делает его безнадежным. Думаю, он уже достаточно сильно к тебе привязался, нам не придется даже сильно стараться, тебе просто достаточно вести себя естественно.

— Послушайте...

Он не слушал.

— С тобой, конечно, будет сложнее, но мы тебя в Ксэнара все равно влюбим.

— Я не...

— Скажи мне, Рагда, насколько сильно тебе сейчас симпатичен мой брат?

— Я не хочу замуж! — рявкнула я.

Сэнара это ничуть не смутило. Понимающе улыбаясь, эва скатился до угроз:

— Это пока.

Может, я бы благополучно разрешила себе забыть обо всех случившихся неприятных разговорах, если бы на следующий день Мэсла не рассказала, как к ним на огонек тоже зашел вездесущий предок. Не Атэн, некий Шастэ.

— Советовал отказаться от занятий с царевной, — негромко жаловалась Мэсла на чужую наглость, пока Агнэ увлеченно смешивала в воде краски для скорой работы. Она сидела рядом со мной на низком диванчике и краем глаза следила за своей ученицей. — Говорил... да много чего говорил. Сначала подкупить пытался, обещал помочь с открытием мастерской. Я давно об этом мечтала.

Девушка вздохнула.

— Но честь обучать царевну не может сравниться ни с одной моей мечтой. Когда я отказалась, он начал угрожать.

— И что ты сделала? — спросила я, уже готовая бежать к Ксэнару и жаловаться на предков, которые его работников обижают.

— Я ничего. Ислэ его выгнал, — призналась Мэсла со странной улыбкой. В ней страх мешался с гордостью за смелость брата и удовольствием от того, как уважаемый предок, перескакивая через лужи, улепетывал от их крыльца. Встрепенувшись, она подалась вперед, накрыла мои руки своими и попросила, с надеждой заглядывая в глаза: — Это нагло с моей стороны, но я не могу не молить тебя спасти Ислэ еще раз.

— Чего? — опешила я. Почему-то сразу подумалось, что она меня сейчас попросит с мечом наперевес пойти на какую-нибудь болотную нечисть. Срубить еще парочку голов, это же совсем не сложно!

— То, что сделал мой брат... он очень неуважительно разговаривал с предком, грозил ему мечом и поднял руку. Шастэ имеет право потребовать наказания для Ислэ.

Я выдохнула с облегчением. Еще вчера, возможно, я бы и забеспокоилась, но после разговора с Атэном поняла одну простую вещь: вся эта сомнительная деятельность, попытки избавить дом Ксэнара от не подчиняемых роду девиц — это все ни в коем случае не должно дойти до царя. Иначе предок не сбежал бы так резко, стоило только Сэну вспомнить брата. А раз не должно дойти, значит, и жалобы не будет.

Мэсла поверила не сразу, но мне все же удалось убедить ее, что никаких непоправимых последствий вспышка Ислэ за собой повлечь не должна. Случай с Вастэ являлся наглядной демонстрацией того, что Ксэнар и род находились по разные стороны баррикады в этой затяжной войне за власть.

Успокоив чужие тревоги, я так увлеклась, что напрочь забыла о собственных проблемах.

И совсем не ожидала, что столкнусь с самой главной своей бедой следующим же утром на пороге родной спальни. Когда я открыла дверь, Сэнар стоял с поднятой рукой и

только собирался постучать.

— Э-э-э, доброе утро, — поздоровалась я и попыталась выйти в коридор, эва не позволил мне этого сделать.

Внимательно меня осмотрел, прищурился, будто пытаюсь вспомнить, а не в этой ли рубашке и не в этих ли штанах я была вчера, и спросил, не скрывая своего осуждения:

— Ты на завтрак в этом собираешься спуститься?

Я кивнула.

— Плохой ответ. — Сэн потеснил меня и ступил в комнату. — Где у тебя тут платья?

— Зачем вам мои платья?

— Во мне проснулся интерес к женской одежде, — заявил он нагло. — У тебя куклы были? Любила в них играть? Наряжать, прихорашивать?

— Ну... — сказать о том, что кукол я обычно теряла, не успевая толком с ними поиграть, я не смогла. Сэн, не дожидаясь ответа, зловеще выдал:

— Будешь моей куколкой.

— Я не хочу!

— Передумаешь, — заявил он непреклонно. — Так что, где платья?

— Я буду жаловаться, — беспомощно пригрозила я, но до платьев своих его допустила.

— Неужели Ксэнару? — ехидно спросил он. И я обиделась.

— Ллэт.

Сэнар покосился на меня, прикинул уровень моей дури, вздохнул:

— Что ж, я готов страдать во имя счастья брата.

И углубился в изучение моих нарядов.

Спустя несколько минут и кучу разбросанной одежды он беспомощно посмотрел на меня, комкая в руках тонкую ткань блузы.

— Я только сейчас понял, что не представляю, какие женщины ему нравятся. Как они должны выглядеть? Как должны себя вести? Рагда, что делать?

— Отказаться от этой глупой затеи и жить дальше? — наудачу предположила я.

— Тебе совсем не нравится Ксэнар?

— Вот уж мои чувства тут точно играют последнюю роль. Ваш брат...

— Достаточно сильно к тебе привязался, — перебил меня Сэнар. — Не составит особого труда сделать так, чтобы он тебя полюбил. Поверь, я хорошо его знаю.

— Знаете? — я фыркнула. — Не уверена. По нему и не скажешь, что он к кому-то привязался.

Сэнара мои слова развеселили.

— А ты не заметила, да?

— Что?

— Как сестра простого стражника стала наставницей самой царевны. И все лишь потому, что ты посчитала это хорошей идеей. — Он отбросил в сторону измятую блузу и разрешил: — А знаешь, сегодня можешь идти так, а вечером спросим Ксэнара...

— Я в этом участвовать не буду!

Сэнар посерьезнел.

— Так что же, тебе действительно неприятен мой брат?

Если бы вопрос был задан в его привычной шуточной манере, я бы ни за что не ответила. Но сейчас Сэнар выглядел как эва, для которого очень важно знать правду, и я призналась:

— Ксэнар мне нравится. Я ему за многое благодарна, но... В первый раз, когда меня хотели назвать женой, сделать это хотел человек, убивший моих родителей. Второй раз стать женой я должна была на дне реки, с проклятой нитью бус на шее. Так уж вышло, что замужество у меня накрепко связано со смертью, а я жить хочу.

— Значит, тебе нужен тот, кто сможет уберечь твою жизнь, — сделал совершенно нелогичный вывод Сэнар.

— Вы меня вообще слышали?!

— Слышал. А теперь ты услышь меня. Нам нужна царица, Ксэнару нужна жена, которой он сможет доверять, Агнэ нужна мать... а мне нужна надежная стена, за которой я смогу прятаться от гнева брата. И знаешь что? — Он взял меня за плечи и легко встряхнул. — Это все ты.

— Вы на голову выше меня, какая еще стена?

— Я буду пригибаться, — пообещал он. И предложил довольно привлекательную сделку: — Давай договоримся, я дам тебе три дня, за которые ты должна разобраться в себе и понять, сможешь ли полюбить моего брата. Если ответ будет отрицательным, я оставлю тебя в покое, но прошу, отнесись к моей просьбе серьезно. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась я, про себя ругая Атэна за то, что тот вложил эту мысль в голову Сэнара. Как же хорошо все было до того, как этот неугомонный эва решил, что я неплохая партия для царя... — Но у меня вопрос.

— М-м-м?

— Если мой ответ окажется положительным...

Сэнар заулыбался, сбивая этим меня с мысли. Пришлось начать все сначала.

— Если я соглашусь, неужели подобный союз допустят? Вы говорили, что Ксэнару нужен наследник, но разве может полукровка стать царем?

— Официального запрета нет. И нам давно пора что-то менять.

— В смысле?

— Полукровки не так подвержены нашим слабостям. Начало правления вашего сына станет началом конца власти рода. Подумай об этом.

К просьбе Сэнара я отнеслась ответственно, потому за завтраком выглядела очень задумчивой и озадаченной... достаточно озадаченной, чтобы это заметил даже Ксэнар.

— Что-то случилось? — спросил он, пока его дочь толкала меня ногой под столом и взглядом пыталась задать тот же самый вопрос.

Я пожала плечами и ответила так честно, как только могла:

— Ваш брат случился.

Несмотря даже на то, что я была решительно настроена ответить на все надежды Сэнара отказом, перестать в себе копать у меня не получалось.

По какой-то непонятной причине для меня оказалось очень важным узнать, смогла бы я полюбить Ксэнара или эта затея заведомо обречена на провал.

Сама мысль, что такое могло бы случиться, казалась мне дикой, но по какой-то невероятной причине я не считала это невозможным. Я знала тихую любовь к брату, порой взрывающуюся раздражением, злостью или обидой. Знала болезненную любовь к родителям, всегда очень занятым чем угодно, но только не мной. Знала мимолетную влюбленность, головокружительно быстро закончившуюся разбитым сердцем... Но того, чего от меня хотел Сэнар, я не знала.

Это раздражало. Потому что, сколько бы я ни прислушивалась к себе, ответ найти не могла.

Одним вопросом Сэнар умудрился очень усложнить мою жизнь.

И даже пожаловаться мне было некому.

Жаловаться Сэнару на него же было странно, Агнэ бы вряд ли поняла, Ксэнар тоже едва ли оценил бы такую откровенность и точно меня бы не пожалел. Были еще Ллэт и Нэшар, но с ними особенно доверительных отношений у меня не сложилось.

Так и не придя к какому-то выводу, во время традиционного чаепития, очень позднего и очень тихого, вместо того чтобы слушать Сэнара, я Ксэнарлила сосредоточенным взглядом его брата.

Сэнара это веселило, Ксэнар старался не замечать моего пристального внимания, но в конце концов он не выдержал. В упор посмотрел на меня и, перебив Сэнара на полуслове, спросил:

— Что с тобой происходит?

— М-м-м? — Я задумалась и не сразу сообразила, что это не я на него тарашусь, а мы теперь в гляделки играем. Поспешно отвела глаза и завозилась в кресле. Уточнила: — Что происходит?

— Ты странно себя ведешь, — пояснил он. — Тебя что-то беспокоит. Это из-за визита Атэна?

— А откуда вы... — Я бросила обвиняющий взгляд на Сэнара, но тот мотнул головой, отказываясь принимать на себя вину.

— Ты ведь не думаешь, что в моем доме от меня можно что-то утаить? — чуть заметно улыбнулся Ксэнар.

«Вам в вашем же доме жену ищут, а вы и не знаете», — хотелось сказать мне, но я благоразумно промолчала.

— Он тебе угрожал?

— Мне? — удивилась я. Предок несомненно хотел меня запугать, но не успел. — Не сказала бы. А вот ваш брат ему точно угрожал.

— Значит, тебя беспокоит не Атэн, — правильно все понял царь.

— Меня ничего не беспокоит. — Я беспомощно покосилась на Сэнара, но он равнодушно следил за моими мучениями, не думая даже меня спасти. — Я просто задумалась.

— О чем?

— О разном, — смутилась я. И тут же пошла в атаку, защищая случайно родившуюся тайну: — Вот вы же не рассказываете, о чем думаете.

— Никто не спрашивает.

— А если я спрошу?

— Я отвечу, что сейчас думаю о том, почему ты не хочешь отвечать на мой вопрос.

Сменить тему разговора не удалось...

— Разве это что-то изменит? Ну, если вы узнаете?

— Тогда я смогу тебе помочь.

— Давайте лучше я вам помогу, — предложила я, опасаясь даже представить лицо Ксэнара, признайся я ему, как меня озадачил его брат. — Вы сегодня выглядите как-то по-особенному изможденно.

Он усмехнулся.

— Ты умеешь говорить приятные вещи.

— Простите, но это правда, — с серьезным видом ответила я. — Так что случилось?

На ответ я не надеялась и очень удивилась, когда Ксэнар сказал:

— Род хочет провести ярмарку.

— Ярмарку? — не поняла я.

— Сезон торжищ подходит к концу, скоро купцы из Серебряного города начнут собираться домой. Каждый год, незадолго до их отбытия, мы проводим ярмарку. — Ксэнар нахмурился. — Предки считают, нельзя нарушать традиции из-за недавних нападений.

— А вы?

— Я считаю проведение праздника в такое беспокойное время небезопасным, но мою точку зрения мало кто разделяет.

— Но вы же царь. Разве вы не можете просто отменить ярмарку в этом году?

— Могу, — согласился он.

— Но?

— Но даже мой брат не до конца изжил веру в правоту рода, — ответил за царя Сэнар. Он прискорбно вздохнул. — Как жаль, что некому заверить его в правильности выбранного им решения.

Я на всякий случай решила сделать вид, что не поняла его намека.

— Так что, ярмарка все же состоится?

— Да.

Ответ меня почти не удивил, но первым, что я сказала Нэшару, когда мы с ним столкнулись на следующий день, было провокационное:

— А вы тоже считаете, что нападения нечисти можно проигнорировать и провести ярмарку? Думаете, это правильное решение?

Он не стал спрашивать, откуда мне все известно, но, как мне сразу показалось, от ответа ушел... хотя чуть позже, сидя с Агнэ на занятиях Иви, я запоздало осознала, что это и был ответ.

Просто я не хотела его принимать.

— Если род так говорит.

ГЛАВА XIII. Сердце Тоги

У эва были серьезные проблемы: они безоговорочно верили в правоту тех, кто очень легко мог ошибиться. Сэнар оказался тем еще бунтарем и шел против традиций, прихватив вместе с собой и меня. На поселения напала болотная нечисть, и это рождало в душе такую неукротимую и непонятную бурю эмоций, что о сложном положении эва и опасности, нависшей над Зыбью, я старалась лишний раз не думать...

Все это я считала серьезными проблемами, пока однажды не наткнулась в ванной на едва живого царя. Он сидел на полу, крепко ухватившись одной рукой за край медной раковины, а второй сильно растирая грудь.

— Вот же... — выдохнула я и вместо того, чтобы бежать за помощью, бросилась к Ксэнару. Рухнула рядом с ним, больно ударившись коленями, коснулась напряженного плеча. — Что случилось?

И запоздало заметила, как странный рисунок под его кожей едва заметно светится зеленым. Я уже знала, что так на лунный свет реагирует заключенная в каждом эва сила Топей, но никогда еще не видела, чтобы эта сила реагировала на простой свет светильника.

— Все хорошо, — сдавленно и совсем неубедительно прошептал Ксэнар.

Я закономерно не поверила.

— И что, скажете, у вас это такой ритуал? — спросила нервно и оттого слишком громко, неумело стараясь скрыть дрожь в голосе. — Вы каждый вечер умывальнику поклоняетесь?

— Рагда, — прошептал он, замер, пережидая новый приступ, рвано выдохнул и попросил: — Уйди.

— Не раньше, чем вам полегчает и вы объясните, что происходит, — решительно ответила я. Голос сорвался на вопросе: — Вам же полегчает?

— Откуда ты только взялась такая?

— Вы знаете откуда, сами же меня сюда и привели, — огрызнулась я и тут же жалобно спросила: — Я могу чем-нибудь помочь?

— Можешь уйти и никогда не вспоминать, что видела меня таким, — проговорил он на одном дыхании и закашлялся. Несколько прядей выбилось из косы и прилипло к бледному лбу. Ксэнар выглядел беспомощным и больным.

Это было страшно.

— Не брошу я вас в таком состоянии!

Он тихо фыркнул и попросил, старательно глядя прямо перед собой и быстро моргая:

— Тогда помоги мне встать.

Я помогла, у нас даже почти получилось, но в самый ответственный момент Ксэнар не смог устоять на ногах, и мы рухнули обратно на жесткий и холодный пол. Он навалился на меня, вжимаясь лбом в плечо, и ненадолго так застыл, переводя дыхание.

Я не мешала, с ужасом прислушиваясь к поверхностному хриплому дыханию и рассеянно поглаживая его по спине. Мышцы под моей ладонью дрожали от напряжения.

После этой короткой передышки Ксэнар отстранился, и лишь тогда я увидела, как на его груди сквозь рубаху пробивается слабый зеленый свет.

Свет вспыхивал и гас, вторя судорожному стуку сердца.

— Вы... это что? — Я схватила его за руку, не позволив скрыть под ладонью странное мерцание. Зачем-то потянула на себя, боясь, что он сейчас упадет. Словно царь в это

мгновение был достаточно хрупким, чтобы разбиться.

— Ничего.

— И это ничего мигает как ошалелое.

— Рагда. — В это мгновение в глазах Ксэнара отражалась вся сила Топи, но я этого не видела. Я потянула завязки на его рубахе, плохо понимая, что вообще творю. Ворот разошелся, и... я вспомнила все ругательства, которые слышала хотя бы раз в жизни. Вспомнила и озвучила.

В груди Ксэнара, крепко вцепившись в плоть, засел камень. Размером чуть меньше моего кулачка, не огранный, прозрачный, он вспыхивал зеленым тусклым светом, и от него под кожей вились тонкие светящиеся нити.

— Надо позвать Ллэт, — хрипло сказала я, боясь отпустить царя, замороженно следя за тем, как вспыхивает и гаснет камень в его груди. Потом сообразила, что совсем не представляю, где именно сейчас находится целительница, и исправилась: — Позову Сэнара, а он позовет Ллэт!

— Нет! — отрубил Ксэнар с силой, которой в нем сейчас не должно было быть.

— У вас в груди камень, и он светится! — психанула я.

— Я заметил.

— И я никому не должна об этом говорить?

— Да.

Я вздохнула. Мне не хотелось хранить еще одну тайну. По ощущениям я и так хранила больше, чем могла.

И все равно спросила:

— Что происходит?

— Топи встревожены.

Сначала мне показалось, что я ослышалась. Потом — что Ксэнар пошутил... Но со слухом у меня все было в полном порядке, а у царя был слишком серьезный вид.

Я нервно хохотнула:

— Вы так говорите, будто они живые.

Он пожал плечами, не желая объяснять мне то, что каждому эва было известно с рождения: Топи живы и в любое мгновение из опасного защитника они могут превратиться в смертельного врага.

Дотащить Ксэнара до его спальни мне удалось без потерь. Мы даже ни разу не упали в коридоре... не то чтобы он не пытался, но я оказалась куда устойчивей, чем думала.

Царская комната была неуловимо похожа на мою. Только здесь стол стоял у дальней стены и был завален какими-то бумагами и книгами.

Уронив свою ношу на разобранную постель, я недолго постояла, наблюдая, как жутко зеленеет лицо Ксэнара в отсветах камня... и вместо того, чтобы уйти, подтащила к кровати стул и села, чего-то ожидая.

Ксэнар лежал как мертвый, и успокаивало меня лишь мерцание камня, обещавшего, что сердце еще бьется, а значит, жизнь еще не покинула его тело.

Но через какое-то время зеленый свет потух.

Это напугало меня даже больше, чем вид беспомощного Ксэнара на полу в ванной. Я бросилась к нему, начала тормошить за плечо, звать по имени, вспомнила те

ругательства, которых, казалось, раньше и не слышала ни разу.

Ни в чем себе не отказывая, ударились в неконтролируемую панику на несколько изматывающих мгновений. И лишь почувствовав, как подступает истерика, желая всеми силами ее заглушить, я догадалась проверить, бьется ли его сердце.

Сердце билось. Просто камню надоело мне об этом сообщать.

— Пусть бы в пекло провалились все эти Топи, — не своим голосом сказала я, дрожащей рукой зачем-то погладив притихший камень.

Я знала, что мне надо вернуться в свою спальню и лечь спать, и знала, что я этого не сделаю. А еще я знала, что свихнусь, если продолжу сидеть на стуле и гадать, не остановилось ли еще сердце царя.

Потому стащила мятый плед, лежавший в изножье кровати, и устроилась на полу рядом с Ксэнаром, чтобы ощущать под пальцами биение его жизни.

Так и уснула.

А проснулась уже в своей постели, в знакомом коконе из одеяла, с накрепко закрытым окном.

— Хотя бы знаю теперь, кто надо мной так издевается, — попыталась я быть оптимистичной.

Все портили необходимость выпутываться из кокона и мое непонимание того, что случилось ночью.

Я надеялась вызнать у Ксэнара, что происходит, допросить, если придется. Готова была даже до шантажа опуститься, лишь бы понять, что с ним творится. Меня не смогло остановить даже понимание, что это не мое дело.

Потому что это было мое дело. Это я за него ночью боялась, и я тащила его деревянное тело в спальню, чтобы поутру на него кто-нибудь не наткнулся...

За завтраком все пыталась поймать взгляд царя, но он был рассеян, задумчив и меня демонстративно не замечал. Делал вид, что ничего не случилось и он не пугал меня своим полудохлым видом.

А после завтрака, не дав мне себя поймать, Ксэнар куда-то ушел вместе с Нэшаром, оставив мне на откуп своего брата.

Пришлось брать что дают.

— Можно вас на минуточку? — спросила я у Сэнара, нагнав его уже на лестнице. Царевна, шедшая следом за мной, тоже остановилась, решив, что наш разговор будет интереснее того, что ждет ее в учебной комнате. Меня присутствие девочки стесняло. То, что я хотела сказать ее дяде, ей самой слышать было не нужно. — Агнэ, ты иди, господин Иви уже, наверное, ждет нас. И я надолго не задержусь.

Царевне пришлось нас покинуть.

— Строга, — с издевкой протянул Сэнар.

Я не стала отвлекаться на его веселость. Стоило Агнэ скрыться на этаже, я выпалила:

— Простите, но вашего брата я любить не буду.

Эва не ожидал такого категоричного заявления, да еще так скоро. Спросил растерянно:

— Что Ксэнар натворил? А главное, когда успел?

На его вопрос я не ответила, увлеченно подбирая слова для своих тревог и сомнений.

— Потому что вот если я его все-таки полюблю, а он возьмет и умрет...

— Ксэнар не умрет. Не такой уж он и старый, жить ему еще долго, — попытался посмеяться над моими страхами Сэнар, но оборвал себя на полуслове, нахмурился и осторожно спросил: — Что случилось, Рагда? Что ты знаешь?

Я обещала, никому не рассказывать о том, что ночью произошло, дала слово... Но Сэнар же его брат, семья, а я знала, как страшно терять родных.

— Рагда, что случилось? — требовательно повторил он. Мой угрюмый вид Сэнара напугал.

После недолгих сомнений я малодушно решила, что такие серьезные тайны лучше хранить вдвоем, и все рассказала.

И Ксэнара в нетерпении мы ждали уже вместе.

Я опасалась царского гнева, но чувствовала облегчение оттого, что теперь не одна вынуждена была за него бояться.

Домой Ксэнар вернулся поздно и встречен был совсем не приветливо.

На улице уже стемнело, и источником света нам служил разожженный в камине огонь. На столике вместо привычного чайного набора стояло две бутылки. В одной таилось совсем уж что-то огнеопасное, во второй — вино.

Вторую бутылку Сэнар принес после того, как я чуть не задохнулась, отпив из первой.

Атмосфера в помещении царила соответствующая случаю — гнетущая.

— Когда ты собирался сказать мне, что Сердце пробудилось? — мрачно спросил Сэнар, когда его брат только показался в зале второго этажа.

Ксэнар не удивился. Он с осуждением посмотрел на меня.

— Я же просил.

— У вас в груди камень, а это ваш брат, — выдала я что-то бессвязное, не успевшее собраться в понятное объяснение. И жалобно добавила: — Простите.

— Не злись на девочку, она сделала то, что должен был сделать ты, — вступился за меня Сэнар. — Когда Сердце пробудилось впервые?

Мне было интересно, что происходит, но Сэн не хотел мне ничего рассказывать, переложив всю ответственность по моему просвещению на плечи своего брата. Потому сидела я ничего не понимающая, крайне заинтересованная, но тихая. Подгадывала момент, когда царя можно будет атаковать вопросами.

— Этой ночью, — послушно ответил Ксэнар, не отводя от меня укоризненного взгляда. Я потупилась и заерзала в кресле. — Нэшар уже отправил сов, они все проверят.

— Стало быть, Нэш знает.

— Он пастух, — напомнил царь.

И ушел, оставив меня с моими вопросами и подозрениями.

Сэнар молча наполнил бокал до краев огнеопасной жидкостью и выпил, ни разу даже не поморщившись.

Глядя на это, я скривилась, все еще ощущая на языке обжигающую горечь.

— Ну и гадость.

— И не говори, — рассеянно согласился Сэн.

Чаепитие этой ночью не предвиделось, и я довольно скоро сбежала в комнату. Решила лечь пораньше, но уснуть не могла. Непокойно было. Неопределенно и тревожно.

Пару раз я выглядывала в коридор, просто чтобы убедиться, что Ксэнар не лежит где-нибудь там, в темноте. Один раз даже в ванную сходила, но там было тихо и пусто. Никаких царей.

— В конце концов, он уже взрослый, — пыталась я себя успокоить, — сам знает, что для него лучше.

Закрывает дверь в ванную и решительно направилась в спальню.

Не свою.

Потому что он, может, и взрослый, но заботиться о себе точно не умеет.

Я долго топталась под дверью, набираясь смелости, и в конце концов постучала, о чем сразу же пожалела.

Раньше, чем я успела струсить и сбежать, Ксэнар открыл.

— Что-то случилось? — спросил он, озадаченно оглядев меня, вытянувшуюся перед ним по струнке.

— У меня? Нет. А у вас? Чувствуете себя хорошо?

Сначала он не понял, о чем я, а когда понял, обиделся.

— Все в порядке.

— Уверены? — на всякий случай спросила я. — Камешек не беспокоит? Не испытываете желания упасть в обморок?

Я чувствовала себя неловко, из-за чего говорила совсем не то, что хотела, отчего мое искреннее беспокойство выглядело как издевательство.

— Это был не обморок, — оскорбился Ксэнар.

— И вы не валялись вчера на полу в уборной.

— Рагда!

Я виновато вжала голову в плечи.

— Простите, просто... с вами точно все хорошо?

Он кивнул.

— И вы не обманываете меня сейчас, чтобы я поскорее ушла?

Я хорошо помнила, как жутко мне было, когда я его увидела. Ксэнар был похож на труп, и я до истерики боялась, что он действительно умрет.

— Рагда, я очень ценю твою заботу, — сдержанно соврал Ксэнар, — но все под контролем, и тебе не о чем беспокоиться. Иди спать.

— Я не беспокоюсь. — У меня был выбор: промолчать и сделать так, как он просит, то есть пойти спать, или признаться. Я выбрала второе. — Я испугалась. За вас.

Ксэнар тяжело вздохнул. Он не представлял, что делать с впечатлительными барышнями. Подозреваю, в обычное время заботы подобного толка ложились на плечи Сэнара, но в этот раз царь не мог спихнуть все на брата.

— Вы же не планируете в ближайшее время умирать? — пылливо спросила я. Это был не последний вопрос, который мне бы хотелось ему задать, но самый важный.

Он сдался. Отступил, освобождая мне проход, и велел:

— Зайди.

Я вошла. Зажмурилась, когда неожиданно вспыхнул свет. Потом мне предложили

присесть, я согласилась и, полуслепая, добралась до стула.

Ксэнар шел следом за мной и, когда я села, опустился рядом на колени.

Неладное я заподозрила, когда он зачем-то накрыл мои руки своими.

— Меня ждет серьезный разговор, да? Ругать будете?

— Не стану скрывать, меня огорчило то, что ты рассказала все Сэнару. Сейчас слишком рано.

— Для чего рано?

— Для беспокойства. Мы не знаем, почему Сердце Топи ожило. Это может быть плохой знак или начало нового цикла. Если это перерождение Топи, ничего страшнее моих приступов Зыбь не ждет.

— А если нет?

Ксэнар помрачнел.

— Не думай об этом.

— Ладно. — Я не возражала. Еще моя няня говорила: если не думать о беде, она тебя не заметит и пройдет стороной. Несмотря на все, что со мной уже успело произойти, я до сих пор верила ее словам. Да и было кое-что другое, важнее возможных проблем. — Так, значит, камень у вас в груди — Сердце Топи.

Когда Арис говорил о Сердце Топи, я представляла что-то красивое и мощное. Возможно, какой-нибудь сильный артефакт, запертый в самой надежной сокровищнице. В моем представлении это было какое-то украшение. Скипетр, корона, кольцо... да что угодно.

Действительность оказалась страшной, тусклой и неожиданной.

— Да.

— И что он там делает? — Я указала взглядом на его грудь.

— Позволяет мне жить.

Это меняло все. План Ариса оказался провальным. Я не могла добыть для него Сердце Топи, потому что забрать сердце у Ксэнара значило убить его. А на это я не могла пойти даже ради мести. Даже ради того, чтобы увидеть, как Пламенеющий сгорит в собственном огне.

Я никогда не смогу вернуться домой...

И мысль эта, болезненная и горькая, подарила мне облегчение. В будущем меня не ждал сложный выбор, потому что выбора не было. Мне не нужно было предавать эва. Я не могла их предать.

Голова стала легкая, во всем теле появилась невероятная невесомость. И только сердце сжимали стальные тиски. Словно это в моей груди засел камень и давит на внутренности крепкими краями.

Мне хотелось плакать и смеяться, но я давила эти желания.

— Но как... как вышло, что у вас теперь... — голос дрожал, выдавая мою нервозность. — вот это в груди.

Ксэнар крепче сжал мои руки, желая как-то поддержать.

— Трагическая случайность. — Он повел плечами. — Я был совсем ребенком и мало что помню. Если верить Сэнару, чего я бы делать, конечно, не стал, брат любит дополнять правду выдуманными деталями... Но если все же предположить, что его версия правдива, мое сердце чуть не вырвала из груди Болотная Живица. Мы тайком ото всех, нарушив все запреты, отправились исследовать Топи, и это едва не стоило мне жизни.

Нас нашли раньше, чем я лишился сердца, но в поселение меня вернули уже мертвым.

Я сидела, слушала и бледнела, представляя, какой ужас тогда, должно быть, пережили его родители. О маленьком Сэнаре, видевшем смерть брата, я старалась не думать вовсе. Боялась разрыдаться.

Прочистив горло, я спросила:

— И этот камень вернул вас к жизни?

— Как видишь.

Я видела. И понимала, что маг никогда не получит Сердце Топи и никогда не узнает, почему наша договоренность была расторгнута.

Еще я понимала, что нужно было уничтожить амулет Ариса, чтобы полностью обезопасить царя.

Я могла это сделать, должна была, но шло время, а я медлила. Что-то останавливало меня, чужая воля опускала мою руку, стоило только пальцам коснуться цепочки.

Я злилась на себя из-за этого, но пересилить странное убеждение, что амулет мне жизненно необходим, не могла.

Помогла смешная случайность... хотя в тот момент смешной ее я, конечно же, не считала.

ГЛАВА XIV. Ярмарка

Что-то плохое пришло с юга.

Солнце незаметно, но быстро затянуло тучами, по земле, расстилаясь мутным ковром, тянулись влажные щупальца тумана, а воздух стал холодным и колючим, заставляющим ежиться и невольно оглядываться.

— Это что такое? — пробормотала я, медленно поднявшись со скамьи, на которой сидела, прячась в тени дома от солнца, пока Ашша стояла посреди двора, запрокинув голову к небу, и жмурясь от удовольствия, принимала солнечные ванны.

— Нужно предупредить Ксэнара, — пожившись, змеевица убежала в дом. Никаких объяснений, снисходительных улыбок и заявлений, что это в порядке вещей и так часто бывает.

Происходило что-то нехорошее.

Я не знала — что, но видела, как несколько человек, которых непогода застала на улице, поспешили прочь, невольно втягивая головы в плечи и ускоряя шаг, а оборотни, большие и хмурые, наоборот, стекались во двор жожака, в ожидании его слова.

Вжавшись в белую стену, я постаралась стать как можно незаметнее. Предчувствие серьезных неприятностей не отпускало, интуиция требовала бежать в дом и прятаться, но я ее не слушала и стояла на месте, жадно разглядывая сосредоточенные лица оборотней.

Первым на порог вышел Берн, и его озадачили гневными требованиями позвать жожака.

— Ведьмы совсем страх потеряли! — зло прогудели в толпе.

— Тихо! — раскатистый рык Берна оборвал недовольный гул голосов, во дворе воцарилась тяжелая тишина, и именно в этот момент дверь открылась, выпуская Ксэнара.

Жожек вышел.

Я ждала вдохновительного монолога, каких-нибудь слов, объясняющих, что происходит, хотя бы один маленький намек. Но нет, Ксэнар молча спустился с крыльца, глядя куда-то вперед, сквозь оборотней, и те расступались, пропуская его.

Молча и поразительно слаженно они покинули двор, следуя за Ксэнаром, туда, где стена не возвышалась неприступной защитой, а состояла из не таких уж и крепких, если подумать, бревен, отделявших территорию деревни от остальной земли. Я, идя на поводу у своего любопытства, поспешила за ними, понимая, что мое присутствие никого не обрадует и потому чуть подотстала, чтобы оказаться не замеченной раньше времени.

Когда я только начинала здесь обживать, то Сэнарвно полагала, что стена защищает оборотней лишь с трех сторон, в то время как четвертую они халатно оставили под защитой своей праматери. Многим позже до меня дошло, что все несколько сложнее, чем мне казалось сначала.

Они просто не ждали нападения с тыла. По южной дороге к ним прибывали только странные люди в темных одеждах, да посыльные соседних князей, периодически прибывавшие с какими-то бумагами и опасливым любопытством. Стоит ли еще пограничная деревня, не померли ли все оборотни, не вырвалось ли жуткое, но не имеющее определенного облика зло?

О том, как выглядят выходцы эти лощеные, вызывающие безотчетную брезгливость, самодовольные люди знали прискорбно мало. В соседних княжествах о выходцах рассказывали страшные сказки, в которых от правды остались лишь общие факты, да назидательный страх перед сильным врагом.

Деревня закупоривала единственный проход в мир, скрепляя сходящиеся у ее границ скалы, кругом охватывающие долину и упирающиеся в каменную стену, являющуюся

искусственным заслоном для выходцев.

О том, что враг может прийти не только из другого мира, я раньше как-то не задумывалась. Как выяснилось, очень зря.

Ворота уже были приоткрыты.

Неясная, но набирающая силу тревога погнала меня ближе, чтобы выглянуть из-за могучих спин и хотя бы попробовать разглядеть врага.

Пока оборотни оценивали густоту выползающего из леса тумана, я прокралась следом и, вытягивая шею, опасно разглядывала темные провалы между застывшими, словно помертвевшими деревьями.

— Рагда! — стоило только начать вглядываться в лес, пытаюсь понять, правда ли там что-то есть, или это воображение играет со мной злую шутку, заставляя видеть то, чего нет, как меня заметили. — Почему ты здесь?

Ксэнар был зол, Берн мрачен, остальные оборотни просто не рады меня видеть.

— Посмотреть... пришла, — робко пробормотала я, чувствуя себя очень неуютно под тяжелыми взглядами. Лучше бы они все отвернулись и опять туман разглядывали.

— Ее не клеймили, — тихо заметил Берн. Очень хорошее, а главное своевременное замечание. Мне тут и так страшно, а он о клеймении говорит. За что меня клеймить? Я же ничего настолько ужасного еще не сделала. К чему такие суровые меры?

— В деревне четверо не клейменных, — озабоченно поддакнул парень, которого за все время пребывания здесь я видела лишь один раз. Тогда в лесу, в мой самый первый день в этом мире.

— Собери их и запри где-нибудь, — бросил Ксэнар, вдохновенно добавив, — а лучше свяжи.

Затейник, блин.

— Не нужно меня связывать!

— Пойдем, — меня аккуратно взяли за плечи, увлекая прочь от ворот, — Рагда, верно?

— Да.

— Я А́лис.

Я, как исключительно невоспитанная особа, ничего на это не ответила, продолжая оглядываться, выворачивая шею. Ксэнар вернулся к делам насущным и, тихо переговариваясь с Берном, напряженно вглядывался в лес.

— Мне показалось, там что-то есть, — доверительно шепнула я А́лису, когда мы прошли первые дома, находившиеся сразу за стеной, — в лесу.

— Не показалось, — угрюмо отозвался он, — они уже пять лет не появлялись, многие начали надеяться, что после смерти Андрес гадины успокоятся.

— Кто они?

На улицах было совершенно безлюдно, только туман стелился по земле, да бледно светились защитные символы, выжженные на калитках. Где-то там, за высокими заборами, на дверных косяках мягко горели такие же знаки. Люди и нелюди в этой деревне очень ответственно относились к своей безопасности.

— Ведьмы.

Стоило мне только свыкнуться с мыслью, что я теперь живу в ненормальном мире, как этот мир становился еще более сумасшедшим. Ведьм мне только для полного счастья и не хватало.

— Они считают, что всякое убийство выходца — непростительное преступление, что мы должны впустить их в наш мир и позволить править нами.

Огорошив такими новостями, А́лис затащил меня в подвал дома Ксэнара, который, как он утверждал, охраняется лучше всего, и убежал за другими неклеяменными неудачниками, которым предстояло неизвестно сколько времени просидеть в темноте и сырости, пока наверху творится какая-то опасная непонятность.

Минут через двадцать одиночество мое скрашивало уже четыре несчастные, очень впечатлительные морды. Все молодые и нервничающие, они заставляли меня сожалеть о том, что я тут сижу не в гордом одиночестве.

Одной было как-то спокойнее.

Две девушки забились в угол и испуганно жались друг к другу, вздрагивая от каждого шороха. А шорохов здесь было много, и тряслись они не переставая. Парни, считая, что им статус не позволяет дрожать по углам, бродили по подвалу, то появляясь в неверном свете единственного горящего светильника, то вновь скрываясь в полумраке. Меня эти их брожения очень бесили, но я молчала, предпочитая, сидя под дверью, притворяться ветошью и ждать, когда опасность пройдет, и нас отсюда выпустят. А́лис запер дверь, стоило только последнему неклеяменному сюда спуститься.

Угрожающий волчий вой просочился сквозь камень, пройдясь по нервам электрическим разрядом.

Я дернулась, резко открыв глаза. Один из парней застыл, нервно посмотрев на стену, из-за которой, если верить ощущениям, раздался этот вой. Обе девушки и второй парень так и продолжали бояться, всем своим видом давая понять, что они ничего не слышали.

Хотелось бы мне спросить какого черта здесь происходит и что это было, но одна из девушек, та что полнее и пугливее, очень не вовремя завизжала, ударилась затылком о стену и, оттолкнув от себя подругу по несчастью, закрыла лицо ладонями.

Брюнетка шарахнулась в сторону, налетела на стеллаж, оцарапала плечо, но даже не заметила этого, круглыми, полными ужаса глазами глядя на забившуюся в припадке девушку.

Парни как по команде отшатнулись назад, подальше от нее.

А девушка, не прекращая орать, билась головой об стену, изредка страшно подвывая.

— Прекратите это, прекратите!

Я не знала, почему никто не пытается ей помочь, но не могла на это смотреть. Непонятное, невозможное зрелище нагоняло противоестественную жуть. Я не меньше визжащей хотела, чтобы это прекратилось.

— Стой! С ума сошла? — парень, что не слышал воя, попытался преградить мне дорогу, когда я бесстрашно и бездумно ломанулась к девушке, но, наткнувшись на злой взгляд, поспешно отошел в сторону, мстительно пообещав. — И тебе достанется, дура.

— Прекратите! — девушка опять попыталась удариться головой об стену, я лишь чудом успела подставить ладонь, в стремлении защитить ее дурную голову от встречи с каменной стеной, и сразу же об этом пожалела. По ощущениям, голова у девушки была чугунной, и моя рука очень отчетливо прочувствовала как ее тяжесть, так и холодную шероховатость стены.

— Уййй...

— Пусть это прекратится, — простонала она, когда я, перехватив ее руки и стараясь не обращать внимание на неприятную боль в отбитой ладони, с трудом отняла их от бледного лица.

— Что прекратится?

Девушка плакала, тихо хныкая как ребенок, и не хотела понятно отвечать на мои

вопросы, повторяя что-то про зов и голоса в голове.

Пока я воевала с одной ненормальной, пытаюсь добиться от нее адекватных объяснений, чудить начал парень, попытавшийся меня остановить. Неестественно выпрямившись и прекратив жаться к противоположной стене, он удивительно спокойно, я бы даже сказала равнодушно, осмотрел подвал, нашел взглядом выход, и целеустремленно пошел к нему. Его попытался остановить второй парень, но отлетел к стене, от одного легкого толчка, сбил полку и упал на пол, погребенный под свалившимися Ксэнарху банками с закруткой.

Остановить одержимого, а именно на одержимого тот и походил, больше было некому.

Хотя, конечно, была еще запертая дверь и, по идее, она лучше любого из нас должно было его остановить.

Девушка замолчала, прекратила плакать и тихонечко вздохнув, завалилась набок, безвольной куклой обмякнув в моих руках.

Пока я укладывала ее на полу, заторможено отмечая ровное дыхание и расслабленное выражение спокойного лица, раздался страшный треск за спиной.

Дверь больше не была заперта, а одержимый, не оборачиваясь, покинул нас.

— Что ж за день-то сегодня такой? — простонала я.

Как человеку, которому больше всех надо, мне казалось, что нужно пойти и приглядеть за ним, чтобы этот несчастный ничего не натворил и не успел покалечиться, пока Ксэнар не разберется с лесной напастью и не вернет парня в сознание.

— Присмотри за ней, — велела я, жавшейся к стене брюнетке, вяло удивившись властным ноткам, проскользнувшем в недодрожащем голосе, и поспешила за одержимым, почти не обратив внимания на тихие ругательства из-под свалившейся полки.

Туман укрывал от взгляда дома, скрадывал звуки и разжигал внутри беспокойное чувство беспомощности. Я боялась потерять из виду свою цель, но мне повезло, или, быть может, повезло ему: выбравшись из дома, я успела заметить темный силуэт раньше, чем он окончательно потерялся в молочной белизне.

Было страшно, было одиноко и впервые за все время моего пребывания здесь я хотела оказаться рядом со Ксэнаром или хотя бы Берном.

И парень планировал в ближайшее же время организовать мне с ними встречу.

Шли мы в сторону южной стены.

А там, не оберегая мои истрепанные нервы, творилось нечто странное.

Ворота были заперты, вырезанные на них символы тускло горели красным. Тем самым, жарким, страшным красным цветом, каким в Стеречень светились глаза волчицы.

Я замешкалась, на мгновение увязнув в воспоминаниях. Жалобное мычание бычка, сосредоточенное, страшное лицо Ксэнара, мерные глухие удары и черная при свете костров кровь, брызнувшая на голодный камень.

Тогда я не особо задумывалась об этом, но сейчас, в этом липком тумане, глядя на открываемые ворота, мне почему-то подумалось, что кровь-то тогда очень быстро перестала блестеть, словно засохла и впиталась в камень.

Парень поднатужился, ворота с тихим стоном поддались и открылись шире.

Я вскользь, будто случайно, заметила в его руке топор. Обычный, ничем не примечательный топор, которым рубят дрова.

Где он его взял? Когда? Зачем? Я не знала, но была уверена, что ничего хорошего он этим топором не сделает.

Ворота, словно сопротивляясь, неохотно уступали каждый сантиметр, но открывшись на

полметра, в них словно что-то сломалось, сухо хрустнуло и створки сами, после одного слабого толчка, разошлись в стороны, приветливо распахнулись, открыв моим глазам жуткую картину.

Туман этот был неправильным, теперь в этом не было сомнения.

На поляне, что отделила деревню от леса по восточной стороне, происходило самое настоящее побоище, а в деревне, там, где стояла я, не было слышно ни шороха.

Оборотни в своем околочеловеческом виде, с оружием в мохнатых недолапах, бились с тощими, одетыми в черные мешкообразные тряпки, девицами. Бледная кожа, черные волосы, черные глаза, худые, иссушенные лица, тонкие руки в прорезях безразмерных балахонов, белые ноги с черными, птичьими когтями.

Завороженная, я несколько тягучих секунд смотрела на то, как огромный и сильный дядька с оскаленной волчьей мордой на могучих мохнатых плечах пытался пробить воздух, чтобы дотянуться до застывшей на месте девицы.

Ведьмы в этом мире выглядели отталкивающе и страшно.

Одержимый медленно и уверенно поднял топор, метя в один из символов, тлевших на крепком дереве ворот.

И я, наконец-то, отмерла, бросилась вперед, не задумываясь, что делаю, подхватила увесистый булыжник, словно специально для меня лежавший на дороге и, не замедляя бег, с размаху, врезала камнем прямо по темноволосой голове.

Топор выпал из ослабевшей руки, и парень осел на землю, очень медленно, я бы даже сказала, удивленно, словно он и подумать не мог, что такое возможно. Или не он, а кто-то другой, кто-то управлявший им.

На камне остался небольшой, красный след, и я могла лишь надеяться, что не проломила бедолаге череп, а всего лишь немного содрала кожу. Или даже много, судя по красной, небольшой, но не вселяющей доверия лужице, растекающейся под его головой.

Низкий волчий рык прошелся дрожью по моим несчастным натянутым нервам.

Одна из ведьм с жуткой застывшей гримасой безумной ярости бросилась ко мне, но была перехвачена на подлете огромным белым волчарой.

Подобрав с земли топор, я прижала его к груди и как дура замерла на месте, с ужасом глядя на то, как наша надежда и отрада, сильный зверь, волчий князь справился с потерявшей концентрацию, злой ведьмой.

Ухватив ее за развевающиеся тряпки, он голыми руками, бросив своей боевой топор вогнанным в грудь одной из ведьм недалеко позади, оторвал ей голову.

На этот раз огня нигде не было, и показаться мне никак не могло. Кровь у этой гадины точно была черной, блестящей и тягучей как мазут.

Предельно озверевший Ксэнар бросил тело поверженной ведьмы и, не глядя в мою сторону, требовательно рыкнул:

— Закрой ворота.

Я мелко закивала, таращась в спину оборотню. Пока он возвращался к своему топору, пока вырывал оружие из быстро задеревеневшего тела, я преданно смотрела ему вслед и отмерла лишь поймав требовательный взгляд желтых глаз.

Не выпуская откровенно ненужный, мешающий топор из рук, я засуетилась, намеренная выполнить указание вожака во что бы то ни стало.

Туман лип к ногам, тянул тяжелые створки назад, будто стремясь удержать ворота открытыми.

Тихонечко скуля от страха, вздрагивая от каждого звериного взвизга или злого рычания,

я толкала правую створку, стараясь не думать о том, что ведьмы не издают звуков и вполне возможно, одна из них уже стоит у меня за спиной.

Наверное, именно благодаря тому, что усердно накручивая себя, я была почти готова ко всему, не растерялась, когда холодная крепкая рука вцепилась в мое плечо, а быстро, с размаху, отмахнулась топором.

Остро заточенная сталь беззвучно врезалась во что-то и отскочила. Руку заломило, но свое единственное оружие я даже не думала выпускать, просто до крика было страшно разжать пальцы.

Возможно, нанести вреда я не смогла, но отпора от меня не ждали и чуть ослабили хватку, чем я и воспользовалась. Вырвавшись из холодного захвата, вжалась в дерево ворот и встретила взглядом с черными, неживыми глазами.

Ощущение, что кто-то деликатно стучится в мое сознание, появилось почти сразу. Ведьма недоумевающе нахмурилась, а в мой мозг начали просто нагло ломиться.

В висках сильно бился пульс, мозг будто ложкой мешали, путая мысли, и я уже плохо понимала, что происходит.

Ведьма подалась ближе, легко опустив руки мне на плечи и обдав холодным, пахнущим сырой землей дыханием лицо, мешать мой мозг стали интенсивнее. И очень зря.

Я за свои действия уже не отвечала и сама сильно удивилась, когда лезвие топора основательно вошло в черноволосую голову. Сбоку, чуть выше уха, слегка под углом. Не подозревая в себе такой силы, я легко, без напряжения, вогнала лезвие в ведьмовской череп.

Черноглазое чудище, не выдержав такой наглости, с обиженным вздохом выпустило меня из рук и упало на землю. Если у нее и был какой-то волшебный щит, то он не сработал.

Побежденный враг лежал у ног, а мне было совсем не радостно. В голове все еще была бессмысленная каша, плечо, в которое вцепилась эта дрянь, болело как от ожога, и ноги подкашивались. А малахит в колечке тускло светился. Опять.

Я уже была не в состоянии закрыть ворота, я даже стоять больше не могла. Зато могла сидеть, подпирая спиной полузакрытую створку ворот, что и делала, пока оборотни добивали ведьм.

Среди тощих, бледных, разбросанных по поляне тел лежало два мужских. Переломанные, вывернутые под невыносимыми углами, они поражали воображение своей неправильностью. Жестокость убийства пугала.

Не сразу до меня дошло, что полную картину я могу разглядеть потому, что туман сошел. Он исчез вместе со спешно бегущими ведьмами.

Я не совсем понимала, почему они не попытались прорваться в деревню, хотя ворота были открыты, и сторожила их только полностью обессиленная девица с неменяемым взглядом.

Многим позже, напоенная чаем с вареньем, я узнала от обеспокоенно поглядывавшей на меня Ашши, что ведьмы неплохо умеют подчинять своей воле, но преодолеть защиту самой волчицы не в состоянии.

— Если бы он нарушил плетение, — передернув плечами, тихо призналась змеевица, — они осквернили бы эти земли, и мы не смогли бы здесь больше жить. К счастью, ты не позволила этого сделать, ворота остались целы, и контур не размокнул.

Я видела, что случилось с поляной, на которой происходило сражение. Мертвая, серая земля и болезненная обреченность почерневшей травы. Оборотни вбили по периметру проклятой земли деревянных стражей, чтобы зараза не перекинулась на деревню, а на саму поляну было строжайше запрещено ходить, пока она не очистится.

Йола обещала сделать все возможное и уничтожить зло за ближайшие семь лет.

Но это я узнала уже вечером, а сидя у поляны, дезориентированная и жалкая, просто радовалась, что все закончилось.

Радовалась, правда, недолго. Обратни постепенно возвращали себе человеческий вид и вместо того, чтобы заниматься телами ведьм, собрались вокруг меня.

— Убила, — прогудел кто-то.

— Этому топору дрова больше не рубить, — поддакнули из толпы. В голосе говорившего слышалась злая веселость.

— Без защиты справилась, — напомнили весельчаку.

— Так нечисть же, — важно проговорил невысокий, крепкий и какой-то тумбочкообразный бородатый мужик, стоявший в первом ряду. Его я хорошо видела, ему и достался мой ошалелый взгляд.

Мужика это почему-то не обрадовало. Он отшатнулся назад, ухватившись за висевший на шее оберег — кабанья морда, вырезанная из дуба, на кожаном шнурке.

— Ты, девка, глазить не думай, ни к чему это, — предупредил он.

— У вас работы нет? — глухой и усталый голос вожака подействовал на оборотней отрезвляюще.

Хотя, быть может, всему виной был резко начавшийся дождь. Даже не дождь, ливень, в одно мгновение намочивший всех. Включая Ксэнара, за шкуру поднявшего меня на ноги.

С трудом удерживая себя в вертикальном положении, я тряслась, вжав голову в плечи и вздрагивая от больших, холодных капель, безжалостно барабанивших по голове и плечам.

— Хорошо ты ее, — одобрил Ксэнар, оценивающе оглядев лежащее у наших ног тело, — молодец.

Вода ручьями текла по его лицу, по плечам, по разодранной рубахе и красным полосам от когтей на груди. По пальцам, из прокушенного запястья, капала разбавленная водой розовая кровь. На шее краснел след от пальцев, и выглядел вожак изрядно потрепанным и грязным, но полным сил и очень довольным.

А я была совсем целой (ни царапинки, только плечо все так же болело), но совершенно обессиленной.

Дождь, казалось, только набирал силу, с меня текло ничуть не меньше, чем с вожака, и я чувствовала, как вместе с водой стекает что-то плохое, черное и тяжелое.

— Но клеймо мы все равно поставим, — заявил Ксэнар. И от спокойной уверенности в его голосе мне захотелось плакать. Возможно, будь я не такой растерянной и напуганной, сдержалась бы, но мне было плохо и мокро, и я разревелась, уткнувшись лбом в теплую грудь, даже в таком состоянии стараясь выбрать на его рубахе место почище.

От вожака нашего почти шел пар, в то время, как я озябла и тряслась не только от пережитого, но и от холода.

Ксэнар был теплый и какой-то надежный, и за ощущения спокойствия и защищенности, я готова была простить ему даже едва уловимый запах мокрой шерсти и природную черствость.

Он вздрогнул, когда я заревела, боднув его лбом, но мужественно остался стоять на месте, и даже не побоялся опустить мне на голову не покусанную тяжелую руку.

— Успокойся. Твои слезы ничего не изменят, это не мое желание, это единственная защита против ведьм.

Я завыла громче, Ксэнар напрягся и тихо попросил:

— Прекрати.

А я не хотела прекращать, я хотела плакать, и чтобы меня успокаивали, гладили по голове и обещали, что все самое страшное позади. И шоколадку. Темный шоколад с цукатами.

При мысли о сладком мне стало чуточку легче, но еще обиднее. Потому что у оборотней шоколада не было от слов умеренный климат (если верить рассказам Ашши о зиме и весне, их умеренный климат серьезно забирал в сторону субарктического). Никакого какао, никакого шоколада, никакого счастья в жизни.

— Рагда...

— А валерьянка у вас есть?

— Что?

— Валерьянка, — я икнула, дернувшись всем телом, — успокоительное. А то еловица ваша меня не очень успокаивает.

Такого мученического взгляда видеть раньше мне еще не доводилось.

Я плохо себе представляла, что должна была бы испытывать после убийства человека (пусть даже эти ведьмы на людей не очень сильно походили), и не испытывала ничего. Не удовлетворения, ни угрызений совести, ни отчаяния. Я с трудом могла вспомнить тот момент, когда топор, ведомый моей твердой рукой, вскрыл череп той черноглазой.

Но одно я знала точно: видеть, как безутешно женщины рыдают над погибшими — выше моих сил.

Погребальные костры сложили рядом с капищем. Оборотней выправили, как смогли, обрядили в звериные шкуры, волчью и лисью, и уложили на расшитые черные простыни. Под звериными мордами на белые, с тонкими сизыми нитями капилляров, веки уложили камешки с нацарапанными, залитыми красной краской, рунами.

Их отправляли в Вечные леса и сделали все возможное, чтобы они смогли найти свою тропу.

Я не хотела идти на похороны, но не смогла отказать заплаканной Ашше, когда она попросила пойти с ней — один из умерших, покоящийся теперь под шкурой лиса, был ее другом.

Теперь топталась рядом со змеевицей, жалея, что попалась на глаза Ксэнару, который заставил нас стать по левую от него сторону. Справа стоял Берн и выглядел очень уставшим.

ГЛАВА XV. Сорвавшийся танец

— Домой, домой, домой, домоооой, — я вся извелась и почти извела всех вокруг. Многие уже посматривали на меня с плохо скрываемой жадной кровью.

Но есть ли дело до чужих взглядов тому, кто возвращается домой? Там же Ашша уже, небось, измучилась вся, да и Берн должен был вернуться. И узнать бы, как там Латис, не закормила ли его еще Рала? И что с Сэнар?

В гостях, как известно, хорошо, но дома столько всего ждет.

Список покупок для змеевиды уже давно и надежно превратился в нечитаемый, истерзанный клочок бумаги. В нервном нетерпении мне нужно было занять чем-то руки, и я их заняла.

— Вот в следующем году за податью поедем, — посмеивался Алис, забавляясь моим нетерпением, — послушаем, какие кощунны о тебе сложат. Прошлась по землям оборотничьим Огневица — душа лесных пожаров, к волчьему князю привязанная...

— Не пойду я с вами в следующем году, — оборвала я его мечты, — сам послушаешь, а потом расскажешь, что там наврут. А я лучше в тепле посижу.

Небо, расцвеченное яркими красками заходящего солнца, набирало цвет. На его синеве, прозрачной и чистой, какая случается только зимой, не было ни облачка. Солнце щедро сияло, слепя глаза, искрясь на снегу острыми бликами, морозный воздух задорно щипал щеки и нос. А впереди нас ждала Пограничная деревня.

— Домой, — еще раз шепнула я, жадно вглядываясь в вырисовывающуюся вдаль линию высокого забора.

Вот только дома что-то было не так. Там нас ждали чужие.

Три оборотня, два волка и рысь встретили нас на дворе вожака.

— Вот, Светлый Князь, — прогудел Берн, после того, как наздоровался со всеми. Даже мне перепало крепких, медвежьих объятий, — принимай новую кровь.

Новая кровь мне не нравилась, чудилось в ней обещание скорых неприятностей, но опасения мои казались Ксэнару беспочвенными.

Прислушаться к интуиции фальшивой нечисти он не счел нужным, да и я, узнав о геройских подвигах новеньких оборотней, тоже перестала доверять своему чутью. Даже стыдно стало за то, что я о таких смелых молодцах плохо подумала.

— Они ж седмицу тому как поперли, — с приятным удивлением, словно не веря еще в то, что увидел, пересказывал нам случившееся Берн.

Медведище с трудом дождался, пока Ксэнар разберется со всеми делами и сможет присесть за один из тяжелых столов в своем доме.

На дворе стоял ранний вечер, но на первом этаже уже было не протолкнуться. Князь приехал, вожак вернулся, у всех сегодня намечалось гулянье.

Я же, притаившись в углу, сидя между радостной Ашшей и каким-то задумчиво-рассеянным Сэнар, так же, как и двадцать оборотней, ходивших со Ксэнаром за податью и не заставших очередное открытие прохода, с любопытством слушала рассказ Берна.

— Мы только вернулись, камни еще разобрать не успели, как они под наше солнце вылезли. Повезло, никак Волчица нас подгоняла, замешкались бы хоть на день, могли не к себе в дом — на пепелище вернуться. На этот раз выходцев целых трое было.

При этих словах Сэнар напрягся и рассеянно потёр плечо. Там, под одеждой, нанесенная глефой хту-наа, медленно заживала глубокая рана.

Как он ее заработал, Сэнар не сказал, только улыбнулся странно, а Ашша пообещала, что скоро я все узнаю. В подробностях.

И вот, сидела, узнавала.

— Если бы не наш тощий доходяга, — Берн бросил благодарный взгляд на нашего личного, обжившегося уже, выходца. Тот все еще не понимал большую часть слов, но как-то уловил, что его только что грубо приласкали, и оскалился, — с меня бы шкуру сняли. Пока мы одного со стены сбросить пытались, второй уже с другой стороны лез. И все легкие, быстрые, тихие. Мерзость иномирная. Одного из этих Трав подстрелил, у парня глаз меткий.

Похлопав по плечу своей огромной ручищей худого и хмурого парня, отличавшегося от своих приятелей не только темным волосом и глазом, но и звериной сутью.

Если светлоглазые и русые оборотни перекидывались в волков, то этот был рысью.

— Еще и твари их мешались, будто яростнее предыдущих были. Сами под топоры бросались, от стрел не думали уворачиваться, и ударов камней не замечали.

В голосе оборотня слышалась тревога. Не было такого раньше, чтобы за раз сразу три выходца прошли, да еще с войском, увеличенным в разы, а теперь приключилось.

И значить это могло только одно — проход расширяется.

— Рагда, — тихо позвал Сэнар, крепко сжимая мою руку холодными пальцами, — тропу необходимо закрыть как можно быстрее, иначе беда будет. Я чувствую.

— Не ты один, — ответила я, не отводя взгляда от потемневшего лица Ксэнара. Что-то изменилось, это понимали все, но немногие знали, как можно это исправить.

Вожак знал. Не до конца верил, что получится, но знал. Оставалось только решить, кто при следующем открытии прохода пожертвует своей жизнью, чтобы навсегда его закрыть.

Надежды на то, что хоть кому-то удастся подорвать туннель с той стороны и вернуться домой живым, не было.

Ксэнар это понимал, Сэнар это понимал, и даже я это прекрасно понимала, вот только изменить ничего не могла.

А новая кровь, сидевшая рядом с Берном, спокойно слушала его историю о том, что они пережили.

Утро не задалось.

Наш неумолимый вождь, поднявшийся ни свет, ни заря, застал под своей дверью пушистого вредителя. Латису скучно жилось, ему хотелось экстрима, он решил вздремнуть под дверью самого главного оборотня. Нерастроченные девять жизней жали глупую кошачью душу.

Ксэнар нежданной встрече был не рад, вот только попытка за шкуру вынести наглого вторженца во двор, успехом не увенчалась.

Латис взвыл, стоило только сильной руке вздернуть его вверх, и именно от этого воя я и проснулась. Подскочила на кровати с быстро бьющимся сердцем, пытаюсь понять, закончился ли снившийся мне кошмар, в котором толпа беззвучных настойчивых ведьм гнала меня по ночному лесу, или этот страшный звук — его неутешительное продолжение.

Истощный мяв убедил в том, что я уже не сплю, и кого-то нужно спасать.

К тому моменту, как я выбралась из кровати и, ежась на холоде, на пальцах добежала до двери, Латис успешно спас себя сам.

Разодрав в кровь руку Ксэнара, он быстро и совсем не гордо сбежал, впечатавшись в стену на повороте к лестнице. Занесло котяру, тяжелый уж больно.

— Руку обработать... надо, — пробормотала я, любуясь глубокими, длинными царапинами. Латис постарался на славу.

— Откуда в моем доме это отродье?

— Ну так... как бы... — лицо у Ксэнара сделалось просто непередаваемо угрожающим. Настолько, что я с трудом удержала себя на месте, — на кухне, наверное, опять дверь неплотно прикрыли. Она же там даже от ветра отвориться может, если ее не прижать. Вот кот и пробрался.

— Шкуру с Ралы спущу, — кивнул своим мыслям Ксэнар.

О том, откуда он узнал, что у наглой отъевшейся туши существует хозяин, и кто он есть, я даже не думала спрашивать. И так ясно, что по запаху. Это мне, с моим сопливым носом можно сколько угодно нюхать, я все равно ничего не унюхаю, а у Ксэнара все по-другому. Он любой запах чует. Волчий сын, как его с нежной ненавистью назвала жена Бельника. Сказано, разумеется, это было не мне. Так, вырвалось случайно у бедной женщины крайне точное замечание. Потом, правда, осознав, что ее высказывание слышала я, она очень пожалела и долго боялась, что я по доброте душевной и из верноподданнических чувств расскажу все Ксэнару. А я не рассказала. Не потому, что мне недружелюбную и неприятную женщину было жалко, просто жоака не хотелось расстраивать, если «волчий сын» — это все же ругательство.

— Спустишь, — покорно поддакнула я, — только давай сначала руку тебе обработаем.

Выйдя из комнаты, я уже морально готовилась морозить пятки, но была остановлена усталым приказом жоака:

— Оденся.

Обеззараживающий отвар хранился внизу, на кухне. Что меня совсем не удивляло, я с детства привыкла видеть бюджетный филиал аптеки в холодильнике, и соседство лекарств с едой казалось мне вполне естественным.

— Ага, ты только кровью не истеки, — потребовала я, метнувшись обратно в комнату. Сонный мозг сам, без подсказки, как-то не смог сообразить, что его непутевой хозяйке неплохо было бы утеплиться, прежде чем спускаться на первый этаж.

Этим утром я придумала для себя новое суеверие: день, начавшийся с обрабатывания ран жоака, окажется неудачным.

— Ты, что ли, Пограничная Огневица?

И «новая кровь» охотно и с видимым удовольствием, подтвердила мое суеверие.

— Ну, предположим.

— Нечисть, — не унимался один из пришлых волков. Я не запомнила, как его зовут. То ли Рахис, то ли как-то еще.

— Мыгым.

— И волосы у тебя жгутся? — потянул он свою руку к моей голове, за что по ней и получил.

— Лапы при себе держи, — рявкнула я, звонко хлопнув по протянутой ко мне конечности.

Настырный волк забавно фыркнул, тот что рысь и меткий, заржал, а второй волк с неприятными серыми глазами даже не улынулся.

Оборотни вели себя как дикие. Зажали меня у забора, когда я в библиотеку шла и давай приставать с глупыми вопросами. И пока двое меня доставали, третий просто смотрел. Лениво и изучающе, его-то и звали Рахис. А тот, что получил по рукам, отзывался на имя Девр.

— Точно нечисть, — обрадовался он.

— И как же ты это понял? — с легкой издевкой спросила я. Взгляд Решиса раздражал, вселял неуверенность в себе и желание сбежать. А бежать было некуда. Зажали гады,

отрезав все пути к отступлению.

Меня это злило.

Сначала меня боялись, потом со мной смирились, теперь, вроде бы, многие даже любили, и никто и никогда еще так нагло себя не вел.

А эти, дикие, словно и знать не знали, что нечисть бояться надо. Смеялись, шутили, все норовили меня потрогать.

— Рагда!

Спасением моим оказался Сэнар. После нашествия выходцев и его славного с ними сражения, отнятая некогда глефа была возвращена законному владельцу.

Теперь он мог вернуться к тренировкам со своим оружием, чем и собирался заняться.

— Я иду. Ты со мной хотела, не передумала еще?

— Нет!

Девр нехотя отступил, освобождая мне дорогу. Ссориться с неуязвимым хту-наа дураков не нашлось, даже среди этих троих остолопов.

Бодро хрустя только выпавшим снегом, я поскакала к выходцу, быстро поправляя съехавший с головы платок.

Каким бы чужим Сэнар не был для этого мира, но мне казался близким, чуть ли не родным. Многим надежнее любого из этих трех оборотней. Возможно, надежнее даже, чем Берн.

Я не знала почему так. Быть может от того, что оба мы были чужие здесь, а может существовала и другая причина.

Но сейчас, в это мгновение, больше рада я была бы разве что только Ксэнару.

Тренироваться Сэнар предпочитал в низине у реки. Вся вольха, растущая рядом с рекой в этом месте, уже была хорошенько изрублена, белые шрамы ясно выделялись на темной, грубой коре.

Сэнар не ставил себе целью срубить деревья, но в скором времени именно это и должно было случиться.

— Ты почто деревца мучаешь? — возмутилась я, увидев его тренировочную площадку. — Лесоруб-любитель.

— Ваша древесина слишком мягкая, — будто оправдываясь, сказал он, закинув глефу на плечо, — наши деревья так легко не рубятся, и я все никак не приучусь достаточно сдерживать силу.

Пока я сидела под самой забитой вольхой, грея озябшие руки дыханием, Сэнар разминался на небольшой поляне.

Зрелище это было... запоминающееся. Лёгкая, тонкая фигура, одетая в темное, изгибалась и взлетала вверх, длинные волосы, заплетенные во множество тонких косиц, не поспевая за хозяином, белым хвостом мешались за спиной. Шипов, спрятанных среди косичек, не было видно и в помине.

Глефа Ксэнаркала в воздухе заточенным острием, ловя холодные блики зимнего солнца.

Это был настоящий танец. Я могла восхищаться, могла завидовать, но повторить не смогла бы при всем желании. Хотя такое дивное зрелище и толкало на невероятные поступки.

Например, попросить о том, о чем я хотела, но боялась попросить Ксэнара.

— Сэнар, — дождавшись, когда он закончит свой танец, я смущенно спросила, — а из

лука ты стрелять умеешь?

— Конечно.

— А научишь? — мне тоже хотелось уметь защищать себя, но здраво рассудив, что меч или топор — не подходящее для меня оружие, решила выбрать оптимальный вариант.

Как оказалось позже и исключительно со слов Берна, подходящего оружия для меня просто не существует в природе

— Руки твои кривые, глаза твои косые, — ворчал медведище, щурясь на целехонькую, еще ни разу не продырявленную дощечку — мою мишень, — и сама ты нескладная, разладная.

— Будешь и дальше над ухом зудеть, в тебя прицелюсь, — раздраженно пригрозила я, растирая плечо. От непривычного напряжения руки противно болели, — и с такого расстояния не промахнусь.

Я уже раз сто успела пожалеть о том, что попросила Сэнар меня обучать. Ходила бы и дальше стрелковым премудростям не обученная, зато нервы были бы крепче. Посмотреть на мои занятия захотела любопытная Ашша, а за ней приперся Берн, который, разумеется, за компанию притащил и Ксэнара. Развлечь хотел вожака моим неумением.

И если в первый день обучения у меня получалось хоть что-то — например из десяти стрел засадить, пусть и в край дощечки, хотя бы одну, то сегодня дело совсем не ладилось.

Ксэнар смотрел, я не хотела перед ним облажаться и против воли уже дюжину стрел послала в снег. Целая мишень обидной насмешкой висела между деревьев.

— Руки слабые, — вынес вердикт Ксэнар, — лук тебе не подойдет, хочешь стрелять, возьми самострел.

Меня это не то, чтобы обидело, я и сама уже давно поняла, что хорошим лучником мне не стать. То, что со стороны казалось простым, на деле было сложной наукой. И дело было не только в слабости моих рук, просто я так и не смогла для себя уяснить, как нужно правильно хвататься за тетиву, постоянно чего-то боялась, пуская стрелу, и вечно во всем сомневалась.

А наш вожак просто оказался достаточно сострадательным, чтобы не топтаться по моим чувствам, озвучивая все мои недостатки.

— На этом стоит закончить, — решил Ксэнар, взглядом велев Ашше забрать у меня лук. Стрелы собирал Сэнар, пока Берн отвязывал мишень. Все были при деле, и только лишь одна змеевица стала свидетелем того, как, ничего не говоря, наш загадочный вожак потащил меня куда-то за собой, крепко держа за руку и ничего не объясняя.

Я покорно следовала за ним, с трудом пробираясь сквозь снег, доходивший мне почти до середины бедра. Не выбирая легких путей, Ксэнар потащил меня к капищу прямо через небольшую березовую рощицу.

Заговорил он, только лишь когда идол Волчицы можно было разглядеть во всех деталях.

— Сегодня последний день в этом году, когда праматерь смотрит на нас, — пояснил он, проводя меня мимо деревянных, стабильно недружелюбных, стражей, — рассказывай, что хотела.

— А? — прошло достаточно много времени, чтобы я успела забыть о многом. Например, о том, что планировала ему во всем признаться.

— Ведьмы. Что им от тебя надо?

Ведьмы были далеко, опасности я не чувствовала и не очень хотела рассказывать ему об одной значительной встрече с хту-наанским жрецом.

Но я обещала, а Ксэнар смотрел так терпеливо и спокойно, что не рассказать я просто не могла.

— За прошедшую седмицу я разобрался со всеми делами, что накопились за время моего отсутствия. Теперь я готов взяться за твою проблему.

— Это не то, чтобы проблема... — неуверенно начала я, но потом просто плюнула на все и рассказала, как оно так получилось, что я могу разговаривать с выходцами.

Нет, конечно, официальное объяснение моих несомненных талантов уже было озвучено еще в самом начале. Все списали на то, что я нечисть, и никто этому не удивился. А Ксэнар просто не спрашивал. Станный он был, нелюбопытный.

Я ему об этом даже как-то сказала, на что получила весьма однозначный ответ.

— Зачем мне знать то, чего ты не хочешь рассказывать? Я чувствую, что ты не опасна, этого достаточно.

И сейчас, рассказывая ему о светлячке, я очень надеялась, что ничего не изменится, и он не пожалеет о том, что не узнал обо все сразу.

О том, что воины, в отличие от жрецов, имели более сильные тела и толстую кожу, Ксэнару было известно уже давно. Сэнар не поленился рассказать о своем мире многое, например то, что их светило почти не греет и едва светит, и, в отличие от нашего солнца, не жжется.

Но вот чего наш вожак точно не знал, так это того, что жрецы все же хотят попасть в этот мир, чтобы наконец все закончить.

Если я правильно поняла светлячка, а я очень надеялась, что не ошибаюсь, они смирились с тем, что их изгнали из этого мира, и не одобряли попыток своих воинов вернуться в него силой.

— Если они придут раньше, чем мы придумаем, как закрыть проход, то я их выслушаю, — пообещал Ксэнар, когда я закончила рассказывать о том, с какой, собственно, целью, светлячок наградил меня переводчиком.

Меня это вполне устраивало. Хотя и были некоторые сомнения, что жрецы успеют морально и физически подготовиться для выхода в этот мир.

— Это все, конечно, замечательно, но можно я теперь задам тебе один вопрос?

Ксэнар, удивленный тем, что я прошу разрешения на вопрос, кивнул, чуть заметно улыбнувшись.

— Что значит «последний день, когда праматерь смотрит на нас»?

— Через три дня конец года, — пояснил он, уже давно перестав удивляться тому, что я не знаю элементарных вещей. Иногда Ксэнар забывал, что я не из этого мира, пришла сюда не так давно и мало что еще знаю, но, как правило, помнил, что я пришла, и честно старался все объяснить, — с концом года она уйдет на покой и проспит до первого полнолуния нового года.

— И что, вы все это время будете без защиты богини?

Поразительно, но факт: меня действительно беспокоило то, что Волчица не будет присматривать за нами аж целых несколько недель.

— У нас есть хранители, — Ксэнар улыбался, просто стоял и лыбился, ясно улавливая все мои эмоции. Его забавляло то, как я, совсем недавно еще боявшаяся их мохнатую Мано-Аль, теперь переживаю из-за того, что она ненадолго нас покинет, — но если ты хочешь сдержать обещание и поднести ей дар, то лучше поспеши на кухню. Алис поутру ушел в лес на поиски достойной жертвы для праматери.

Пирог мне предстояло печь самой, и лучше было бы поторопиться. Потому что отказываться от своего обещания я не хотела, а все подношения Волчице делались либо

на рассвете, либо на закате. А зимний закат — дело скорое.

Алис вернулся с охоты веселым. Потеряв где-то рукавицы, он нашел увесистого кабана. Пушистые уши, длинная морда, прямой хвост, он был совсем не похож на домашних, откормленных свиней. Было в нем что-то дикое, гордое, что-то такое, чего не мог скрыть даже обычный, вполне свинячий пяточок.

— Готова идти Волчицу задабривать? — с веселым нетерпением спросил бравый охотник, свалив свою добычу на крыльцо у моих ног.

— Пироги только дошли, — отозвалась я, привалившись к плечу севшего на ступеньку рядом со мной лиса, — можно хоть сейчас идти.

Кухонные девки, когда только узнали, что я собираюсь делать, с охотой вызвались помочь советом.

В итоге вместо одного пирога Волчице я тащила целых два. Один с мясом, второй с вареньем. Щедрость и сладкое праматерь очень уважала.

Алис, подозрительно бодро топавший рядом со мной, словно не замечал тяжести своей недавно еще хрюкавшей ноши и уверенно вел меня на гору. Совсем не туда, где стояло капище их богини.

Я топала следом, обещая себе не удивляться, если обычные, не обрядовые подношения, они тут делают под каким-нибудь вековым дубом.

И не удивилась. Даже когда плоский, большой камень с выбитыми на нем резами увидела, не удивилась.

Я же себе обещала.

Кабана Алис кинул у камня, выхватил нож из-за голенища сапога и быстрыми, четкими движениями, не переставая что-то бормотать, вознося славу Белой Волчице, вскрыл кабана, разворотил ему ребра и бросил на быстро набирающем цвет, от впитавшейся крови снегу с вывернутыми наружу внутренностями.

— Пироги на камень положи и сказать не забудь, кому они и за что, — велел он, отходя в сторону. Нож и руки обтирать снегом, лежащим рядом с жертвенным камнем, он не стал.

— А может ты...

Алис фыркнул.

— Рагда, пироги от кого дар? От меня или от тебя? Я свою жертву принес, теперь ты свою принеси.

Дрожащими руками я уложила пироги на камне, робко пробормотав слова благодарности.

Меня душил насыщенный медный запах, я была уверена, что случайно наступила на кровавый снег, оставив свой отпечаток, и чувствовала себя ужасно глупо.

Но сделала все, как велел Алис, не в лучшем виде, но хоть как-то. Я старалась.

И оборотень остался мной доволен.

— Молодец. А теперь домой, завтра подготовка к концу года начнется. Сегодня стоит отдохнуть как следует.

Подготовкой к празднику оказались по большому счету бессмысленные метания по деревне. Вернее, они, конечно, были не совсем бессмысленные, просто мне, как девочке на посылках, казалось, что меня просто так гоняют по всей деревне. Из Кузнечного переулка в Промышленный тупик, потом на Сдобную улицу к бабе Алае, являвшейся самым лучшим пекарем всех близлежащих деревень (которых, к слову, насчитывалось аж целых три), а в довершение, чтобы совсем мне весело было, к Ксэнару.

К вожаку меня послали за разрешением разложить на пустыре, где сходились Глиненная улица и Выделковый конец, большой костер.

— В «медведя» поиграем, — жмурясь от удовольствия, размечталась Ашша, провожая меня к Ксэнару напутственными тычками, так как я не очень хотела идти.

Деревенские нашли себе новую зимнюю забаву, «нечисть на побегушках» называлась. Послать меня с каким-нибудь «важным» поручением не желал разве что ленивый.

И я бегала, потому что поутру еще заявила, что хочу быть полезной. Теперь уже слово назад брать поздно было.

— Вот иди и сама его попроси, — ворчала я, уворачиваясь от ее рук.

— Я не могу. Мне он не разрешит. Мы уже года четыре тут костер не раскладывали, с того раза, как Велен в огонь упал. Толкнули его или еще что, никто не знает, но Ксэнар запретил здесь игрища устраивать. Говорит, что тут дух нечистый сидит.

Убедившись, что меня ее слова не особо мотивировали, Ашша просительно сложила руки.

— Ну, сделай, что прошу. Тебе он не откажет.

Я сильно сомневалась в ее словах, но сдалась и пошла искать нашего вожака.

Сильный и бесстрашный волчий князь прятался от всех на пустой кухне. Нет, со стороны могло показаться, что он занят важными делами. Заваленный донесениями стол, по крайней мере, свидетельствовал именно об этом, но я-то сюда два часа назад уже забегала и эту же самую картину наблюдала. И за прошедшее время количество бумаг вокруг Ксэнара не изменилось.

— У меня к тебе деловое предложение, — с порога в бой ринулась я, — ты разрешишь костер на Звенящем пустыре разжечь, а я всем буду говорить, что ты занят, и чтобы тебя не беспокоили.

— Там костры жечь опасно, — пробормотал он, нехотя подняв на меня взгляд, — какая-то мелкая нечисть шалит.

— Ну, я же Огневица, что мне мелкая нечисть? Разберусь.

— Безголовица ты, — проворчал Ксэнар, но выдержать взгляда моих просящих глаз не смог. Вернулся к своим бумагам, недовольно велел: — Пусть костер закладывают, но чтоб не жгли его, пока меня рядом не будет.

Я радостно согласилась, еще не осознавая, что вечером в густой темноте именно меня пошлют искать вожака, что бы он дал добро костер разжигать.

Конец зимы праздновался совсем удивительным образом. Все дары и подношения, что деревенские хотели вручить своей волчице, были отнесены к жертвенному камню еще несколько дней назад. Сейчас же она спала, за дело взялись хранители, а нечисть, почуяв короткий миг свободы, выбралась из своих нор.

И не было в этот день, и даже в эту ночь никаких обрядов. Люди просто ходили по домам, угощались и угощали. Щедро разбрасывались ворохом искренних пожеланий и не жалели объятий.

И я, стоя посреди улицы, любясь яркими огнями, костров, и уютным светом, льющимся из окон домов, чувствовала себя сытой, затисканной и счастливой.

Меня не пугали густые тени, сбежавшие от света костров, сбившиеся в кучу и словно ставшие совсем черными, осязаемыми, что ли. Не вызывал зябкой дрожи вид уходящей в темноту дороги и волчий вой, раздающийся иногда на соседних улицах, или даже на этой самой, вызывал лишь улыбку.

Из дома вожака я выбежала совсем ненадолго. Глотнуть свежего воздуха и чуть остудить разгоряченное, покрасневшееся лицо, и забыла вернуться в тепло.

Легкий снег, одинокими снежинками кружился в темноте, поблескивал в свете костров и ложился на мои красные волосы, не покрытые платком. Колючий мороз заползал под не застегнутый, наскоро накиннутый на плечи тулуп, и щипал кожу, а мне хотелось смеяться.

Что-то большое и светлое, искрящееся и горячее росло во мне, желая вырваться наружу.

Я была по-настоящему счастлива и хотела обнять весь мир.

Мне не приходилось отмучивать свой долг на дежурных новогодних посиделках с семьей, стараясь не загнуться от тоски, слушая нудные разговоры родственников и заедая все это каким-нибудь фирменным салатом, и не сидела где-нибудь с друзьями, не совсем понимая, новый год мы сейчас пытаемся праздновать, или чей-то день рождения. Я действительно провожала старый год, вместе со всеми здесь. Провожала старый год и ждала первый рассвет нового.

— Замерзнешь, — раздался сзади спокойный голос Ксэнара. Его единственного, пожалуй, не заобнимали в эту праздничную ночь. Даже Берна пару раз потискали, а вожака стеснялись.

И это было странно, если учесть, что обниматься здесь любили. В этом не было никаких сомнений.

Да и какие могут быть сомнения, когда даже Сэнар, выходца из другого мира, сегодня изрядно пообнимали и даже расцеловали, если бы не Ашша, вовремя занявшая оборону и отгонявшая от Сэнар всех желавших обняться (в основном девиц), то его бы уже и на сувениры растащили.

А Ксэнару досталось пару сдержанный жамканий за плечи и уважительных пожиманий кистей.

Серьезный вопрос: как облечь свои чувства в слова, оказался риторическим. Потому что никак.

Не хватало мне словарного запаса для этого. Все, что я могла выдать это маловразумительное:

— Ыххы!

Зато обниматься ринулась с удивившим меня саму проворством. Сжала хорошенечко нашего незатисканного вожака, и гаркнула, пряча лицо на его груди.

— С праздником!

В отличие от меня, Ксэнар свою совершенно не княжескую, обычную волчью шубу, вывернутую мехом наружу, даже не подумал застегивать, и я ткнулась носом прямо в теплую, пахнущую домом и покоем, рубаху.

Меня осторожно обняли за плечи, с сомнением повторив:

— С праздником.

— Как уж там у вас говорят? Чтобы год был легкий?

Ксэнар кивнул.

Из соседнего дома грянул веселый смех, но быстро стих, растаяв легким, детским хихиканьем.

— Чтобы год был легким, — послушно подтвердил он.

— Наклонись-ка, — велела я, чувствуя, как меня прямо распирает от накатывавших друг на друга чувств. Я была пьяной, хотя пила только травяной взвар, которым здесь баловались даже дети.

С сомнением Ксэнаркая на меня своими дикими желтыми глазами, он продолжил стоять прямо.

— Ну, наклонись, — потребовала еще раз, для надежности дернув за отворот шубы. Только после этого Ксэнар склонился, и я звонко, с чувством, чмокнула его сначала в правую щеку, а потом в левую.

И такой удивленно-ошалелый сделался у него вид, что досталось даже носу. Расцеловала, так расцеловала, и, гордая собой, отступила на шаг, разрывая объятия.

Ксэнар засмеялся, подхватил меня на руки и встряхнул так, что на мгновение показалось, будто меня в воздух подбросили. Сердце чуть не остановилось.

— Ты что? — Я не знала, что удивило меня больше, внезапная веселость нашего, как правило, сдержанного князя, или неожиданная встряска. — Что творишь-то?

— Не бойся, не уроню, — беспечно ответил он, — ты только больше никого в обе щеки не расцеловывай, поняла?

— Да-да, Ашша мне уже говорила, что незамужним девица разрешается мужчин только в правую щеку целовать. Поставь меня, пожалуйста, а? Я, кажется, высоты боюсь.

Пропустив мимо ушей мою просьбу, он требовательно спросил:

— А меня зачем в обе расцеловала?

— Душевный, блин, порыв. Я тебя еще и в нос чмокнула, если ты вдруг забыл. Пытаюсь выполнить норму по расцеловыванию до полуночи.

Про норму я, конечно, соврала, и Ксэнар мне, кажется, не поверил. Весело хмыкнул и потащил в дом. Как есть, на руках.

Мне было и приятно, и весело, и почему-то даже волнительно.

Но не очень долго. Алис, заметивший наше возвращение, тоже хотел потаскать пограничную нечисть на руках и с боем попытался отнять меня у Ксэнара.

Ну, как с боем, подошел, улыбнулся, лапки свои загребушие ко мне протянул и так заискивающе пропел:

— Что же ты, светлый княже, такие тяжести таскаешь? Не по чину будет, отдай мне, — а наткнувшись на суровый взгляд вожака, с серьезной рожей выложил, — тебя там Берн искал, кажется, что-то срочное.

Волшебные слова подействовали. Вся веселость мигом схлынула со Ксэнара.

Он поставил меня на пол, проигнорировав протянутые ручки лиса, быстро коснулся губами макушки, бросив выразительный взгляд на лыбящегося оборотня, и ушел.

— И что, — отшатнувшись подальше от Алиса, на полном серьезе вознамерившегося меня немного на руках поносить, я подозрительно спросила, — Берн его и правда искал?

— А кто ж знает? Я Берна уже давненько не видел, может и искал, — беспечно пожал плечами Алис.

— Рагда, — Ашша подкралась сзади, крепко обхватив меня руками и прижавшись щекой к щеке, — пора бы костерок разжигать, зови Ксэнара. Все на пустыре уже собрались, только его разрешения и ждут.

Глаза у Алиса загорелись.

— Точно! Сегодня ж в «медведя» играть будем.

Обхватив нас обеих, отчего я прямо почувствовала, как же некомфортно чувствуют себя вафли в вафельнице, нас по очереди одарили звонкими поцелуями:

— Простите, красавицы, но мне пора на пустырь. Охочих медведем побыть нужно опередить или шкуру отбить, там как повезет.

Игра в «медведя» сводилась к тому, что стая девиц с визгом и смехом, под звук

трещоток, при свете одного лишь костра, кружилась у огня, спасаясь от загребущих лап медведя — обряженного в медвежью шкуру парня. Вся заманчивая прелесть этой игры заключалась в том, чтобы прижать кого-нибудь украдкой, и многие парни готовы были даже драться за право побыть медведем и облапать симпатичную им девушку.

Алис, которого тоже привлекала эта возможность, сбежал, а Ашша осталась, и ее просьба осталась вместе с ней.

Пришлось идти искать Ксэнара, как будто она не могла на несколько минут раньше нагрянуть, когда он еще тут был, рядышком.

ГЛАВА XVI. Беспокoйность

Ксэнар запер нас в доме. Чудом избежав еще трех столкновений с нечистью — безоружный, царь оказался похвально осторожным и здравомыслящим, — он доставил нас в самое безопасное место, какое только мог представить, — в свой дом. Отказался слушать голос разума в моем лице, прижал раненую ладонь к косяку двери, вымазал его своей кровью, отчего по стенам прошла легкая рябь, и захлопнул дверь прямо у меня перед носом.

— Вы же безоружны! — крикнула я и со всей силы пнула разделяющую нас преграду. И уже тише добавила: — И ранены.

— Отец всегда такой, — пожаловалась Агнэ. — Ведет себя так, как будто его жизнь ничего не стоит. А за опасные выходки ругает только меня.

— Он выживет, — смущенно пробормотала я, запоздало сообразив, что царевна тоже за него переживает. Вероятно, даже больше моего.

И злится, наверное, потому, что мы заперты, а он ушел.

В конце концов, обессиленные, уставшие переживать и прислушиваться к звукам с улицы, мы поднялись на третий этаж. Промыли царапины и переоделись — Агнэ долго и старательно выплетала оставшиеся цветки из моих волос. Сказала, ее это успокаивает.

Потом забрались на мою кровать, под одно одеяло. Девочка быстро уснула, успокоенная моим теплом.

Я же уснуть не могла. Мне было душно, но открывать окна казалось самоубийственной глупостью. Я переживала за царя, ушедшего в ночь безоружным, за Сэнара и даже за пастуха.

Боялась за это поселение, ставшее мне домом.

Смирившись со своими чувствами, спустя где-то час бессмысленных терзаний я осторожно выскользнула из постели, изо всех сил стараясь не разбудить девочку. Она сегодня и так хорошенько за Ксэнара испугалась. Ей будет лучше переждать эту страшную ночь во сне.

Не подумав накинуть что-нибудь на плечи, как была в сорочке, спустилась на первый этаж. Проходя мимо зала второго этажа, старательно не смотрела в сторону холодного камина. Его мертвый вид будил во мне плохие предчувствия.

Подергав входную дверь, я убедилась, что ничего за прошедшее время не изменилось. Мы все так же заперты, на улицах поселения, судя по приглушенному клекоту и редкому рычанию, раздававшемуся с той стороны, все еще небезопасно. Ксэнар...

Оборвала себя раньше, чем успела подумать о чем-нибудь страшном.

Потоптавшись немного перед закрытой дверью, я почувствовала себя безумно глупо и поспешила вернуться на третий этаж, но, не дойдя до спальни, развернулась и снова спустилась вниз. Еще немного постояла у двери, вслушиваясь в беспокойную ночь. И решила ждать здесь.

На шестой ступени лестницы, откуда очень хорошо было видно вход.

Я ждала возвращения хозяев этого дома и не заметила, как уснула, привалившись к перилам.

Проснулась оттого, что кто-то меня трогал.

— Совсем замерзла, — ворчал над ухом хриплый, но знакомый голос, пока царь озабоченно ощупывал мои руки.

В приоткрытую дверь за его спиной тонкой полосой пробивался солнечный свет.

— Уже утро? — спросила я сонно, перехватив его руки, когда они спустились к

щиколоткам.

— Да.

— А нечисть? Ушла?

Ксэнар вздохнул тяжело, попытался еще раз дотянуться до моих ног, но сейчас силы больше было во мне. Он неодобрительно цыкнул, но подчинился и руки убрал.

Тяжело сел, даже рухнул, на две ступени ниже меня.

Сгорбился.

— Нечисть ушла? — настойчиво повторила я вопрос.

— Нет, — односложно ответил он. Мне было мало этого ответа, но я не торопилась с расспросами. Да и не пришлось. Ксэнар сам начал рассказывать.

О том, как нечисти становилось все больше, как им долгое время не удавалось закрыть ворота, как нечисть заполняла город с трех сторон. И о том, что отбиться удалось лишь силой.

— Они не отступили, дрались до последнего. Если в прошлый раз нас хотели напугать, в этот — уничтожить, — сумрачно признался царь. — Еще одной такой атаки мы не выдержим.

Поборов сомнение, я неуверенно коснулась его плеча. Хотела как-то подбодрить его, утешить.

Широкая ладонь тут же накрыла мою холодную руку. Сжала.

— Как Агнэ?

— Спит наверху. А Сэнар?

— Помогает с ранеными. — Ксэнар замялся, но все же неохотно добавил: — Нэшар работает с совами. Проверяют территорию.

— А вы как?

— В порядке.

Я отняла свою руку, и Ксэнар тут же отпустил, не став удерживать. Посидела немного в нерешительности, пытаюсь понять, примет ли он мою поддержку или обидится. Сил смотреть на сгорбленную спину царя не было, и я решилась.

Спустилась на две ступени, неуклюже попыталась обнять его, но смогла только неловко похлопать по спине. Для полноценных объятий меня катастрофически не хватало.

Так и замерла, не зная, что делать дальше. Отстраняться казалось плохой идеей, но и сидеть так было неудобно.

Проблему решил Ксэнар.

Он поднял руку, позволив мне поднырнуть под нее, и обнял за плечи.

Я легко переплела пальцы на его боку.

Сейчас это казалось единственно правильным. Прижаться грудью к его ребрам и считать далекие, размеренные и сильные удары чужого сердца.

И даже если потом будет стыдно, сейчас мне наконец спокойно.

Я нуждалась в тепле. И, кажется, нуждалась не одна.

— Мы справимся, — пообещала я решительно. Царь, впечатленный моей уверенностью, удивленно покосился на меня. — Но для начала вам нужно отмыть кровь и... раны?

— Мной занималась Ллэт.

Я кивнула.

— И отдохнуть.

Ксэнар не шелохнулся. Даже рука на моем плече не дрогнула, выдавая свое желание поскорее от меня сбежать.

Мне хотелось поторопить его, заставить сделать так, как мне кажется правильным. Потому что я за него беспокоюсь, а значит, имею право требовать...

Но вместо этого я сказала:

— Мне... я прошу у вас прощения.

— Прощения? — удивился Ксэнар. — За что?

— За то, как позволила вести себя с вами. И, ну... за то, что пыталась командовать. Когда я пугаюсь, то веду себя резко. Как говорил брат, становлюсь агрессивно заботливой.

Мое признание рассмешило царя.

Он смеялся негромко, осторожно, щадя ноющие ребра. Я терпеливо ждала, когда приступ веселья затихнет.

Отсмеявшись, Ксэнар заверил:

— Я не сержусь.

ГЛАВА XVII. Безысходность

От нападения поселение отходило сложно.

Сэнара мне удалось увидеть лишь следующим утром после трогательных посиделок с царем на лестнице.

За завтраком.

Эва был бледным и сонным.

На вопросы не отвечал и лишь негромко ругался в ответ на всякую попытку его потревожить.

Почти не притронувшись к еде, он не высидел в столовой и пятнадцати минут.

Ушел в свою комнату, угрожающе предупредив, что отправляется отдыхать.

Переглянувшись с Агнэ, я пожалала плечами. Такого Сэнара ни я, ни, кажется, даже она раньше не видели.

Необходимость заживлять раны пострадавших и вымучивать последние минуты жизни с умирающими выпила из эва весь его неукротимый оптимизм.

Мне страшно было спрашивать, сколько раненых и мертвых принесла та страшная ночь.

Я не хотела этого знать.

Обучение Агнэ на время приостановилось, Иви был ранен и приходил в себя под чутким присмотром Ллэт. А Ислэ запер сестру дома, не желая рисковать ее жизнью.

Многие предпочитали укрываться за надежными стенами своих жилищ, сократив необходимость выходить в недружелюбный мир до минимума.

Эва перестали верить Зыби.

Я хотела вызвать Ариса, рассказать ему, как все плохо, и потребовать что-нибудь сделать. Необоснованная вера в то, что чернокнижник не может сделать ничего неправильного, боролась во мне с убеждением, что именно он виновник творящегося кровопролитного безумия.

Но связаться с магом я уже не могла. Желание уничтожить амулет, которое так часто рождалось во мне, но неизменно затухало под неясными сомнениями, в жизнь воплотила мелкая нечисть.

Шея моя еще долго помнила болезненную хрупкость порвавшейся цепочки.

Теперь амулет лежал где-то в курятнике, и я не знала, как его вернуть. И есть ли что возвращать.

На третью ночь, когда все тела убрали с улиц поселения и страх чуть притупился, позволив царю и его брату наконец-то немного отдохнуть, Арис пришел сам.

Словно почувствовав мою в том нужду, он пришел вечером... весьма странным способом.

Я как раз меряла шагами комнату, в нетерпении ожидая наступления нужного времени, чтобы спуститься на второй этаж и проверить, горит ли огонь в камине, когда в окно постучали.

Сначала я испугалась и метнулась к выключателю, желая погасить свет. После повторного настойчивого стука заподозрила в нарушении моего покоя жабьего принца, чтоб его болотное чудище поцеловало.

Реальность оказалась совершенно... нереальной.

За окном, с трудом цепляясь за край рамы, опираясь ногами, кажется, прямо на воздух,

висел Арис.

Створки я распахнула не задумываясь, позабыв обо всех предостережениях царя, с трудом втащила обесиленного мага в комнату, и сразу же, не дав себе даже дыхание перевести, стараясь перепрыгнуть через тело, растянувшееся на полу, но все равно случайно наступив на безвольную руку, я подлетела к окну и поспешно его захлопнула. Стекло от моей старательности укоризненно задрожало.

— Нас с тобой ждет серьезный разговор, — прохрипел маг с пола.

— Водички? — озабоченно спросила я, не сразу сообразив, что за водой мне придется спускаться на кухню и... если камин все же разожжен, нужно будет как-то объясняться с Ксэнармом и его любопытным братом. А мне этого очень не хотелось.

На мое счастье, Арис отказался.

Перевернулся на спину и, отдышавшись, грозно спросил:

— Что ты сделала с моим амулетом?

— Ах, это...

Он, несомненно, ждал, что я начну просить прощения и оправдываться, и очень удивился, услышав вместо сбивчивых извинений гневное:

— Вы меня обманули!

— Обманул? — недоверчиво переспросил маг. — Когда?

— Вы обещали, что ваш амулет оградит меня от нападений нечисти, а что в итоге?

— Что?

— На меня напала нечисть! Ранила, — я коснулась пальцами совершенно целой щеки — чудодейственные способности Ллэт избавили меня от царапин за считанные секунды, но память о них все еще была со мной, — и украла ваш амулет!

Было приятно вот так стоять над ним, смотреть Ксэнарху вниз и обвинять. Интуиция подсказывала, что он это заслужил. Это и пару ударов по ребрам...

— Ни одна нечисть с дурными намерениями не могла тебе навредить. Вероятно, ты по глупости напугала ее и заставила защищаться. — Арис с кряхтением сел и попытался встать. Получилось у него не сразу.

Серый, осунувшийся, с запутавшимися в волосах куриными перьями и травинками соломы, он выглядел больным, потерянным и жалким. Ну просто образцовый страдалец. Такого только жалеть.

Я не нашла, что можно ответить на его возмутительное обвинение. Пусть я нечисть и не пугала, но, кажется, ее напугала Агнэ, может быть, даже наступила, а мне просто не повезло попасть под горячую лапу. Но разве магу это объяснишь?

— И что, вы амулет принесли? — спросила я мрачно, не желая признавать его правоту. — Сама я за ним сходить не могу, меня из дома не выпускают.

— Нечего было приносить. Кто-то раздавил амулет. Моя кровь впиталась в доски пола. — Он страдальчески вздохнул. — Подумать только, столько труда было уничтожено...

Оборвав себя на полуслове, маг настойчиво посмотрел на меня.

— Ты узнала, где болотники прячут Сердце Топи?

— Эва, — рассеянно поправила я и, глядя ему в глаза, нагло соврала: — Не узнала.

— Плохо. Это очень плохо, — пробормотал он. Обреченность, прозвучавшая в его голосе, прошла холодком по моей спине.

— Что-то случилось?

Арис посмотрел на меня, вцепился взглядом и не отпускал, как бы я ни рвалась.

— Я потерял контроль.

Слова прозвучали приговором.

Я не сразу бросилась на него с кулаками. Сначала выслушала.

Признание далось магу с трудом, но он рассказал все. И как переоценил свои силы, собирая все больше нечисти и запуская свою магию все глубже в Топи, и как не почувствовал угрозы, когда из беспросветной вязкости что-то отозвалось.

— Я был уверен, что нападение в самый разгар праздника спровоцирует царя. Он уже должен был понять, что нечистью управляют. А нападение на ярмарку... Такую пощечину сложно проигнорировать. — Лицо Ариса свело болезненной судорогой. С трудом дохромая до стула, он тяжело на него опустился и только после этого признался: — Я рассчитывал, что меня начнут искать. Разумеется, воспользуются Сердцем Топи, чтобы выиграть время. Но все вышло из-под контроля. Нечисть не слушалась... Вернее, она слушалась, но не меня. Я истратил все свои силы, чтобы разорвать связь, чуть не выгорел, но не смог ничего сделать. Что бы ни разбудила моя магия, оно невероятно сильное. Сильнее всего, с чем мне приходилось работать раньше...

— И вы говорите об этом только сейчас? Мне?! — Я качнулась к нему, готовая... да на что угодно готовая, но головная боль, казалось вспыхнувшая ослепительным светом прямо в черепной коробке, остановила меня. Я свалилась на пол, не в силах удержать расплывающуюся реальность. Ту, в которой Арис был всегда прав.

— Рагда. — Маг оказался рядом очень вовремя. Я как раз планировала ускользнуть в темноту, но холодная ладонь на лбу не дала мне этого сделать. Особого облегчения она, правда, тоже не принесла.

— Что происходит? — простонала я, боясь открыть глаза. Было такое ощущение, что стоит мне только это сделать, как я ослепну в ту же секунду.

— Ты слишком сильно на меня злишься.

— А не должна? — Злость в прямом смысле душила. Каждый вдох давался с трудом.

— Должна, — покладисто согласился Арис, — но моя магия негативно влияет на твои эмоции. Перестань меня обвинять, и все прекратится.

— Вы ждали три дня, чтобы во всем признаться!

— Я пришел, как только смог. Последние дни я боролся с выгоранием. Как только появились силы, поспешил к тебе. — Даже оправдания выходили у него неубедительными, и уже через несколько мгновений вместо признания в своих ошибках я услышала обвинительное: — И где я оказался? В курятнике. Мне пришлось карабкаться по стене, как какому-то воришке.

— Почему же сразу не перенеслись в мою спальню? — прошипела я, желая уличить его во лжи. — Вы же были на территории поселения.

— Сил хватило только на один переход, — неохотно признался он. — Я все еще слишком слаб. Не хотел рисковать... А ты все еще на меня злишься.

— Какая пронизательность, — зло отозвалась я, подтянув к груди ноги. Так вроде бы было легче. — Сделайте что-нибудь!

Арис замешкался, всерьез раздумывая, стоит ли. И за эту заминку я готова была оторвать ему голову. Голыми руками!

— Хорошо, — наконец неохотно согласился он. — Но помни: все, что я делал, было ради нашей общей цели.

Я не поняла, что произошло, но боль пропала. В ушах гудело, а в мозгу будто что-то

щелкало, безжалостно отсчитывая мгновения моего блаженства. Вслед за покоем пришли воспоминания.

Я вспомнила то, что он велел мне забыть, и от родившейся этим воспоминанием ярости стало горько во рту.

— Рагда? — Арис все еще сидел на коленях рядом со мной и зачем-то гладил по напряженному плечу.

Волосы спутались и закрывали выражение моего лица. Маг попытался их убрать.

Последний раз такую всепоглощающую ненависть я ощущала к Вастэ... и помнила, чем все закончилось.

Арис о моих боевых подвигах ничего не знал и очень удивился, когда я на него бросилась, повалила на пол и нависла Ксэнарху.

Он не отбивался, только защищался от моих кулаков и беспомощно пытался успокоить. Но от каждого произнесенного им слова, просто от звука его голоса моя ярость лишь усиливалась.

Он был виноват во всем. Во всем, что произошло!

И я тоже.

Мы пропустили момент, когда дверь в комнату открылась и наше травмоопасное уединение нарушили.

Меня стащили с мага, не боясь локтей и ругательств, оттащили подальше, чтобы я не могла достать его даже ногами, и не без труда прижали мои руки к телу, тем самым полностью обезоружив.

— Говорил же, тип какой-то к ней в окно ломился, — слышался будто издалика деловой голос жаба.

— По-моему, он об этом уже пожалел, — заметил Сэнар.

— Рагда, — раздался над ухом голос царя, — что происходит?

Вопрос был хороший, и ответ на него у меня был. Подробный и многое объясняющий, но я не могла выдавить из себя и звука.

Арис быстро оценил ситуацию — я видела, как его губы приобрели совершенно нереальный, синий оттенок, а зрачки слабо затлели остатками магии. Собрав последние силы, он быстро построил переход и сбежал раньше, чем кто-то успел его остановить.

Дался он ему дорогой ценой, и я в бессильной злости хотела, чтобы маг серьезно пострадал, и в то же время — чтобы непременно выжил. Потому что ему нужно было разобраться с проблемой, которую он же и создал.

— Надо же, пропал, — без тени сожаления констатировал отбытие мага жаб. — В таком случае мы можем перейти к важным делам.

— Это к каким же? — опасно уточнил Сэнар.

Жаб сидел на его плече, и это эва очень напрягало.

— Целуй меня, — велел прекрасный принц.

— Что? — Сэнар почему-то посмотрел на меня. В багряной пелене, застилавшей глаза, он было нечетким и расплывчатым, но даже так я сумела разглядеть панику на его лице.

— Я достаточно отчаялся, чтобы опуститься до царевичей, — смиренно признался жаб. — Прекрасные принцессы бесчувственны и жестоки. Им не понять моей печали, но мужчина...

— Рагда, поцелуй его немедленно, — велел Сэнар, стащил со своего плеча квакающего

страдальца и, в два шага преодолев разделявшее нас расстояние, сунул мне улыбающуюся жабью морду под нос.

Это было уже слишком.

Я разрыдалась.

Сложно было мужественно переживать свою личную трагедию, когда рядом разворачивался такой цирк.

Сэнара вместе с вновь не поцелованным жабом как ветром сдуло, со мной остался только Ксэнар.

Он стойчески выдержал мои слезы, усадил на постель, хотел сходить за водой, непременно с парой капель успокоительного, но я вцепилась в него так сильно, что это была просто невыполнимая задача. Все, что ему оставалось, — сидеть рядом и терпеть.

— Рагда, что случилось? Ты знаешь, кто это был? Что он хотел? — Царь осторожно и успокаивающе гладил меня по волосам, и мне становилось легче. Даже несмотря на страшные вопросы, становилось легче. Но потом рука задержалась на волосах, и Ксэнар напряженно спросил: — Он тебя обидел?

И я снова захлебнулась рыданиями. Не потому, что Арис меня обидел, просто я должна была рассказать царю правду, но не могла. После того, что случилось несколько дней назад... да меня мутило от одной мысли, что он все узнает!

Каждый новый вопрос рождал очередной взрыв слез, и в конце концов царь сдался. Добился признания, что обидеть меня злостный вторженец не обидел, а очень даже наоборот, это я обидела его от всей души, и решительно закрыл тему...

А следующим вечером на дереве за окном я заметила сову, сторожившую мой покой.

ГЛАВА XVIII. Месть

Я чувствовала себя... забытой.

Три дня после появления в деревне хту-наа со мной почти никто не общался.

Ашша, устроившая грандиозный скандал сразу же, как узнала, что я задумала, теперь меня игнорировала, Сэнар на пару с ней избегал моего общества. И только Берн не прочь был со мной поговорить, но его я избегала уже сама. Медведище нашел смысл своего существования в назидательных и нудных лекциях, пытаюсь донести до меня всю глупость необдуманно принятого решения.

И знать он ничего не хотел о том, что я не по глупости геройствовать решила, а желая домой вернуться.

— Ты дома, — ворчал он обычно, поглаживая косматую бороду, — какой еще дом тебе нужен?

Ответа на этот вопрос у меня не было, я просто чувствовала, что должна попытаться. Не знала, есть ли место в том мире для новой меня, но не могла упустить этот шанс.

Ксэнар же вовсе не хотел меня видеть, выселил обратно в мою комнату, подальше от себя, и, казалось, уже старательно вживался в ту реальность, которая наступит после того, как мы взорвем проход.

Все почему-то забыли, что я могу и не вернуться в свой мир, что у меня есть волшебное хту-наанское пойло, способное выжать из моего тела все, на что оно способно, чтобы позволить мне в случае непредвиденной ситуации, хотя бы постараться обогнать разрушение прохода. И я вернусь к ним, и избавиться от меня уже не будет никакой возможности.

А я об этом помнила и вопреки всем заверениям, что хочу вернуться домой, постоянно таскала бутылек с собой. Потому что боялась остаться без него в самый ответственный момент, лишив себя тем самым выбора.

Ксэнар поймал меня на лестнице, когда я, уверенная, что он опять пройдет мимо, даже не удостоив меня взглядом, совсем не была к этому готова.

Преградив путь, стоя на ступень ниже, почти сравнявшись со мной в росте, он требовательно протянул ко мне раскрытую ладонь:

— Отдай мне зелье.

— Что?

— Зелье, что дал тебе жрец. Отдай его.

Вцепившись в карман штанов, я попыталась отступить назад, подняться выше, а еще лучше вернуться в комнату.

Общаться с вожаком, когда он был вот такой собранный и безэмоциональный, запрограммированный на выполнение какого-то задания, было стремно. Терминатор, блин.

— Зачем тебе?

Сильные пальцы крепко сжали мое плечо, не позволяя отойти.

— Я нашел того, кто сделает это вместо тебя, зелье тебе больше не нужно.

— А ему? — я значимо поиграла бровями: — Твоему отважному герою оно нужно?

— Нет.

Вот этого ответа я совершенно точно не ожидала.

— Почему?

— Арем стар. Он прожил долгую жизнь и умереть хочет как воин.

— Я сама должна это сделать, — выпалила я, с ужасом осознавая, что Ксэнар может отдать мой шанс кому-то другому. Ему не обязательно даже получать мое согласие. Я простой человек, которого очень легко запереть в доме. Ни нечисть, ни душа лесных пожаров, ни Пограничная Огневица, ни Рагда даже.

Ярослава Волоцкая. Попаданка.

И, кажется, я действительно попала.

Чувствуя странное волнение внутри, сжала рубаху на груди вожака, очень сильно его этим озадачив и, забывшись, попыталась встряхнуть. Ничего, разумеется, не вышло, но я этого даже не заметила.

— Ты не понимаешь? Сам же столько раз говорил, что Волчице лучше знать, что все будет, как она хочет. Так почему это должен быть Арем? Я из этого прохода к вам пришла, мне его и закрывать. Понимаешь? Понимаешь?

Я говорила быстро, нервно. Волновалась очень, словно именно сейчас должна была решиться моя судьба.

— Если суждено мне к вам вернуться, значит я вернусь, а если нет, то и жизни здесь не будет. Ну, пойми!

Перехватив мои руки, беспомощно дергавшие его за рубаху, Ксэнар трудно, через силу кивнул.

Даже если он и не понимал всего до конца, то моя горячность его убедила. Безоговорочная вера в богиню, которая раньше меня так удивляла, на этот раз оказалась очень кстати.

— Вернешься, — сказал он убежденно, — и я тебя из самострела стрелять научу. Ты же хотела.

Это больше походило на неумелую попытку подкупа. Забавную и очень трогательную.

— Так руки же...слабые, — запал угас, я чувствовала себя уставшей и опустошенной.

— Для самострела сила не нужна, — усмехнулся он. Умиротворенный, уверенный в чем-то, только что пришедшим ему на ум, он даже посветлел лицом.

И меня успокоила его уверенность, придала сил. Теперь-то я знала, что нужно говорить, чтобы меня, наконец, поняли.

Валить все на волю Волчицы оказалось очень легко, даже приятно. Словно убеждая других, я только крепче убеждала во всем себя.

Единственное, что не могло не смущать, так это робкое сомнение. Слабая неуверенность в том, что богиня не озвереет от возложенных мною на нее забот.

Обеспокоенная этими мыслями, я не поленилась даже лично наведаться на капище. В сумерках, в одиночку выбравшись из деревни, я как истинная нечисть, бежала из людского жилища, чтобы проморозиться на еще зимнем ветру, в котором с каждым днем все больше ощущалась весна.

Увязая в снегу по щиколотку, я бодро добежала до капища.

Идол Мано-Аль больше не наводил жуть. Оскаленная, недружелюбная волчья морда, вырезанная в дереве, не казалась уже опасной.

Это была Волчица. Хранительница этой деревни и этих земель.

Алис говорил, что на жертвенный камень в капище можно проливать лишь кровь. Нет другого подношения для Волчицы в пристанище ее духа.

И я принесла ей крови.

Не раздумывая, быстро, чтобы не струсить, полоснула себя по руке ножом, честно выкраденным с кухни, и щедро закапав камень своей кровью, я тихо забормотала.

Неловко, сбивчиво, смущенно. Меня никто не учил говорить с богиней, я не знала, как это делается, просто хотела попросить помощи.

Оборотни заразили меня своей верой в прапамать, уверенностью в том, что она следит за своими детьми, что я теперь одна из них. Часть стаи, дочь волчицы.

Любой психолог с удовольствием бы взялся изучать мой случай. Возможно, даже написал бы статью, скорее всего даже не одну.

Тут вам не какой-то Наполеон и не поехавший уфолог. Нееет, мой случай куда как интереснее.

— Ты, в общем, не злилась на меня, ладно? А я пойду.

Разговор вышел, не очень, я это понимала, но исправить ничего все равно не могла. Лучше я уже не скажу, а хуже не надо.

Неловко попятившись назад, прочь с капища, я осмелилась зачерпнуть снега, только отойдя от деревянных стражей на десять шагов.

Приложила снег к порезу и длинно вздохнула. На душе было тихо и хорошо... пока я не заметила красные глаза в темноте.

Тот же цвет, тот же размер, тот же дикий взгляд.

— Да ты ж утонуть должен был, — прошептала я.

Обидно было если честно. Меня спасли, из реки вытащили, а потом еще и выхаживали неделю, а этого на произвол судьбы бросили, но он выжил.

И не просто выжил, но, судя по всему, вернулся еще раз попытать удачу.

— Что ж за жизнь-то у меня такая? Что за жизнь?

Волк, замерев посреди белого, заснеженного поля, внимательно смотрел на меня и чего-то ждал. Его темная, огромная фигура четко вырисовывалась на белом снегу, в рассеянном свете растущей луны.

Между нами было двести метров, быть может, чуточку меньше...до ворот, а значит до защиты, было в два раза дальше.

Едва ли у меня был хоть один шанс добежать до безопасного места, да даже самый лютейший оптимист уже заказывал бы веночек на могилку и жалел о том, что не успел составить завещание, а я побежала.

Я же, черт возьми, Огневица, меня же ничего не возьмет, и эта лохматая жуть с красными глазами, тоже не возьмет. Подавится, скотина блохастая.

Девять шагов, ровно столько я успела пробежать, до того, как волк меня настиг.

Звонкий, оглушающий визг, вырвался из моей груди, стоило только крепким зубам ухватиться за край тулупа. Ашша, которая мне дырки от волчьих зубов на рукаве зашивала, пока я болела, точно не обрадуется, узнав, что тот же самый монстр прибавил для нее работы.

Низкий вой, разнесшийся над землей, вторил моему визгу. Выли от ворот. Оборотень, что стоял этой ночью на страже, и выпустил меня из деревни без всяких вопросов, подал сигнал беды.

И меня это должно было радовать, но оказалось довольно сложно радоваться, что похищение не осталось незамеченным, когда тебя уносят в лес. На этот раз волк рисковать не стал, и ненадежному льду предпочел кусты и коряги. Мне, опять

болтавшейся у него под брюхом, совсем не нравилось получать по голове и плечам ветками и отбиваться об коряги, коварно притаившихся в снежном укрытии.

Снег набился за шиворот, лез в уши и нос, залеплял глаза, делал меня беспомощной, мокрой и жалкой.

Ксэнар обещал, что зима будет теплой, и она была теплой, градусов тридцать, не ниже. Как утверждала Ашша, для этих мест это очень хороший показатель.

А я этой теплой зимой уже успела дважды заболеть и рисковала прихворнуть в третий.

Мы успели углубиться достаточно далеко в лес, когда волк, тормознул у дерева, на нижней ветке которого была развешена рубаха. Резко, мотнув головой, он швырнул меня в снег, а сам, кувыркнувшись через голову, встал уже человеком.

Мелькнул голым задом, сноровисто прикрыв его длинной рубахой, доходившей ему до колен, и только после этого обернулся ко мне. И сразу же ляпнул глупость:

— Ты только не бойся.

Лицо в полумраке разглядеть сразу не удалось, зато голос я узнала.

— Так это ты! А еще навещал меня, сочувствовал, — руки совсем замерзли и утратили былую чувствительность. Я почти не ощущала снега под ладонями, и не могла даже представить, как больно мне будет отогреться, — признавайся, зачем на самом деле приходил? Добить хотел?

Рашис нерешительно приблизился, медленно, стараясь не пугать, опустившись на колени в двух шагах от меня. Холода он не чувствовал, от его тела шел легкий пар.

— Я бы не посмел, — с горячей искренностью заверил он, — для меня твоя жизнь дороже своей...

— Чего?

— Мне по осени ведунья предсказала, — говорил он медленно, тихо, пытаюсь меня успокоить. Словно я нервная лошадь или взбесившаяся собака, — что есть на земле Князя Волков, огонек, который мне путь к моему величию укажет, или на погибель обрежет.

Двигался он осторожно, неуверенно коснулся моих пальцев, готовый в любое мгновение отдернуть руку, только чтобы не напугать больше. Я не дергалась и руки не отняла. Уж очень горячей у него была ладонь. Согревающей.

— Я же к князю пришел на службу наняться, думал, буду по его поручениям разъезжать, всяко судьбу свою встречу, и подумать не мог, что огонек меня прямо в его доме поджидать будет.

— А ты не думал, что ошибся? Что это не обо мне тебя ведунья предупреждала? — я лучше всех других знала, что огонька во мне никакого нет. Разве только искра, да и та чуть не погасла, когда я под лед провалилась. — Может тебе и вовсе к Дубрам надо. У них же Смаг, там не один огонек, там целый костер найти можно.

— Я уверен, что про тебя речь, — непреклонно заявил он, бережно растирая мои руки.

— Вот чудак-человек, — фыркнула я, но тут же спохватилась, — прости, не человек. Но ты сам посмотри, я сейчас совсем холодная, тебе меня греть придется, ну какой из меня огонек? Ледышка я, не больше.

— Ты Огневица, — уверенно сказал он, — а то, что сила твоя зимой спит, многие знают. Тебе просто в огне погреться на...

— Даже не думай! — вырвав свои руки из его пальцев, я попыталась отползти назад, но сапог зацепился за ветку и упрямо не пускал. — Не буду я в огне греться.

Рашис спорить не стал, покладисто согласившись и снова попытавшись взять мои руки в свои:

— Хорошо. До лета подождем, я готов, я терпеливый. А там ты уже в силу войдешь, и все случится.

Как же, все-таки, сложно с дураками.

— Ну так чего, тогда возвращаемся в деревню? — предложила я, радуясь, что по деревне еще не разошлись слухи о моем самоубийственно-героическом решении сделать большой бум.

Пускай ждет своего лета сколько угодно, я скоро, может, вообще дома буду.

— Нет. Мы уйдем отсюда. Тут недалеко укромное место есть, мы там переночуем, а завтра утром Тавр и Девр лошадей приведут.

— Подожди...ты собираешься отсюда уходить?

— Мы отсюда уйдем. Все вчетвером.

Потеряв дар речи, я беспомощно разглядывала его одухотворенное лицо.

Спасиите меня кто-нибудь, пожалуйста. Тут один неадекватный мужик решил взять судьбу в свои руки.

Мою, блин, родненькую судьбу, в свои мохнатые лапы.

— А если я тебя на погибель обреку, ты об этом думал? — спросила я, уверенная, что так и будет. Быть может, отыщи Рашис настоящий огонек, шанс на светлое будущее у него бы еще был, но я-то подделка. Что хорошего я могу ему принести?

Оборотень оказался просто непробиваемо самоуверенным.

— Я готов рискнуть.

У него было ровно двадцать минут, чтобы рассказать мне о своей судьбе, о том, как он жил, и почему готов чужую Огневицу прямо из дома выкрасть.

Мне не хотелось знать, что он один из тех несчастных, чья мать согрешив с оборотнем, после отказалась от сына, стоило ему в первый раз личину сменить. Не хотелось, потому что жалостливая очень была, и наслушавшись обо всех его злоключениях, боялась начать ему сочувствовать.

— Говорят, на заселке, где я вырос, как-то по весне отряд останавливался. Считалось, что это кмети княжеские, хотя никаких особых знаков у них не было. Но сила и удаль в них была такая, что многие девки не устояли, — Рашис грустно усмехнулся, — моя мать тоже. Понесла, но в лесу на откуп духам не оставила, за что ей спасибо. Вырастила, выкормила, а как превратился в первый раз, так вещи мои собрала, да велела уходить. Повезло мне.

— Чем это повезло? — спросила я, возмущенная таким отношением матери к своему ребенку.

— Тавра и вовсе на порог не пустили. А Звеня названный отец зарубил.

Рашис говорил просто, спокойно, словно это было в порядке вещей.

— Нас же попервости пятеро было. Вместе зверями по лесам бродили, вместе человечность свою искали. Да вот, один на топор напоролся, а второго Костяник выхолодил, когда мы зимой ночевать в лесу остались.

Рашис оборвал рассказ, прислушался, подобрался весь и резко взвился вверх, чтобы перекувыркнувшись, уже волком подняться на лапы, стараясь стряхнуть с шеи мешающую рубаху.

Огромный белый волк, бесшумно и страшно, выскочивший из ночной темноты, врезался в бок Рашиса. Рубаха слетела с него, а по снегу, огрызаясь и рыча, покатился черно-белый клубок.

Сидеть тихо и не отвечивать — в моем случае был бы идеальный вариант, но я не смогла.

Когда Рашис с жалобным визгом отлетел к дереву, а Ксэнар уже готовился к новому прыжку, готовый добить противника, я бросилась наперерез.

— Постой.

Жалостливая же, глупая и сама во всем виновата.

Пока наш вожак офигевал от моей тупости, Рашис действовал.

С трудом поднявшись на лапы, он бросился ко мне.

На спине у меня глаз не было, и я этого не видела, а среагировать на предостерегающий рык Ксэнара не успела.

Меня схватили за рукав и одним невероятным движением закинули на спину. В густой волчий мех я вцепилась инстинктивно, не сразу даже заметив, что он слипся от крови, и не чувствуя, как жжет порез на ладони.

Рашису хорошо досталось, он осознавал, что не сможет справиться с вожаком и решил сбежать.

А куда может сбежать оборотень, если он ранен, да к тому же еще и с внушительным довеском на хребте, а преследователь силен и очень зол?

Я почувствовала то мгновение, едва заметный переход, когда его лапа встала на волчью тропу.

Здесь снега не было. Только узкая, основательно утоптанная тропа и темнота вокруг. Темнота, в которой горели красные огоньки.

Ксэнар говорил, что эту тропу каждый должен прийти сам, но Рашис, кажется, таких подробностей не знал. Протащив меня на своей спине по страшной темноте, он вырвался в реальный мир, а меня сорвало с его спины и бросило назад. На тропу.

Темнота поглотила меня.

Если для оборотня в этой непроглядной мгле еще предусматривалось хоть какое-то освещение, то я, по мнению тропы, его не заслуживала. Узкой, но относительно надежной дорожки видно больше не было, я стояла в темноте, не имея понятия в какую сторону идти и что делать.

А красные огоньки приближались. Что-то прошуршало совсем рядом, не спеша нападать.

Огоньки стали еще ближе и больше не плыли во мраке, лениво и величественно, теперь они нетерпеливо метались, почти сталкиваясь и нервно дергаясь.

По сапогу проползло что-то толстое, тяжелое, очень похожее на какую-нибудь огромную змею.

Это была последняя капля. Стоять на месте и дальше просто не было сил.

Оцепенение, окутавшее сразу же, стоило только Рашису выскочить в реальность, оставив меня здесь одну, спало.

Я отступала медленно, не делая резких движений, старательно не выдавая того ужаса, что разлился по всему моему телу ослабляя мышцы и мешая мысли. Просто осторожно отступала, ничего особенного. Подальше от этих красных огоньков.

В какой-то момент повернулась к ним спиной, чувствуя, что сил смотреть на это нетерпеливое перемигивание больше нет.

Я шла медленно, настолько медленно насколько это было вообще возможно. Осознала, что выдержка меня подвела, когда почувствовала, как колет в боку, а легкие разрываются от быстрого бега. Мозг плохо работал, не справлялся с нагрузкой, просто

не мог пробиться сквозь толстый слой липкого, холодного ужаса, оставив меня на инстинкты.

Инстинкты помогали не очень. Все, что они от меня требовали — это бежать. Не останавливаться, не оборачиваться, не дать странной штуке, шуршащей за спиной, меня поймать.

Огоньки метались по левую руку от меня. По правую было совсем темно, а за спиной шуршал мой ужас.

И я бы хотела Ксэнарнуть направо, попытаться сбежать от того, что позади, в надежде, что оно просто ползет по прямой, но Ксэнар говорил, что с тропы сходить нельзя и пусть я не видела этой тропы, но чувствовала, что она у меня под ногами. И пока это так, я в относительной безопасности.

А то шуршание позади... это скорее всего просто страшный звук, призванный меня напугать. Как шаги в прошлый раз.

Ничего ужасного. Главное не останавливаться. Не оборачиваться...

Шуршание за спиной прекратилось, и я с облегчением вздохнула, даже чуть сбавила темп, позволив себе немного пройтись.

— Вот черт, — мой кошмар неожиданно закопошился впереди, — нет-нет-нет.

Он шуршал не переставая, словно бы располагался поудобнее, готовился принять меня в свои холодные объятия и съесть. А я послушно шла прямо к нему, медленно, неохотно, но неотвратимо.

Безвыходная какая-то ситуация.

Впереди утробно зарычали.

О том, что нельзя бояться, я вспомнила слишком поздно. Вокруг ноги обвилась щупальца, страстно сжав мой сапог.

Она была очень рада мне, как и я была бы рада еще вчера большому шоколадному тарту.

Вкусная еда.

Кольцо — полезный дар жреца, мигнуло тусклым светом и засияло звездой на моем пальце, разгоняя темноту вокруг, позволяя разглядеть серую щупальцу, обхватившую мою ногу. Она была толстая, мясистая, влажно поблескивающая, отвратная с какой стороны не посмотри. Мышцы под тонкой кожей сокращались, резко подтягивая меня к себе, синие тонкие, нити, очень похожие на вены, пульсировали, перегоняя жидкость, заменяющую этому существу кровь, от сердца по всем сосудам. Если оно у этого создания вообще было. В любом случае, биология подготовила меня к тому, что для циркуляции крови в организме не обязательно иметь сердце.

Этот же мир собирался примирить меня с мыслью, что не всегда нужна голова, чтобы поесть. В конце концов, рот может находиться и в каком-нибудь другом месте.

Щупальце упрямо и очень уверенно, подтаскивало меня к огромному, раздувшемуся шару, бледно сияющему синими, пульсирующими сосудами, а посередине этого шара зияла круглая, полная зубов пасть. Дружелюбно открытая по случаю скорого обеда.

Еще два рывка я просто тупо пялилась на острые, треугольные зубы, несколькими рядами уходящие в глотку.

Не сразу удалось вспомнить, что обед сегодня как раз таки я, и если в моих планах на завтра не значилось медленное и ленивое переваривание в этом раздутом монстре, то нужно что-то делать.

У меня хорошо получалось визжать, но еще лучше вышло освободиться. С коротким вскриком согнувшись, на пару секунд прекратив орать, я попыталась отодрать от своей ноги эту жуть, или хотя бы чуть ослабить хватку, чтобы просто снять сапог. Лучше я

буду босиком тут бегать, чем вообще уже никогда не буду бегать. Ладонь прострелило острой болью, но я почти не обратила на нее внимания, занятая попытками спасти свою жизнь.

Приятной неожиданностью стало странное шипение, непередаваемое, не похожее ни на что. Так во всяких фильмах ужасов озвучивают смерть какого-нибудь мерзкого чудовища. С визгом, бульканьем, нечеловеческими подвываниями.

Кольцо, которым я коснулась щупальца, оставило на нем маленькую подпалину. Недостаточную, чтобы чудовище меня выпустило, но вселяющую надежду на спасение.

Вцепившись в щупальце, я крепко его сжала, борясь с гадливостью. Скользящая, холодная плоть дрожала и извивалась в руках.

Земля, если эту черную, твердую как камень субстанцию вокруг, можно было назвать землей, задрожала вокруг шара с зубами.

Вслед за первым, ухватившим меня, на свет моего кольца ринулось второе щупальце, только выкопавшееся, оно опоздало буквально на секунду.

Первое, основательно прожаренное, не смогло и дальше терпеть такие издевательства, и, выпустив меня, метнулось под защиту зубастого мешка.

Увернувшись от второго я успела подняться и отбежать на несколько шагов, выйдя из опасной зоны.

Кольцо светило лучше фонарика, позволяя мне рассмотреть ровную черноту земли под ногами. Тропинки видно не было. Меня с нее стащили, я понятия не имела куда теперь нужно идти, и что будет дальше. А еще на меня ворчливо ругалась лишившаяся еды мерзость за спиной. Она скрипуче стонала и булькала под ритмичные удары щупальцами.

Бредя в непроглядной темноте вперед, единственное, на что я надеялась, было мстительное предвкушение того, как вожак вот прямо сейчас нашел Рахиса и медленно, со вкусом, разделяет его на маленьких, несчастный и во всем раскayавшихся рахисиков.

О том, что Ксэнар может остаться меня на тропе разыскивать, я как-то не подумала. Просто, так застрашал он меня в первый раз моего здесь пребывания, что я искренне считала, будто вытащить меня отсюда невозможно.

Сложно сказать, почему сама продолжала куда-то идти. Наверное, все же, верила в чудо. Хоть и понимала какой-то маленькой, рациональной и очень гадкой частью своего сознания, что я заблудилась и рано или поздно здесь умру. От истощения, от чужих зубов или когтей, или еще чего-нибудь пострашнее (никто ж не знает, что тут водится).

Но колечко пока светило, оберегая меня от недовольного копошения в темноте, и я могла идти вперед.

В месте, где не существует времени, трудно определить, как долго ты идешь.

Я не чувствовала усталости, нервы были на пределе, тело, под завязочку накаченное адреналином, переоценивало свои возможности, но почувствовать голод я была в состоянии. И я его чувствовала. А значить это могло только одно: брожу я здесь уже давненько.

— Если выберусь отсюда, найду Рахиса и съем его печень, — я говорила громко, но звук моего голоса был очень слабым, едва слышным, словно я шепчу. Тьма вокруг надежно поглощала все звуки.

И чем дальше я шла, тем тише становилось. В один прекрасный миг, осознав, что уже просто не слышу своего дыхание, испугалась достаточно сильно, что бы повернуть назад. И даже умудрилась немного пробежаться, что бы поскорее выбраться из этой неправильной тишины.

Это было самое умное, что я вообще умудрилась совершить в этом мире.

Белый волк выскочил на свет неожиданно, чуть не доведя меня до сердечного приступа.

Глухо рыкнув, он пролетел мимо, резко затормозил, отчего его смешно занесло — нервный смешок помимо воли вырвался из груди, но мне за него было совсем не стыдно, не плачу — и то хорошо; и встал, низко опустив голову.

Ксэнар тяжело дышал, лапы дрожали и разъезжались, левый, потемневший от крови, бок был глубоко вспорот, на задней лапе виднелась в проплешинах покрасневшая, воспалившаяся кожа, словно кто-то присосками вцепился в нее, и отодрался уже только с мехом. Правое ухо было порвано, а морда вся перепачкана чем-то черным и отвратительным на вид. У Ксэнара, в отличие от меня, не было чудо-кольца, его нечему было защитить от того, что живет в этой недружелюбной темноте.

Припадая на заднюю лапу, он приблизился ко мне и первое, что сделал — обнюхал. Основательно, ответственно, сунувшись носом даже мне в лицо.

От него самого пахло просто ужасно, и я не могла даже представить, что он надеется нюхать, все перебивала эта резкая, едкая вонь, исходящая от черной гадости на его морде.

Но я все равно смиренно стояла на месте, позволяя ему делать все, что вздумается. Пусть нюхает, сколько влезет, может даже на вкус попробовать, я не против, лишь бы он забрал меня отсюда.

Я не знала, чтобы со мной было не появиться здесь Ксэнар, но он здесь, теперь я чувствовала себя в безопасности и уже почти любила его за это.

Когда мы выбравшись из темноты, сошли с тропы, возвращаясь в реальный мир, живой, полный запахов и красок, рядом с которым тропа казалась стерильной подделкой, там уже царствовал рассвет. Жутко было даже представить, сколько мы бродили в темноте. Ксэнар, едва передвигал лапами, и я, из последних сил цеплялась за мех на его холке.

И еще страшнее было осознать, что путь наш был незавершен.

Вынырнули мы почти в десяти километрах от деревни по колено в снегу.

— Рашис вернется, — уверенно прошептала я, ощущая, как мороз пощипывает щеки, и шалея от этого чувства, — обязательно вернется в деревню за своими товарищами. И я его придушу.

Ксэнар согласно фыркнул, и мы медленно поковыляли вперед.

Я была совершенно измотана, морально опустошена и отупело равнодушно, хотя чувствовала, что должна собой гордиться.

Выбраться с волчьей тропы целой и невредимой — многим ли это по плечу?

Только Князю Волков, которого, по умолчанию, ни одна гадость не возьмет, и бешеной Огневице, которую если какая гадость и попробует взять, то в лучшем случае просто подавится.

ГЛАВА XIX. Замуж

Ночь выдалась изматывающей и сложной, и утро, чтобы окончательно меня добить, не иначе, решило начаться со смущающей случайности.

Я совсем не ожидала, что столкнусь с Сэнаром, выходя из спальни царя. Он такого тоже не ожидал.

— О... — Эва смерил меня взглядом, не поленившись отметить общий бледный вид, залитую кровью сорочку и потухший взгляд. Помятый царь за моей спиной дополнял унылую картину. — Что ж, вижу, поздравлять вас с хорошо проведенной ночью нет никакого смысла. Но могу я хотя бы узнать, надежно ли вы спрятали труп?

— Нет никакого трупа, — угрюмо призналась я, снова вспомнив Пламенеющего.

— Меня пугает сожаление в твоем голосе, — признался Сэнар, поднял взгляд на царя и спросил: — Мне стоит что-то знать?

— Нет.

Ответ ему не понравился, но эва не настаивал, уловив опасные нотки в голосе брата.

— Хотя бы помочь чем-нибудь я могу? — поинтересовался Сэнар. И услышал ожидаемое:

— Нет.

Подтолкнув меня вперед, Ксэнар строго сообщил уже мне:

— У тебя есть пять минут.

Одарив Сэна несчастным взглядом, я поспешила в свою комнату. Нужно было привести себя в порядок, чтобы впервые за прошедшие дни выйти на улицу в приличном виде... хотя бы отдаленно приличном.

Сменить испорченную сорочку на шерстяное платье с длинными рукавами и высоким воротом я успела, умыться или хотя бы расчесать волосы — нет. Ксэнар был не в том настроении, чтобы ждать, а я была не в том положении, чтобы что-то требовать.

Потому косу заплетала уже на ходу, спеша за царем по лестнице. На выходе едва успела затормозить, чтобы не врезаться в спину Ксэнара.

И за порог, в густой рассветный туман, выходила осторожно, взволнованная и оттого не очень расторопная. Мялась на крыльце, не без опаски спустилась по лестнице и, постоянно оглядываясь, лишь чудом удержала себя от того, чтобы не вцепиться в царя.

Ощущение было такое, будто за мной со всех сторон наблюдают, а я об этом не знаю, потому что кругом туман и мой слабый человеческий глаз ничего в нем не различает.

Смиряла страх лишь решительность царя. Не страдающий мнительностью, защищенный от любых страхов верным топором, он шел вперед...

Я пыталась себя уверить, что мне бы тоже было ничуть не страшно, окажись я вооруженной, но неутешительная правда заключалась в том, что никакое оружие мне смелости или решительности не прибавит. Это я еще ночью хорошо уяснила и обманываться уже попросту не имела права.

Вокруг курятника, поредевшая, тихая и какая-то растерянная, бродила куриная стайка.

Птицы прыснули в разные стороны, стоило нам только приблизиться.

— Напуганные, — зачем-то отметила я очевидное.

— Главное, чтобы яйца прятать не начали, — рассеянно отозвался Ксэнар и, не оглянувшись даже на меня, скрылся в курятнике.

У эва домашняя птица, как, впрочем, и домашний скот, делилась очень странно. Один

курятник, или коровник, или свинарник... или еще какой-нибудь загон для домашней живности мог принадлежать сразу нескольким семьям, что, несомненно, облегчало жизнь и экономило землю. А в болотистых местах надежная земля все же ценилась... Но и создавало серьезные проблемы в неурожайные и сложные года. И если напуганная птица вздумает откладывать яйца где-нибудь в кустах, или в траве, или в укромном месте под домом...

— Рагда! — поторопил меня Ксэнар из темноты курятника.

Я встряхнулась и перестала осматриваться, вяло удивившись своим мыслям. Еще несколько месяцев назад я и знать не знала таких подробностей жизни. Как же легко все меняется.

Когда я заглянула в курятник, царь протянул мне ладонь, на которой лежали останки амулета.

— Это он?

На тонкой порванной цепочке висел неровный, потемневший от засохшей крови, полностью лишенный магии осколок.

— Да. — Я протянула руку, желая забрать его, но Ксэнар сжал пальцы, не позволяя мне этого сделать.

— Он останется у меня, — ответил на невысказанный вопрос и тут же велел: — Отойди в сторону.

Я подчинилась, с недоверием глядя на то, как царь собственноручно, используя исключительно топор и грубую силу, вырубил из пола доску с темными следами пролившейся крови.

— И что вы будете с этим делать? — спросила я, не сумев сдержать любопытства.

— Если все, что ты рассказала мне о его перемещениях, правда, — Ксэнар нехорошо улыбнулся, — дождись его следующего визита.

Я надеялась, что Арис еще появится, но с каждым днем верила в это все меньше. Он вернул мне память и должен был понимать, что я не смогу удержать нашу кровавую тайну в секрете от царя... а значит, будучи в здравом уме, маг едва ли решится вновь явиться в поселение.

Я бы на его месте не рискнула, о чем и хотела сообщить царю, а вместо этого сказала совсем не то, что хотела. Но то, что больше всего мучило меня всю ночь. Мысли об Арисе разожгли мои опасения с новой силой, и я не смогла их сдержать.

— Аратан станет меня искать. После того, что я сделала, уж точно.

— Топи будут ему рады, — равнодушно ответил Ксэнар, вороша солому и внимательно рассматривая пол поблизости. Разыскивал незамеченные кровавые следы.

— Он сильный маг. Огонь любит его...

Царь поднял на меня глаза и произнес:

— Топи будут ему очень рады.

Я не сдавалась.

— Его ведовки...

— И его ведовкам, и его армии, и всему совету магов, — перебил меня Ксэнар. — Поверь, Рагда, то, что пробудил маг, способно уничтожить любую угрозу.

— А мы? — напряженно спросила я. — Нас оно тоже уничтожит?

— Если я не успею восстановиться до того, как Топи обратят свое внимание на наши земли, — кивнул Ксэнар.

— Восстановитесь? — Он поднялся и двинулся к выходу, и первым моим порывом было преградить ему путь и выпытать все важные ответы, но я не рискнула, только поспешила следом. — Что значит «восстановитесь»?

Царь замер на пороге, пошатнулся и с тихим, каким-то злым стоном прикрыл глаза ладонью.

Я тут же всполошилась.

— Что такое? — Последние события серьезно подточили мое спокойствие, теперь я готова была нервничать и паниковать по любому поводу. А сгорбившийся на свету царь — веская причина для переживаний.

Оттащив его обратно в полумрак, я дрожащими пальцами отвела его руку от лица и резко выдохнула.

Глаза у царя светились знакомой зеленью.

— Свет, — коротко пояснил он и потер переносицу. — Переход на столь большое расстояние не просто мне дался.

В его голосе не было осуждения.

Зато в моем его было слишком много.

— Так зачем вы это сделали? Вы же уже тогда знали, что на нас надвигается, так? — Он кивнул, и я вспылила. — Для чего нужно было тратить столько сил?

— Я имел право на злость, Рагда. Не тебе меня осуждать, — сухо ответил царь. Попытался отодвинуть меня со своего пути, но я не поддалась — теперь уже мне было неважно, на что я имею право, а на что нет. Тогда он попробовал меня обойти, я преградила путь. — С дороги.

— Конечно, вы имеете право на злость, — согласилась я, пропустив его требование мимо ушей. Сердце заходило от волнения и беспомощного, щемящего чувства потери. Я совершила непростительное и потеряла что-то неповторимое. Что именно, понять не могла, но отчаянно цеплялась за ускользающую надежду это вернуть. Нужно только понять как. — Но не на безрассудство!

По потемневшему лицу Ксэнара я запоздало поняла, что последнего говорить не следовало. Это были не те слова.

— Простите. — Я потупилась и отступила в сторону, освобождая дорогу. В безнадежном стремлении сделать хоть что-то спросила: — Сколько времени вам понадобится на восстановление?

На ответ и не надеялась, но все же его получила.

— Несколько дней.

— У нас они есть?

— Не знаю.

Осознавая свою неправоту, я пыталась просить прощения за резкие слова. Ксэнар не позволил. Остановил в самом начале нелепых извинений.

Но согласился быть ведомым, проявив доверие, которого, мы оба это знали, я не заслуживала. Хотя выбора у него все равно не было, и по туманным улицам, с закрытыми глазами, чтобы хоть как-то притупить боль, Ксэнар шел по моим следам. Я чувствовала, как была напряжена его рука в моих пальцах.

Стоило нам только оказаться в доме, царь тут же отпустил меня и, не говоря ни слова, ушел.

Наверное, я должна была смириться с происходящим и позволить жизни складываться самостоятельно. Я уже достаточно глупостей натворила, пора было бы остановиться.

Поступить разумно.

Мучительно было понимать, что Ксэнар на меня больше не смотрит и по возможности старается избегать. Это заметила не только я. Сэнар, после тягостного завтрака, мрачного обеда и безжизненного ужина, устал делать вид, что ничего не происходит.

В полутемном коридоре, перед самым сном, когда я спешила из уборной в теплую кровать (запретив себе проверять, будет ли сегодня разожжен камин на втором этаже), меня ждали.

Подхватив под руку, не позволяя замедлиться или вовсе остановиться, Сэнар протащил меня до двери моей спальни, воровато огляделся и безжалостно затолкал в комнату. После чего закрыл дверь и потребовал:

— Рассказывай.

— Что?

— Где труп, которого, по твоим словам, нет? Что случилось ночью? Почему ты была вся в крови и почему у тебя перебинтована рука?

Я опустила взгляд на ладонь, сжала и разжала пальцы и вздохнула.

— Я устала.

— Намек не понят.

— Послушайте, давайте вы сами придумаете какое-нибудь правдоподобное объяснение, а я его подтвержу. Ладно?

— Мне нужна правда.

— Не нужна. Поверьте.

Он долго Ксэнарлил меня взглядом, но я не сдавалась. Мне уже пришлось пожалеть, что я рассказала правду царю. Повторение этой пытки меня бы убило.

Сэнар бывал наглым, упрямым, бесцеремонным, и я готовилась к долгому противостоянию, но его не случилось.

— Дожил, у вас уже тайны от меня появились, — проворчал он. — Хотя бы пообещай, что помиришься с братом. На него страшно смотреть.

Я напомнила себе, что собиралась тихо ждать развязки, ни во что больше не ввязываться и изображать предмет интерьера. И сказала:

— Хорошо.

Сэнар поКсэнарлил меня взглядом еще несколько мгновений, ничего не добился и ушел. Я осталась наедине с почти невыполнимым обещанием.

На следующее утро Ксэнар на завтрак не спустился. И меня, подгоняя напутственными речами, на пару с Агнэ, распугав всех домашних работниц, Сэнар погнал с подносом в царскую спальню.

Решил начать мирительную миссию с самого утра.

Мы не стучали. Просто Агнэ распахнула дверь, а Сэнар втолкнул меня в комнату и отрезал пути к отступлению.

Было слышно, как с той стороны царевна неуверенно спросила, правильно ли они поступили. Сэнар считал, что правильно.

Я хотела возмутиться, но перекрикиваться через дверь было странно. Особенно в присутствии царя.

Даже несмотря на то, что Ксэнар лежал на кровати и признаков жизни не подавал.

Сквозь плотно задернутые шторы едва пробивался тусклый свет, создавая в спальне серую и унылую атмосферу.

— Вашество? — Дребезжа тарелками, я добралась до стола, на который свою ношу и сгрузила. — С вами все хорошо?

Ответа не последовало.

Я не решилась включить свет или отдернуть шторы, подобралась к постели и после недолгих сомнений принялась за поиски. Под двумя одеялами и пледом, закутавшись во что-то шерстяное и мягкое, лежало едва дышащее тело.

К холодной влажной шее прилипли выбившиеся из косы пряди, я осторожно дотронулась до кожи и поежилась.

— Я позову Ллэт, — пообещала Ксэнару, но не успела даже руки отнять, как на моем запястье сжались холодные пальцы.

— Не смей.

— Вы же больны. Нужно позвать лекаря.

— Это не болезнь. — С трудом, жутко втягивая воздух сквозь сжатые зубы, Ксэнар сел на постели, не выпустив меня на свободу. — Это недостаток силы. Завтра будет лучше.

— А вы до завтра доживете?

Он не счел нужным отвечать на мой вопрос. И задал свой:

— Что ты здесь делаешь?

— Завтрак вам принесла. Чаю хотите? Горячего?

Ксэнар усмехнулся.

— Теплее мне от него не станет.

— А от чего станет? — тут же ухватилась я за его слова. — Хотите, я вам еще одеял принесу?

— Живое тепло.

— Э-э-э... Сэнара привести? — с сомнением предложила я.

Ксэнар кашлянул и передернул плечами. Его мое предложение чем-то оскорбило.

— Не стоит. Сам справлюсь.

— А...

— Просто уйди, будь добра, — велел он и медленно, по одному, разжал пальцы, отпуская мою руку.

Я не могла его оставить, но не знала, что делать. Ллэт звать он запретил, Сэнара ему не надо, Агнэ опасно, мало ли, вдруг это заразно и она завтра такая же холодненькая будет?

— Знаете, я, конечно, не очень теплая, но давайте я вас погрею?

В моем представлении ему просто надо было растереть руки и ноги, как мне это нянюшка в детстве делала после зимних прогулок. Только в моем детстве еще было много горячей воды, но если Ксэнар говорит, что нужно только живое тепло...

Я размяла руки, в ожидании его ответа готовясь к работе. Он молчал, с сомнением глядя на мои приготовления. Желание погреться боролось в нем со злостью на меня и чем-то еще, что эту злость лишь усиливало.

В конце концов жажда тепла победила, и Кэнар сказал то, после чего любая воспитанная

девушка тут же свалилась бы в обморок. Или устроила истерику... или скандал.

— Ложись, — велел он, освобождая мне место.

Я застыла, прислушиваясь к себе и пытаюсь понять, почему меня не тянет устраивать истерику или скандал. Заминку мою Ксэнар разгадал неправильно.

— Я так и думал, — кивнул он. — Можешь идти.

— Знаете что, надеюсь, вы не заразный. — В постель я забралась быстро, уже из-под одеяла сбросив на пол домашние туфельки.

Легла, вытянула руки вдоль тела и уставилась в потолок, стараясь не касаться лежавшего рядом мужчины.

Он странно хмыкнул и начал шевелиться. О сходе ледников мне читать доводилось. Несколько раз в книгах и один раз в газете, найденной на кухне. О наползающих ледниках я никогда раньше не слышала, но оказалась его жертвой.

Ксэнар был ледяной и очень целеустремленно на меня наползал. Укрыл своим холодом, голову на грудь положил, рукой за талию обхватил и замер.

А я ни вдохнуть, ни выдохнуть толком не могла, и не только оттого, что голова у ледника была тяжелая, но и просто... не дышалось нормально.

— Рагда, я не пристаю, успокойся.

— Я спокойна, — соврала не очень убедительно и в ответ получила безжалостное:

— Я слышу, как стучит твое сердце.

— Я спокойна, просто немного задыхаюсь.

Он пошевелился, подтянулся выше, устроившись на плече и уткнувшись холодным носом в шею.

— Так лучше?

Так было еще хуже, но я не решилась об этом говорить.

— Да, благодарю.

Полежав так немного и рискуя в прямом смысле схлопотать сердечный приступ — сердце стучало как ошалелое, никак не желая успокаиваться, я осторожно спросила:

— И сколько ждать, пока вы согреетесь?

— Ты можешь уйти в любой момент.

— Ага... но согреетесь-то вы когда?

Ксэнар пожал плечом.

Более понятного ответа я не получила, но осталась лежать. Станным казалось бросить его, такого холодного, когда я могла помочь. Пускай и таким смущающим образом.

Скоро Ксэнар задышал ровно, расслабился, навалился на меня сильнее.

И я лежала, не зная, куда деть руку, так неудачно оказавшуюся над плечом царя, и не имея возможности просто пошевеливаться. Первое время еще крепилась, терпела, Сэнарвно надеясь, что он либо проснется, либо повернется как-нибудь удачно и выпустит меня на свободу.

Но время шло, а я так и лежала, с уже порядком онемевшей рукой на весу, в неудобной позе, под тяжелым царским телом. И терпение мое закончилось, я завозилась, желая если не выбраться, то хотя бы лечь удобнее. Несмело опустила руку на спину Ксэнара, готовая в любую секунду ее отдернуть.

Ничего не произошло.

Мои копошения его не разбудили, а я смогла наконец расслабиться... насколько это было возможно в моей ситуации.

Выдохнула с облегчением и бездумно уставилась в потолок.

Не так чтобы скоро, в коридоре началась возня. Должно быть, Агнэ стала волноваться из-за того, что я так долго не возвращаюсь. Сэнар же был настроен решительно, не спешил проверять, что у нас тут творится, и царевне пытался запретить.

Но устоять перед напором своей решительной племянницы ему было не суждено.

Когда дверь распахнулась, я зажмурилась, старательно притворяясь спящей. Если бы могла, одеялом бы с головой накрылась, чтобы меня и видно не было. Но я не могла.

Вернее, не успела.

— О...

— Рано тебе еще на такое смотреть, — проворчал Сэнар, судя по всему закрыв Агнэ глаза ладонью.

— А что они там...

— Спят. И мы не будем им мешать.

Лучше бы я правда спала и не слышала торжества в его голосе.

Не знал Сэнар, что случилось и почему я в одной кровати с его братом нахожусь, иначе бы не радовался.

Я была уверена, что так и пролежу, исследуя потолок, дожидаясь пробуждения Ксэнара, но сон меня все же сморил.

Проснулась я уже в сумерках, на отогревшемся царе. Когда мы поменялись местами, я не знала, но очень удивилась, обнаружив себя в столь возмутительной позе. Закинув на него ногу и руку, я без стеснения использовала Ксэнара в качестве подушки.

Одно одеяло лежало на полу, покрывало сбилось в ноги, а я, кажется, могла собой гордиться. Отогрела целого царя.

Считая на этом свою миссию выполненной, я попыталась уползти прочь. Тут-то и началось все самое интересное.

Пока я осторожно головой крутила, Ксэнар вроде как спал, но стоило мне только попытаться сбежать, как сразу выяснилось, что он давно уже бодрствует.

— Куда-то торопишься?

Не знаю, какой реакции он ждал, но мне совершенно точно удалось его удивить.

подавив отчаянный порыв ускориться, я медленно выдохнула, собрала остатки самообладания, села, пригладила волосы чуть нервным жестом и ответила вопросом на вопрос:

— Как вы себя чувствуете?

Положение мое было ужасным. Я спала в постели с мужчиной, и тому были свидетели. Моя репутация оказалась окончательно загублена, но никакого сожаления по этому поводу я почему-то не испытывала.

Я чувствовала себя не опозоренной, а отдохнувшей.

— Хорошо. — Ксэнар не предпринял ни единой попытки подняться. Он продолжал лежать, с недоверием глядя на меня снизу вверх. — Ты?

— Выспалась.

Я не спала всю прошлую ночь, почти не спала эту ночь, и, когда оказалась в кровати, ошалевший от переутомления организм решил оторваться по полной, отказываясь принимать во внимание мое возмутительное соседство с царем.

Зато я наконец чувствовала себя хорошо.

И даже наше незавидное положение, угроза из Топей и все мои промахи уже не казались такими непоправимыми.

— А теперь я, наверное, пойду. — Я попыталась выбраться из кровати, опустила даже одну ногу на пол... и замерла в удивлении, когда Ксэнар схватил меня за руку.

— У тебя есть какие-то неотложные дела?

Я честно задумалась. Дел у меня не было. А попадаться на глаза Сэнару или Агнэ было опасно и вообще не хотелось.

— Нет.

— Тогда побудь со мной еще немного.

Приказ, очень неловко прикрытый просительным тоном, подталкивал меня к бунту.

Отказаться, вырвать руку из все еще слабых пальцев, встать и уйти...

Словно почувствовав мой настрой, он добавил:

— Пожалуйста.

Я не смогла уйти. Послушно забралась на кровать, затягивая вслед за собой второе одеяло, и застыла. Нахохлилась, чуть сгорбившись, не зная, куда себя деть.

Ксэнар молчал, чего-то дожидаясь.

Поняла я его терпеливый взгляд не сразу. И не сразу поверила, что поняла правильно.

И каких же сил мне стоило просто спросить:

— Что... прямо лечь?

— Если тебя не затруднит, — подтвердил мои самые смущающие подозрения царь.

Я определенно не должна была этого делать.

Но опасаться уже было нечего, а под боком Ксэнара очень хорошо спалось. Была у меня даже слабая надежда, что я сумею отоспаться еще на несколько беспокойных ночей вперед.

Я легла. Сначала просто на подушку, но после спокойного уточнения: «Как лежала, пожалуйста» — переползла на царя. В этот момент я чувствовала себя просто одурающе смелой. Все мои былые заслуги меркли на фоне столь безрассудной героичности.

— Вы же вроде уже согрелись, — исключительно порядка ради заметила я.

— Да, — подтвердил Ксэнар, ничего больше не говоря.

Некоторое время мы лежали в тишине. Я даже начала засыпать самым возмутительным образом, когда царю вздумалось пообщаться.

— Я знаю о вашем с Сэнаром плане, — нарушил он такую уютную тишину своим тревожным заявлением.

— У нас есть план? — встrepенулась я. Попыталась приподняться, но была прижата к царскому плечу тяжелой рукой.

— Уже забыла?

Я лихорадочно пыталась вспомнить, что мы могли планировать, но, кроме свадьбы — дурной Сэнаровой идеи, ничего в голову не приходило. И если это и был тот план, о котором царь знает... значит, он должен был бы считать, что я расчетливая, подлая, нацеленная на его трон стерва. В свете-то последних открытий.

Но Ксэнар меня сейчас не душил в порыве ярости, а обнимал... сильнее, чем следовало, конечно, но даже не больно. И до смертоубийства было еще очень далеко.

— А-а-а... вы не напомните? — беспомощно попросила я, окончательно запутавшись в своих страхах.

Ксэнар напомнил. Именно о том напомнил, что я не забыла и из-за чего больше всего переживала.

Не готовая оправдываться, я тихо злилась на него, не понимая, зачем поднимать эту тему именно сейчас.

Недостаточно виноватой я себя чувствовала?

— Мне ваш трон не нужен! — проговорила я решительно, испытывая странное чувство, будто повторяюсь. Пыталась вывернуться из-под его руки, сесть, а лучше встать и отойти на безопасное для моих нервов расстояние. — И титул царицы тоже. И вообще... вообще...

— Очень зря, — без тени насмешки отозвался Ксэнар. — Лежи, пожалуйста, смирно. Я не закончил.

Я еще пару раз дернулась, не смогла отвоевать свободу и вынуждена была прекратить борьбу, напряженно исподлобья заглядывая в его лицо. Знать, что он скажет дальше, мне совсем не хотелось, но и отказаться выслушать его я не могла.

— То, что ты совершила... — Я открыла рот, собираясь оправдываться, но меня жестко перебили: — Молчи. Твоя вина очевидна, тебе стоило бы уже с этим смириться.

И я затихла, вжавшись лбом в его плечо.

— Я никому не открою правды и надеюсь, ты будешь осторожна, но есть еще маг, которого мы не контролируем.

Это простое «мы» меня приободрило. Было в нем нечто такое... рождающее уверенность, что меня в беде не бросят. Несмотря ни на что.

— Вы же не думаете, что он все расскажет? Арис же не дурак.

— Я не готов рассчитывать на его здравомыслие. — Царь позволил себе колкое замечание: — Глупости пробудить Топи ему хватило.

— И что делать?

— Если о случившемся узнает род, всей моей власти не хватит, чтобы защитить тебя от их гнева. Они будут в своем праве.

— И казнят?

Я поежилась. Представлять возможный исход не было никакого желания, но страшная картина сама вставала перед глазами.

Против ожидания, больше всего меня пугал даже не гнев рода, но возможная реакция тех, кто был мне бесконечно дорог.

Что бы случилось, узнай Агнэ правду? А как бы отреагировал Сэнар?

— И казнят, — подтвердил царь. — Я мог бы отправить тебя в Серебряный город. Если выехать завтра, есть шанс, что перевал будет еще свободен от снега...

— Не надо, — тихо перебила его я. Мысль о том, чтобы уехать отсюда, бросить все то, что составляло мою жизнь, казалась куда страшнее возможной казни. Я уже однажды все

потеряла и не готова была потерять еще раз. Возможно, у меня были какие-то проблемы с расстановкой приоритетов или после всего случившегося я перестала должным образом ценить жизнь... Я не могла уехать. — Я лучше рискну.

— Но я слишком эгоистичен, чтобы это допустить, — словно не услышав меня, продолжил Ксэнар. — Я долго думал, перебирал возможные варианты и нашел. Один.

И он замолчал.

Мне было непонятно, почему царь не продолжает, я чувствовала себя странно, не имея возможности заглянуть ему в лицо, вынужденная тыкаться носом в его рубашку. Неопределенность изматывала.

— И что это за вариант? — спросила я, когда терпеть стало просто невозможно.

— Я на тебе женюсь.

Сначала я не поверила своим ушам. Потом долго не верила в адекватность царя, но он упрямо не хотел признаваться, что пошутил, или так жестоко мне мстит, или его разум просто помутился от недавнего переутомления и он не понимает, что говорит.

— Топи привели тебя ко мне женой, кто я такой, чтобы им перечить? — напомнил он, взывая к моему здравому смыслу и удерживая уже двумя руками, — я слишком энергично вырывалась.

— Это всего лишь глупые человеческие суеверия.

— Рагда, только статус царицы сможет тебя спасти. Ты это понимаешь?

— Не понимаю! — рявкнула я и таки вырвалась. Выпрямилась, нервно откинула с лица волосы и, глядя Ксэнару прямо в глаза, выпалила: — Я не готова брать на себя такую ответственность.

— Что? — Ему тоже пришлось сесть. Ругаться со мной лежа царю было неудобно.

— Я же все про вашу ненормальную привязанность знаю. И что будет, если вы на мне женитесь, а через пару лет влюбитесь? Повторно вдовцом станете? Или всю жизнь будете мучиться?

Ксэнар устало прикрыл глаза рукой.

— Если так хорошо нас изучила, зачем глупые вопросы задаешь?

— Вопрос не глупый!

— Рагда, по-твоему, я бы каждому простил предательство? И насколько я обезумел, чтобы предлагать выйти за меня женщине, навлекшей на мои земли беду?

— Девушке, — мрачно поправила его я. — И вы мне ничего не предлагали...

— Хорошо. — Он схватил мои руки, сжал похолодевшие ладошки и спросил: — Рагда, ты выйдешь за меня?

Мне же хотелось плакать. Даже не оттого, что это предложение можно было считать самым нелепым, просто... обидно было очень.

Я всю жизнь приучала себя к мысли, что меня ждет выгодный родителям брак с человеком, который в лучшем случае будет мне не очень противен. И когда я наконец поверила, что моя жизнь теперь только моя, замуж меня зовет эва, чувства которого для меня очень важны. Я не хотела становиться главной трагедией его жизни.

А поверить в то, что меня можно было бы любить после всего случившегося, не могла.

— Какая-то неправильная у тебя реакция, — обеспокоенно сказал Ксэнар, заметив, как мои глаза наполняются слезами. — Что еще я сделал не так?

— Я не буду плакать, — пообещала невпопад. Позволила ему себя привлечь, обнять и

гладить по волосам. А в благодарность за поддержку уткнулась носом ему в плечо и правда не плакала.

Злосчастное одеяло опять сползло на пол, но я не обратила на это внимания.

И не сопротивлялась, когда меня настойчиво потянули на подушки и укрыли одеялом.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы меня любили, — пробормотала я в его рубаху. Быть честной оказалось так просто и очень приятно.

Ксэнар хмыкнул.

— И что мне нужно сделать, чтобы ты в мои чувства поверила?

— А вы о них рассказать не пробовали? До того, как все это случилось и вы решили меня замужеством спасти?

Он вздохнул. Терпеливо и немного замученно. Словно уже и сам об этом не единожды думал.

— В чем я мог раньше признаваться? Ты же ребенок совсем. А мне многого не надо, достаточно было знать, что ты цела, и видеться с тобой. Хотя бы изредка.

— Я не ребенок. Мне уже восемнадцать, — важно доложила я, решив не уточнять, что уже этой зимой отец планировал смотрины. И при самом неудачном раскладе была бы я к лету уже мужней женой...

— А мне тридцать... — Ксэнар оборвал себя на полуслове, сжал меня крепче.

В следующее мгновение тихо и осторожно приоткрылась дверь.

— Ну что там? — послышался нетерпеливый шепоток Агнэ.

— Все еще спят, — негромко ответил Сэнар.

— Точно спят? — обеспокоенно уточнила царевна. — Может, проверить?

— Агнэ...

— Нет, ну а вдруг им плохо?

— Если твоему отцу плохо в постели с хорошенькой девушкой, он мне больше не брат, — огрызнулся Сэн, закрывая дверь.

Какое-то время в коридоре еще можно было слышать приглушенные переругивания, но довольно скоро они стихли.

А я вспомнила, как царю было плохо и какой он был холодный, и не смогла смолчать.

— Вы ему больше не брат.

— Едва ли, — хмыкнул Ксэнар.

Весь вечер и всю ночь, на радость Сэнара, я провела в царской спальне. Отсыпалась и залечивала истрепанные нервы, пока Ксэнар восстанавливал силы и окончательно отогрелся.

Завтрак свой он съел лишь в полночь, щедро разделив его со мной. Спускаться на кухню и искать провизию мне было решительно лень. Ксэнару тоже. Потому обошлись мы тарелкой с холодной, уже совсем безвкусной кашей, чайником остывшего чая и высохшим хлебом с высохшим же местным сыром. Засыхая, он менял цвет с белого на какой-то серовато-зеленый, и в любое другое время я бы не стала его даже трогать, но среди ночи я была достаточно голодная, чтобы рискнуть.

Впервые в жизни я ела с кем-то из одной тарелки. Это было очень... уютно, что ли. И об этом совершенно точно никому не нужно было знать.

Я хотела сохранить эти мгновения только для себя.

ГЛАВА XX. Взаимовыгодное сотрудничество

Осень в этих краях была какой-то нарочитой. Слишком красные листья, очень яркие, огненные. Или, напротив, сияюще-золотые, теплые. И трава сохла уж очень быстро, и посевы деревенские собирали весело, но спешно, пропадая в полях с утра и до позднего вечера.

Я как-то попыталась, поддерживая их темп, проработать весь день, а следующим утром не смогла встать с кровати.

Не подготовленная к таким нагрузкам, я потом еще два дня ходила по стеночке и только вяло огрызалась на все насмешки невыносимой змеевицы. Она была сильной, выносливой, в принципе не знакомой с таким понятием, как боль в мышцах.

— Рагда, — легко глядя меня по голове, она с беспечной улыбкой любовалась закатом. А ведь так и не скажешь, что в поле весь день трудилась, — с первым снегом Ксэнар отправится подать собирать, поедешь с ним?

— Зачем? — растянувшись на траве, под золотистой кроной дерева, я почти дремала.

После того, как боль в теле стала терпимой, я самостоятельно вернулась на поля, игнорируя неодобрение вожака. Держаться наравне со всеми я больше не пыталась, но все равно хотела помогать.

Сидеть в деревне вместе со стариками и детьми было невыносимо скучно и... неловко, что ли.

— Представь, что станет с Дубрами, когда они узнают, что у их князя Огневица есть. Они же Смагу поклоняются, а Огневицы — дочери его.

Я поежилась и села:

— Не хочется что-то мне это представлять.

— Зря, — вздохнула Ашша, — если бы могла, сама бы с удовольствием поехала.

— А кто тебе запрещает?

— Великий Полоз.

— Кто?

Ашша вытащила из-за пазухи свой оберег. Его я уже не раз видела. Вырезанная из дерева Ксэнарнутая клубком змея с короной на голове.

— Великий Полоз, — гордо сказала она, нежно поглаживая глубокие бороздки на дереве, — хранитель нашего рода. По зиме мы должны дома сидеть, странствия в снегах не наш удел.

— И... ты разговариваешь с деревяшкой? — я пыталась быть как можно деликатнее, но все равно получилось как-то нетактично.

— Великий Полоз не деревяшка, — возмутилась Ашша, — во времена молодости моей прабабушки его капище стояло у реки.

— Подожди-ка, а Белая Волчица?

— Хранитель оборотней. Нашу деревню защищает хранитель вожака. Получая силу от жертвоприношений, хранитель становится богом. Волчица стала нашей богиней еще при деде Ксэнара. Она очень сильная.

— Вот так дела, — я была не удивлена, скорее шокирована. Сколько живу здесь, а еще столького не знаю.

— Ну так что, поедешь со Ксэнаром подать собирать?

— Поеду... наверное.

Ашшу мой ответ очень обрадовал, обняв за плечи, она радостно зашептала мне на ухо список того, что и в какой деревне я должна буду для нее купить.

— Запиши лучше, — грустно попросила ее, понимая, что весь список уже и не запомню. Что там было в начале? Отрез ткани в Звятичах? Или оттуда ей нужны бусы?

— Как скажешь, — легко согласилась она, прижавшись щекой к моему виску и в блаженной расслабленности любуясь закатом. Минут пять я ей не мешала, но потом любопытство, все же, взяло свое:

— Ашша, — позвала я осторожно.

— Ммм?

— А поля... зачем вы их засеиваете, если Ксэнар в конце осени все равно подать собирает?

— Зерно лишним не бывает, — зевнула она, — это у нас традиция после голодного года. На самом деле голодных было целых два года подряд, и выжить на то, что удалось собрать, получилось с трудом. К счастью в те времена выходцы подходили к нашим стенам не чаще раза в полгода, иначе едва ли пограничье выстояло бы. Тогда вожаком был Рвех. Мудрый был лис, сообразительный, он решил возделывать поля, с тех пор и пошло.

Отпустила меня Ашша всего на секундочку, только для того, чтобы подняться на ноги, утягивая за собой вверх, а потом и в сторону деревни.

— Пошли, послезавтра Праздник Урожая, нужно решить, в чем ты на него пойдешь.

Окончание сбора урожая ознаменовалось праздником, что было и неудивительно, оборотни любили праздники.

Вот только в их понимании праздник без подношений Волчице — не праздник, а я уже как-то присутствовала при их ритуале и больше мне не хотелось.

Ашшу мои желания, конечно, не сильно волновали, а потому на Праздник Урожая я не только была обряжена в платье из красного, старательно прокрашенного льна, разумеется, не украшенного вышивкой, но и имела сомнительную честь красоваться в венке из кленовых листьев, темный багрянец которых был слегка разбавлен золотыми березовыми листочками и яркими гроздьями рябины.

Венок был красивым и удивительно хорошо смотрелся на распущенных волосах, да и платье ладно на мне сидело. Отражение в зеркале мне очень нравилось, не нравилось только то, что я, вся такая красивая, должна была стоять рядом со Ксэнаром во время проведения ритуала.

Красное платье, красные волосы и венок, тоже красный, и на фоне совершенно белого Ксэнара, на рубахе которого даже обережный рисунок был вышит серой нитью и не бросался в глаза, я очень сильно выделялась.

Радовало только то, что в быстро сгущающихся сумерках мы со Ксэнаром рисковали поменяться местами. Это он скоро будет светиться в темноте, а я, быть может, и затеряюсь.

— Тебе очень идет, — шепнула растроганная Ашша, отдавая меня в руки своего вожака.

Торжественное шествие к капищу, во время которого я топала за левым плечом Ксэнара, рядом с Берном, угнетало, радовало лишь то, что к котлу, еще днем установленному перед идолом Белой Волчицы и обведенному высыпанным по кругу зерном, он пошел один. Оставив меня вместе со всеми у входа под охраной недружелюбных, деревянных стражей.

Костры, расставленные на своих законных местах в паре метров от черты капища, ярко горели, освещая Волчицу и много чего еще.

Народ медленно растянулся по кругу, привычно занимая свои места.

Знаем, видели, проходили. Я осталась стоять около левого, скалящегося в небо стража, рядом с Берном и Ашшей, незаметно вынырнувшей рядом со мной из темноты.

Ободряюще сжав мои пальцы, она улыбнулась, и кивнула на Ксэнара, который дошел до зерна и встав на колено перед котлом.

На этот раз, оберегая мои нервы, никто не мычал, не бил себя в грудь и не проверял на прочность мои нервы своим неадекватно-вдохновленным видом.

Все стояли, в почтительном молчании ловя едва различимое, хриплое бормотание вожака.

Бормотал он недолго, я не успела даже толком замерзнуть и пожалеть, что не возмугилась, когда Ксэнар велел мне идти босиком.

Он поднялся с колена, и стоило ему только выпрямиться, как вспыхнуло зерно, словно облитое бензином, оно ярко разгорелось, вытягивая пламя высоко к небу.

Тихо ахнув, я отшатнулась назад, налетела на Берна, незаметно оказавшегося позади меня, и была возвращена на свое место.

Ксэнар отступил, не поворачиваясь к Волчице спиной. Так и пятился, пока не вышел за черту капища. В абсолютной тишине, в которой не слышно было даже дыхания, мы любовались костерком.

Огонь медленно затухал, не прошло и пяти минут, как яркие языки пламени сменились белым, прозрачным дымом.

Я искренне надеялась, что это все, но моим надеждам, как это всегда бывает, не суждено было оправдаться.

Стоило потухнуть костру, как над котлом, невозможный и невероятный, вспыхнул синий огонь. В котле была вода, я это знала, сама видела, как оборотни таскали ведра к капищу, выливая студеную колодезную воду в черное нутро огромного котла. Вода из крана, текущая по медным трубам, проложенным не так уж глубоко под землей, для ритуала не подходила.

И теперь эта вода горела, бросая жутковатые блики на возвышавшуюся над всеми нами богиню.

Я любовалась огнем, терзаемая любопытством и неуверенностью.

Можно ли будет спросить у Ксэнара, как это выходит? Почему вода загорелась? Или это не вежливо, и о таком в принципе не спрашивают?

— Принеси мне воды, — вдруг потребовал вожак, прерывая мои серьезные думы.

— А потерпеть ты не можешь? — огонь в котле горел ровным синим пламенем. Удивительное просто зрелище. — Тут сейчас же самое интересное должно начаться, не пойду я в дом за водой.

Ксэнар с загадочной улыбкой указал на чашу:

— Той воды.

Очень медленно и выразительно я перевела взгляд на вожака, потом снова на воду, которая все так же продолжала гореть.

— И зачем тебе та вода? — спросила, стараясь скрыть растерянность, но быстро поняла, что не это сейчас самое главное. Потому что, за водой-то меня все равно пошлют, даже если он на нее просто вблизи решил полюбоваться, но угольный круг, оставшийся от сгоревшего зерна, проходить не желает. — И в чем я ее тебе должна принести?

— В ладонях.

И вот вроде он не улыбался больше и выглядел предельно серьезным, но у меня все равно такое чувство было, словно надо мной издеваются.

— Чего?

— Огонь тебя не обожжет, — пообещал Ксэнар.

— Это потому что я Огневица?

Мой сарказм был встречен терпеливой улыбкой:

— Потому что ты часть стаи.

— Но...

— Воду несси! — прошипела Ашша, выталкивая меня вперед.

Все как по команде уставились на психованную Огневицу, выскочившую из толпы, зрачки их в свете костров страшно бликовали.

И под этими взглядами я уже не смогла возмутиться, нашипеть на Ашшу в ответ и вернуться на свое место.

Отерев ладони о платье, я сделала первый, самый сложный шаг, старательно смотря исключительно на чашу и не поднимая глаз на волчицу, возвышающуюся надо мной.

Семь шагов вожака растянулись у меня на целых двенадцать. Я медлила как могла. Очень напрягал тот факт, что никто меня не торопит, все просто стояли и смотрели своими страшными глазами.

Как бы я не оттягивала неминуемое, котел оказался прямо передо мной. Наверное, стоило заподозрить неладное, когда я заметила, что жители одеты преимущественно в белое, а венки, что красовались на головах у некоторых девушек, были исключительно золотыми, ни одного красного листика, ни единой рябиновой грозди.

От огня не шло тепло, я не чувствовала его, даже когда протянула руки, почти касаясь синих язычков пламени, но это еще ничего не значило.

Опыт всех предыдущих поколений моих предков утверждал, что огонь жжется.

А ведь Сэнар сейчас спокойно в своей комнате сидит, скучает, наверное, немного. Обычно вечера мы посвящали групповому чтению. В том смысле, что я читала, а Сэнар и прибывшая к нашему литературному клубу Ашша слушали.

А сегодня вот, я должна была руки в огонь совать. Дурацкие у оборотней все же праздники.

Показалось или нет, но сзади раздался недовольный глухой рык. Ксэнар меня поторапливал.

Закусив губу, я отчаянно пыталась совершить акт членовредительства, но руки упорно не хотели соваться в огонь. Мне казалось, что все смотрят на меня с осуждением, особенно Волчица, которую я уже как-то оскорбила, отказавшись смотреть, как ей в дар режут бычка.

Рык повторился.

Зажмурившись и задержав дыхание, я сунула руки в огонь, готовая в любое мгновение заорать. Ладони с брызгами вошли в воду, я сдавленно пискнула, лишь чудом подавив позорный, почти вырвавшийся из груди визг.

Вода была ледяной, и в первое мгновение показалось, что я действительно руки в огонь сунула.

Набрав полную пригоршню странной жидкости, я медленно отступила от котла, так же, как и Ксэнар, спиной вперед, но, в отличие от него, развернулась уже на третьем шаге, ступая медленно и осторожно, стараясь не расплескать воду, серебристую, какую-то

непривычно густую, неохотно просачивающуюся между пальцами.

Чужих взглядов я уже не чувствовала, как и не ощущала странного, давящего напряжения, разлившегося над капищем в тот момент, когда я набрала воды.

Полностью сосредоточенная на том, чтобы не пролить даже капли, я шла прямо на вожака.

Никто не предупреждал, что мне придется делать, не озаботился просто объяснить, что случится, я не имела никакого понятия, как стоит себя вести, и все ли я делаю правильно, но, если судить по тому, что никто еще не хлопнулся в обморок от моего вопиющего пренебрежения традициями, все было в порядке.

До Ксэнара я добралась без потерь, не пролив даже капли на землю, и только встав перед ним, с дрожащими от напряжения руками, осмелилась поднять глаза.

Вожак улыбался той редкой, доброй улыбкой, которую сложно было увидеть на его лице.

Аж от сердца отлегло, стоило только увидеть эту его улыбку. Я справилась, я молодец, теперь можно будет с полным правом устраивать разборки и требовать объяснений. В конце концов, должна же я знать, почему меня никто ни о чем не предупредил.

— Сделай глоток, — серьезно потребовал он, прекратив улыбаться.

Пальцы дрогнули, но на землю не пролилось ни капли, а Ксэнар, спокойно встретивший мой ошалелый взгляд, с нажимом повторил:

— Глоток, Рагда.

Кошмар не кончился, рано я расслабилась. Пить воду, которая только что горела, мне совсем не хотелось. Мало ли какая гадость в ней есть, если она горит.

Вожака мои сомнения не волновали, он хотел, чтобы я выпила эту подозрительную жидкость, и мне предстояло это сделать.

Один маленький глоточек, от которого свело зубы, а язык онемел как от очень качественной анестезии, и вот, Ксэнар снова улыбается.

Подхватив мои руки своими, согревая замерзшую, кожу горячими ладонями, он потянул импровизированный ковшик чуть вверх, собираясь проделать то же самое, что сделала только что я.

Выпить огненной водички.

Затаив дыхание, я ждала, что будет дальше, язык неохотно оттаивал.

Ксэнар выпил все до капли и даже не поморщился, напоследок коснувшись губами моих ладоней. Сначала правой, потом левой.

— Молодец, — шепнул он, опустив, но не отпустив мои руки, и уже громко, чтобы слышали все, сообщил, — зима будет теплой.

Мне бы очень хотелось знать, как он это определил, если вода была ледяной, а руки у меня до сих пор не согрелись, хотя ладони у нашего вожака были горячие.

Как выяснилось позже, все дело было не в температуре воды, а в том, что я донесла ее до Ксэнара, не расплескать ничего по пути.

Литературные вечера в нашем исполнении походили на дошкольные уроки чтения.

Сначала я читала на незнакомом Ашше языке хту-наа, выделяя особенно интересные моменты, которые уже в самом конце перечитывала на языке Алара, а Сэнар пытался понять, что именно я читаю, а потом даже пробовал прочитать пару предложений.

Ашша была в восторге, ей все очень нравилось, она даже внимания не обращала на то, что совсем не понимает, что за книгу мы мучаем.

Ей с лихвой хватало любования сосредоточенной и уже не такой тощей мордашкой Сэнар, когда тот старательно вслушивался в мои слова.

Ему это помогало, он споро учил совершенно незнакомый ему язык, и уже достаточно сносно мог выговорить простые предложения.

Сэнар был сообразительным малым и, вероятно, дело шло бы быстрее, если бы он не пытался всячески откосить от последней и самой для него неприятной части вечера.

Слушать о приключениях выдуманных героев ему нравилось, а вот самостоятельно читать про них — не очень. Потому каждый вечер он старался отсрочить неизбежное.

Так же было и в ночь последнего осеннего полнолуния, когда мы особенно сильно засиделись.

Ашша ушла в одиннадцатом часу, ей всегда было тяжело бодрствовать при полной луне, оборотни уже должны были отправиться на свою ночную охоту, а мы все еще сидели в моей комнате над книгой.

Протяжный, низкий вой отвлёк Сэнар, он насторожился, уставился на закрытое, по случаю довольно холодной ночи, окно. Глаза его азартно загорели.

— Рагда, у них же охота.

— Каждое полнолуние, — подтвердила я, собираясь уже вернуться к прерванному чтению, но куда там...

— Давай тоже поохотимся.

— Эээ, Сэнар, видишь ли в чем дело, они охотятся в страшных лесах, в смысле в тех лесах, которые находятся за стеной, где еще можно встретить кого-нибудь из твоих подчиненных чудищ. Не поверишь, но ни с одной такой охоты они еще ни разу не притащили хотя бы тушку зайца. Я бы сказала, что это и не охота в том смысле этого слова, которое вкладывают в него нормальные люди.

— Это неважно, — угнетая мою ленивую натуру своим энтузиазмом, Сэнар подался вперед, — пойдём.

— Я, знаешь ли, немного не в форме...

— Я смогу тебя защитить!

Меня в этом мире совершенно точно никто не любил и не жалел, потому что если бы жалели, то не заставляли бы делать то, что мне совсем не хочется.

Тащиться ночью в страшный лес, например.

Этой ночью дозорными у ворот стояли два человека. Мужчины средних лет, вполне внушительной комплекции.

Завидев меня, в компании выходца, они удивились, но покорно выпустили нас в лес, пожелав напоследок хорошей охоты.

Хорошей охоты.

Мне!

Можно подумать, я была так похожа на великого охотника, кутаясь в вязаную кофту и периодически постукивая зубами, при особенно сильных порывах ветра.

Из оружия у меня был только ножик за поясом, да кровожадный выходец за спиной. Сэнар был настолько сумасшедшим, что в лес пошел с голыми руками. Глефу ему так и не вернули, а любое другое оружие он не признавал.

— И что мы будем здесь делать? — мой скептицизм был встречен открытой улыбкой.

— Охотиться.

Разумеется, а как же иначе? О чем я вообще?

Сэнар это нравилось, он был в восторге от тревожащих шорохов, от непроглядной темноты, в которой вполне могло что-то затаиться.

Вернее, темнота была непроглядной лишь для меня, Сэнар-то, конечно, что-то в ней видел. Светящиеся белым зрачки, по крайней мере, говорили именно об этом.

Выглядело жутко, но меня почему-то успокаивало.

— Зачем я вообще с тобой пошла? — ворчала я ему на ухо, когда после десяти минут очень громких, благодаря не особо тихой мне, блужданий по лесу, Сэнар подставил мне свою спину.

Сначала я боялась, что под моим весом его просто переломит, но быстро оценила удобство и комфорт такого передвижения.

Мы неслись по лесу неслышно, как тени, а я больше не боялась позорно зацепиться за какую-нибудь корягу или корень.

— Потому что тебе тоже хотелось почувствовать это.

— Что?

— Свободу.

Сэнар улыбался, совершенно точно улыбался, легко скользя между деревьями. Одетый в обычную рубаху, темно-синего, будто припыленного цвета и в черные штаны, он все равно выделялся в темноте излишней белизной кожи и почти светящимися длинными косичками, перекинутыми на грудь.

Спрятанные в них шипы в расслабленном состоянии были мягкими, эластичными, но стоило выходцу разозлиться, как они твердели и забавно топорщились. Эта особенность хту-наа приводила меня в неопиcуемый восторг. Злой Сэнар очень походил на дикобраза, и это было слишком мило, чтобы бояться.

Мне было проще, если бы не серая рубаха, едва ли кто-то смог бы разглядеть притаившуюся на спине у выходца Огневицу.

Мы бежали по лесу минут двадцать, пока не наткнулись на нечисть.

Сэнар наслаждался ночной пробежкой, казалось, совсем не обращая внимания на довольно тяжелый довесок в моем лице. Как он утверждал, этот мир был очень легким, здесь ему было даже дышать легко.

— Здесь мы сильнее, чем дома, — как-то сказал он мне.

Я тогда не то, чтобы удивилась, скорее просто впала в ступор, так как даже не задумывалась о такой простой, в сущности детали, как гравитация. Насколько сильно мне повезло, что я вляпалась в этот мир, а не, скажем, в какую-нибудь альфа-центавру, где земное притяжение раз в десять сильнее, чем на родной земле. Странно было понимать, что вот так вот случайно провалившись из одного мира в другой, я могла стать лепешкой, так и не поняв, что произошло.

Высокая, но тощая до полупрозрачности, нам навстречу из-за пушистой ели выскочила совершенно голая девица. Полное отсутствие груди, никаких округлостей, просто кости, обтянутые кожей, если бы не ее нагота, то я ни за что не подумала бы, что это девушка. Даже длинные распущенные и растрепанные светлые волосы, не смогли бы меня в этом убедить.

— Сэнар. — тихо позвала я, во все глаза таращась на неожиданную преграду, — что делать будем?

Девушка протянула к нам руки:

— Иди ко мне.

Вот уж в чем я точно была уверена, так это в том, что идти к ней нам как раз-таки не стоит. Ашша много ужасов мне про эти леса рассказывала, в том числе и про нечисть, выпивающую человеческое тепло до последней капли. Про эту невидаль она говорила или про другую, я не знала, но прекрасно понимала, что эта скромница тоже из нас с удовольствием что-нибудь выпьет. Кровь, тепло, жизненную силу, не важно. Главное, что из ее объятий мы уже не выберемся.

— Иди ко мне, — нежно повторила она. Красивый, мягкий, напевный голос, очень... очаровывающий.

Сэнар дернулся, принюхался, отступив на шаг.

Наверное, она должна была быть очень красивой, эта нечисть, но долгие дни, если не годы, без еды, сделали свое дело, она не поражала воображение неземной красотой, вот только голос ее был все так же сладок и манящ.

— Приди, — не унималась эта чертовщина.

Сэнар пошатнулся и опустил руки, прекратив меня поддерживать. Я цепляться за него не стала, и легко соскользнула на землю.

Нечисть сделала шаг к нам, бликуя нечеловеческими глазами, и выходец послушно качнулся к ней, сделав за раз сразу три шага.

Мягкий, мерный свет камушка в защитном кольце я заметила слишком поздно.

— Сэнар!

Он бросился к ней, не раздумывая, не сопротивляясь, даже не пытаясь хотя бы не торопиться, стоило только прозвучать еще одному мелодичному, влекущему приказу.

Рухнул в открытые объятия, отчего хрупкая на первый взгляд девушка, даже не пошатнулась, затаив, крепко обхватив ее руками.

— Поцелуй, — очередная, мягкая просьба, которой невозможно сопротивляться, и Сэнар покорно склонился к ее губам. Разница в росте была не так уж велика.

Долговязый выходец возвышался над нечистью едва ли больше, чем на полголовы.

Поцелуй был неизбежен, и, возможно, не будь на мне колечка, я бы тут не в шоке стояла, а в томном ожидании своей очереди, нетерпеливо желая поделить жизнь с этой тощей, страшной, смертельно опасной дрянью.

Но колечко было на мне, а Сэнар считался моим другом, хотя едва ли он смог бы в полной мере осознать значение этого слова, и я не собиралась отдавать его на съедение этой страхолюдине.

С подручными средствами для подлых ударов мне в этом мире везло. Изогнутую и сучковатую, но все равно очень крепкую ветку, я подхватила с земли не задумываясь, просто увидела в рассеянном свете луны и решила, что это именно то оружие, что надо.

Первым по спине получил Сэнар. Я надеялась напугать его, застать врасплох, заставить отвлечься, но не добилась ничего. Он даже не вздрогнул, жадно прикинув к бескровным белым губам.

Второй, более удачный удар обрушился на нечисть. Вот она-то как раз очень легко отвлеклась.

Оторвавшись от своей жертвы, обернулась ко мне, страшно вывернув шею и зашипела, скаля мелкие, острые зубы. Они совершенно точно были треугольными, и их, без всякого сомнения, было больше, чем двадцать восемь, или даже тридцать два.

— Руки от него убери, гадина зубастая, — бесстрашно рявкнула я, занося палку для очередного удара.

Вот только второго удара не было, эта дрянь оказалась несправедливо сильной.

Перехватив палку, она просто вырвала ее из моих рук, отшвырнув в сторону. Верное оружие, так удачно отвлекшее ее от выходца, с сухим стуком, врезалась в ствол ближайшей сосны.

— Ой-ей, — спрятав руки за спину, я отступила на шаг назад, чувствуя, как ужин в животе превращается в тяжелый камень от ее холодного взгляда. А может быть, это просто был страх.

Героическое спасение Сэнар почти провалилось.

Отвлекшись-то эта жуть отвлеклась, но жертву из рук не выпустила, а тот и рад был стоять в ее объятиях, пустым взглядом уставившись прямо перед собой.

— Может, поговорим? — с робкой надеждой предложила я, но меня не услышали. Оттолкнув Сэнар в сторону — выходец просто безвольно свалился на усыпанный еловыми иголками мох — нечисть развернулась всем телом ко мне.

— Иди ко мне, — велела она, разведя руки в стороны. Бросайся, так сказать, душечка, в мои объятия. Вот только обниматься с нею мне совсем не хотелось.

— Спасибо, но я, пожалуй, откажусь.

Такого возмутительного неуважения нечисть просто не смогла стерпеть.

Ощерившись, она бросилась ко мне, и тут же была облагодетельствована звонким шлепком по лбу.

Я просто испугалась, а когда я пугаюсь, то становлюсь неадекватной и, следовательно, очень опасной для окружающих. Ведьма с топором в голове может это подтвердить.

Очень забавно сведя глаза к переносице, нечисть мотнула головой, последовательно вернув сначала левый, а потом и правый, глаза в нормальное состояние.

О Сэнар она уже совершенно точно забыла. И это немудрено, я определенно, совершенно точно, вне всяких сомнений, была более интересной личностью, чем так легко поддающийся чарам хту-наа.

Вот и чего, спрашивается, оборотни так выходцев опасаются?

Отловили бы в лесу парочку таких прелестниц, да привязали к деревьям у прохода. И нечисти еда, и выходцы никого уже не побеспокоят.

Она бросилась на меня с утробным рычанием, желая уже не выпить, а просто загрызть.

Истошно визжа, я бросилась бежать, нещадно петляя.

Орала я громко, долго, самоотверженно, не заботясь о сбившемся дыхании и возможности привлечь какой-нибудь кошмар, который мог притаиться за каждым деревом.

Мне, напротив, очень было нужно, чтобы на мой визг выскочил еще какой-нибудь монстр, и они с этой страшной красотой, обладательницей незабываемой улыбки, порвали бы друг друга в клочья за право сожрать мои сладкие косточки.

Молитвы мои были услышаны — не иначе, как Волчица и правда присматривала за своими детьми — нам наперерез, бесшумный и страшный, выскочил огромный, белый волк.

Я где-то слышала, очень-очень давно, что белые волки встречаются редко, что они многим больше, сильнее и яростнее своих серых собратьев, что в славянской мифологии их еще звали Князьями Волков.

Так вот, это действительно был князь. Это был наш сильный, страшный, но справедливый, Северин, или Ксэнарин, или черт знает, как его еще там зовут.

Это точно был он, потому что других белых волков поблизости просто не могло быть.

— Ксэнар, — сдавленно кудахтнула я, застыв на месте.

Волк оскалился и мотнул головой в сторону, требуя, чтобы я ушла с дороги.

Нечисть, застывшая прямо за мной, зашипела и предприняла попытку сбежать. Сражаться с белым волком она не собиралась. Здравомыслящая оказалась страшилась, прекрасно понимающая, что против Ксэнара ей не выстоять.

Вот только сбежать князь ей не дал. Настиг всего в один прыжок, сбил с ног и вгрызся в основание шеи, дробя позвонки и разрывая мышцы.

Нечисть страшно взвизгнула, захрипела и быстро затихла.

Я топталась в стороне, сжав подол рубахи в сведенных судорогой пальцах, забыв поправить сползшую с левого плеча вязанную кофту, и не зная — стоит ли мне падать в обморок или бежать без оглядки. Что нужно делать в такой ситуации?

Волк тряхнул головой, повернулся ко мне, облизывая длинным языком вымазанную черной кровью морду. Оскалившись, он крадучись двинулся ко мне.

— Свееер... — мелкими шажками отступая назад, я прекрасно осознавала, что расстояние между нами все равно быстро сокращается. Вот только страшно было бежать. Видела я, что бывает с теми, кто пытается от него спастись.

Между нами оставалось еще шагов шесть, когда волк невысоко подпрыгнул и перекувыркнулся через голову.

В следующее мгновение передо мной уже стоял Ксэнар, растирая ладонями лицо.

— Ох, черт, — романтичность просто зашкаливала. Я и голый мужик наедине, в страшном лесу во время полнолуния, что может быть лучше?

— Что ты здесь делаешь? — Ксэнара вообще ни капли не смущал тот факт, что он тут голый. Ну да, лунный свет был слишком слабым, ну да, в темноте я не видела, но это же не значит, что можно вот так вот...

— Слушай, Ксэнар, — я честно старалась смотреть исключительно ему на брови, но взгляд предательски попытался соскользнуть вниз, — а в этом лесу кто-нибудь одетый вообще есть?

— Есть, — кивнул он, и когда я уж было обрадовалась, добил, — ты. И я хочу знать, что ты здесь делаешь.

Говорил он, вроде, спокойно, но прорывающиеся в голосе рычащие нотки свидетельствовали о крайней степени озверения.

— Да мы тут с Сэнар тоже решили... по-поохотиться, — обмирая от страха пробормотала я.

— Выходец тоже здесь? — прогремел яростный рев злого хищника. — Где?!

— Да где-то там остался, — неуверенно махнув рукой в том направлении, откуда совсем недавно прибежала, я сочла нужным уточнить, — кажется, он себя не очень хорошо чувствовал. Его немножечко поели.

Ксэнар обернулся на тело нечисти.

— Полунница, — раздраженно прорычал он, — почему из всех видов нечисти вы нарвались именно на ту, против которой беспомощен любой человек?

— Ну, что я могу сказать? Мы знатные оригиналы, — беспечно пожала плечами я, решив уже было, что буря миновала.

Ошиблась.

Больно схватив за плечо, Ксэнар дернул меня, почти впечатав в свое тело. Голенькое, что б его, тело.

Это не страшный лес, это нудистский лес какой-то.

— Смешно тебе?

— Да уж какое тут смешно, — сдавленно прошептала я, стараясь дышать как можно меньше. От Ксэнара просто одуряюще пахло псиной. Такой густой, тяжелый запах собачьей шерсти.

Сэнар, вывалившийся из кустов и чуть не наступив на руку полуночницы, как ее назвал Ксэнар, подоспел как раз вовремя.

— Рагда, ты в порядке? — выглядел Сэнар неважно. Пришибленный какой-то, дезориентированный, я бы даже сказала, беспомощный, не появился он так бесшумно.

Наш озверевший вожак отпустил меня, переключив все свое внимание на выходца. Даже целых три шага к нему сделал.

Кажется, уже что-то сказать собирался, но его снесло быстрой, черной тенью.

Тень оказалась огромной чешуйчатой образиной, которая почти откусила голову быстро обрастающему мехом оборотню.

Я не успела даже взвизгнуть, как зубастая пасть с отвратительным треском порвалась. Чудище конвульсивно дернувшись, обмякло.

С земли, скаля белые жуткие клыки, поднялся уже не человек, но еще не волк. Промежуточная стадия превращения без штанов выглядела просто ужасно.

— Лишать эту форму хвоста просто преступление, — громко поделилась я своими мыслями с общественностью, любясь мохнатым, печально бесхвостым копчиком нашего устрашающего вожака.

Так же медленно, как и поднимался, он обернулся ко мне, и я подавилась воздухом.

Широкой общественности не понравилось мое замечание.

— Прости, вырвалось. На самом деле тебе очень идет. И это хорошо, что ничего не болтается ни сзади, ни, тем более, спереди. Так значительно удобнее, — сдавленно пробормотала я. Ксэнар оскалился, показывая, что все прекрасно понимает, — ох ты ж черт, заткните меня кто-нибудь.

— Убирайтесь, — прорычал он, многообещающе добавив, — завтра поговорим.

— Что? — неуверенно спросил Сэнар, заметив, как я погрузилась.

— Пойдем отсюда, нам здесь не рады.

— Куда?

— Обратно. В деревню.

Сэнар не возражал, покорно подставив мне спину и легко припустив по темному лесу. Он казался растерянным, сбитым с толку, даже смущенным.

— Прости, — выдал из себя этот бледный страдалец, когда мы преодолели больше половины пути до деревни, — я не знал, что в вашем мире встречается что-то настолько страшное.

— Ну, эта дрянь, видимо, не может влиять на оборотней, так что не так уж она и опасна, — оптимистично заметила я, но Сэнар и не думал прекращать процесс самобичевания.

— Я рисковал твоей жизнью.

— Вообще-то, это тебя она собиралась сожрать. Ты только своей жизнью рисковал, — чуть соврала я.

— Рагда...

Пару раз среди деревьев я замечала белый силуэт, неотрывно следующий за нами. Вожак, не скрывая своего присутствия, проводил нас до самых ворот.

— Сэнар, успокойся. Утром нам и так достанется, давай хоть сами себе не будем нервы трепать? Ксэнар с этим и без нашей помощи неплохо справится.

Я оказалась права. Никогда раньше я еще не была так права, как в этот раз.

Вот только сидя на стуле, в общем зале, где по вечерам отдыхали уставшие оборотни, а сейчас было тихо и печально, чинно сложив ручки на коленях, не поднимая головы, почти касаясь плечом сидевшего рядом Сэнар, я очень жалела, что не ошиблась.

Ксэнар ругался, пугал последствиями, которые мог повлечь за собой наш в высшей мере необдуманный поступок.

Все сводилось, почему-то, к моей бесславной гибели, о том, что отправиться в тур на тот свет с билетом в один конец мог еще и Сэнар, волчара даже не вспомнил. Хотя, если быть объективной, во всем виноват был как раз-таки Сэнар. Он меня в лес потащил, и он же чуть не помер в объятиях жуткой чаровницы. А я просто его спасла.

ГЛАВА XXI. Топи

Нечисть Ксэнар отпустил, когда мы забрались совсем уж в мрачную и зловещую глубину леса, туда, где мне бы очень не хотелось бродить на своих двоих...

— А они точно найдут дорогу в поселение? — спросила я, оглядывая непроглядную темноту вокруг. Взгляду не за что было зацепиться. Лунный свет заблудился в ветвях, спутанных, пушистых от густой, пожелтевшей, но все еще не облетевшей, несмотря на позднюю осень, листвы.

Пахло сыростью и гнилью.

— За них не беспокойся. Беспокойся лучше за нас, — посоветовал Сэнар, сияя зеленью глаз. И он, и его брат, и даже маг в темноте видели неплохо, одна я чувствовала себя ослепшей и беспомощной.

Заметив мои страдания, Арис пожертвовал одним накопителем и вызвал магических светлячков.

Мягкий теплый свет взрезал темноту и испугал кого-то в кустах.

От нас в разные стороны, уже не скрываясь, приснула нечисть.

— Нам должно просто зверски повезти, — пробормотала я, прислушиваясь к удаляющемуся шуму бегства. — Это сколько же нечисти здесь было?

— Тебя интересует количество тех, кто сбежал или остался? — деловито спросил Арис.

Едва ли он преследовал цель напугать меня, но мне все равно поплохело.

— Ничего не хочу знать.

Больше я старалась не глазеть по сторонам и быть как можно ближе к Ксэнару.

Я не могла бы точно сказать, сколько мы шли. Весь мир скрыла темнота, и его будто не существовало. Только мы, узкий участок земли, периодически обрывавшийся в ненадежную жижу, в которой с трудом можно было различить безопасные кочки, и непрекращающиеся шорохи, утробное рычание и свистящее, тяжелое дыхание.

Мне было непонятно, чем Арис сдерживал всю ту нечисть, что, не смущаясь, заявляла о своем присутствии, но на нас никто не нападал. Ксэнара это, правда, не очень успокаивало, он шел, крепко сжимая древко топора, мгновенно реагируя на любой подозрительных шорох.

С каждым шагом подозрительных шорохов становилось все меньше.

А потом появились они.

Прозрачные зеленые огни плыли в воздухе, они кружились между деревьев, расположение которых можно было определить лишь по тому, что огоньки на какое-то время пропадали.

Ни эва, ни маг, не желавший иметь с эва ничего общего, внимания на них не обратили. Позволили подлететь к нам, пересечь участок, освещенный магией Ариса, и поплыть дальше.

— Какие интересные. — Один из огоньков крутанулся вокруг меня и поспешил за своими светящимися спутниками. — Это что?

— Болотные огни, — отозвался Ксэнар. — Не смотри на них долго.

— Ага, — отозвалась я рассеянно.

Два светлячка столкнулись вместе и разлетелись в разные стороны, закружились, будто бы даже агрессивно, заискрились...

— Рагда! — Предостерегающий негромкий окрик — и крепкая рука схватила меня за талию, удерживая от падения. — Велел же не смотреть.

И я осознала себя стоящей на самой грани света, с занесенной для шага ногой. Под сапогом моим была лишь покрытая тиной вода.

— Недобрые светяшки, — выдохнула я, очень осторожно вернув ногу на надежную почву.

Больше никто не пытался заманить меня в трясины и никак не угрожал здоровью и жизни. Арис не подвел, истратил почти все накопители, но нечисть удержал.

Момент, когда мы ускорились, я заметила и озадаченно переглянулась с Сэнаром. Он, как и я, ничего не чувствовал и не сразу понял, почему царь с магом так слаженно забеспокоились и почти побежали.

Сложно было сказать, кто из нас первым сообразил, что Ксэнар чувствует приближение Топи из-за камня в груди, а Арис — из-за вцепившихся в его магический источник щупалец. Глупых вопросов мы не задавали, послушно ускорились и почти выбежали на поляну, посреди которой на скромном возвышении, окруженный толстыми жгутами корней, вспахавших землю и почти не оставивших места для травы, собранный из ветвей, скрепленный тонкими корнями, стоял трон Болотного царя.

— Добрались! — сдавленно возликовала я, опасаясь радоваться в полный голос.

— Самое сложное впереди, — кивнул Сэнар.

— Что?

Мне не ответили и ничего не объяснили.

Царь просто снял оружие, сапоги и нагрудник. Выплел из волос шнурок и пошел к трону. Босой, в рубахе с закатанными до локтей рукавами и в штанах. Корни зашевелились, заволновались, поспешно расплзаясь с его пути и возвращаясь на свое место, стоило только Ксэнару пройти.

Я отчетливо видела, как лунный свет питает символы, скрытые под кожей царя, и те начинают светить все ярче.

— Это же не опасно? — спросила я, запоздало почувствовав подвох.

Сэнар отвел глаза.

Стоило царю только дойти и сесть, опустив руки на подлокотники, как корни, до этого мирно оплетавшие трон, поползли к нему. Опутали запястья и — я была совершенно уверена, что мне не показалось, — проросли под кожу.

Глаза Ксэнара засияли нестерпимым светом, будто вся магия Топи в один миг собралась в нем одном.

— И что теперь? — Я нервно дергала ремешок от ножен, все туже затягивая узел на талии.

— Ждать, — устало отозвался Сэнар и сел на землю. — Можете пока рассказать мне, как вы все же познакомились.

— У брата спросите, когда вернется, — предложила я. — Он в курсе.

— Ты будто Ксэнара не знаешь, — возмутился эва. — Ну же, открой мне свою страшную тайну.

Я молчала.

— Хотя бы скажи, за что его убить пыталась, — Сэнар кивнул на мага.

Я молчала, враждебно покосившись на Ариса.

Он сел чуть в отдалении, держа в поле зрения и нас, и царя.

Когда не надо, Сэнар умел быть очень проницательным.

— Тем вечером ты узнала, кто стоит за нападениями? — спросил он наугад и широко улыбнулся, когда я вздрогнула.

Я не стала уточнять, что на самом деле узнала все намного раньше, а тогда просто вспомнила о том, что это плохо. Надеялась, что Сэнар ограничится одним правильным ответом.

Напрасно надеялась.

— И все же я не понимаю, что тогда произошло между тобой и Ксэнаром? Получается, ты все ему рассказала, но почему он на тебя злился? — Сэнар поджал губы и, понизив голос, доверительно заметил: — К слову, могла бы и мне рассказать...

Я знала лишь один способ завершить этот мучительный разговор. Довольно сомнительный и не совсем честный, но все равно им воспользовалась.

— Я могу вам все рассказать. Совсем все, со всеми подробностями, — сказала я, и Сэнар загорелся. — Но тогда я никогда не выйду за вашего брата. Просто поверьте. Никогда этого не случится.

И Сэнар тут же потух. Было что-то такое в моем голосе, какое-то злое отчаяние, заставившее эва поверить, что я говорю правду. Что именно так все и будет.

И совсем неважно, что после того, как Сэнар услышит историю целиком, он сам воспротивится нашей свадьбе. На его месте я бы точно не отдала своего единственного брата за кого-то вроде... меня.

— Не нужны мне такие секреты, — проворчал он, отворачиваясь. — Обойдусь.

Какое-то время мы сидели в тишине. Я всматривалась в царя и переживала, что он не моргает. Дышит ли он, жив ли вообще — с такого расстояния разобрать не получалось.

А подойти ближе мне не разрешили.

Поляна вокруг трона была сильно важной территорией, на которую имели право ступать исключительно действующие цари.

Спустя какое-то время стало совсем плохо. Меня неожиданно резко и больно придавило к земле неподъемной тяжестью, словно небо упало на плечи.

— Топи здесь, — прохрипел Арис, которому было хуже всего.

Корни, оплетавшие трон, вздыбившиеся и скрытые в толще почвы, засияли тонкими изумрудными нитями. Сияние было такой силы, что пробивалось даже сквозь землю. Оно тянулось по всей поляне и добралось до деревьев — тогда засветились стволы.

Казалось, деревья просто треснули и из этих трещин льется свет, готовый затопить все вокруг.

От скопившейся в воздухе магии было тяжело дышать.

Я не могла понять, звенит ли у меня в ушах от напряжения, или звенит весь мир. Сколько бы я ни зажимала уши ладонями, это не помогало.

Безумие нарастало, и, когда оно достигло своего пика, мне показалось, я вот-вот лишусь рассудка.

Но когда до сумасшествия остался один вдох, все прекратилось, магия схлынула, обрушилась неистовым ветром на деревья, сорвала листву с ветвей и прокатилась по земле, затерявшись в глубине леса.

И сияние потухло.

И тишина обрушилась на нас. Магии больше не осталось, осталась только Топь.

Притаившаяся среди деревьев, незримая и непобедимая, она смотрела на нас из темноты тысячей глаз.

— Нам конец? — прошептала я онемевшими губами.

— Это была демонстрация силы, — хрипло ответил Сэнар. — Теперь они должны договориться.

— В смысле — договориться?

— Мне откуда знать? — психанул эва. — Так в летописях написано! Посмотри в изголовье трона, видишь просвет между ветвями?

Я видела. Ветви будто сходились в чашечку цветка, лишённого бутона.

— Там раньше хранилось Сердце Топи, но отец забрал его, когда отправился на наши поиски... а вернуть Сердце, как ты понимаешь, уже не представлялось возможным.

— И? — Я откашлялась и пару раз сглотнула. Хотелось пить.

— Этот трон был создан Топью для царя, только он имеет право на него сесть. Никто уже не помнит, откуда у нас появилось Сердце и как мы смогли заключить мир с Топями. Существует много легенд, но я не верю, что хоть одна из них правдива. Однако же именно здесь наши цари общались с Топью в моменты нужды.

— И что, у Ксэнара получится договориться?

— Или так, или мы все умрем, — неловко пожал плечами Сэнар, будто не до конца ещё владея своим телом. — Жалеешь, что пошла с нами?

— Нет.

Я не жалела, что пошла с ними, но мне становилось дурно от одной мысли, что в случае неудачи Агнэ останется совсем одна против целого рода.

Минуты тревожного ожидания завершились головокружительным облегчением.

Мы всем телом почувствовали, как Топь отступила. Скоро ощущение чужого недоброго присутствия исчезло совсем.

Арис проверил свои накопители. Среди потемневших камней едва заметно светилось всего два. Рвано выдохнув, маг с силой растер лицо руками, не скрывая своего облегчения.

— Правда получилось. — Я подскочила, пошатнулась и сильно накренилась назад, но удержалась на ногах.

Я ждала, что глаза Ксэнара потухнут, трон его отпустит и царь вернется к нам.

Но этого так и не случилось.

Я переживала, волновалась, опасно приблизившись к заколдованной поляне, ходила по самому ее краю, пару раз позвала царя.

— Скажите, что это нормально, — попросила я Сэнара, когда и он присоединился к моим топтательным переживаниям.

— Я не знаю. — Эва выглядел растерянным. — Но сомневаюсь, что при благополучном исходе все должно проходить так.

Это был очень плохой ответ, и мне он не нравился.

— В пекло, — решила я и занесла ногу для опрометчивого и безумного шага.

— С ума сошла! — выверился Сэнар, в последний момент успевший оттащить меня от опасного места. — Туда нельзя.

— Откуда вы знаете?

Эва опешил от моей наглости и отпустил.

— Что?

— Откуда вы знаете, что туда нельзя, если не в курсе даже, что должно, а что не должно происходить? Летописи ваши подсказали? — спросила я едко и по глазам его поняла, что попала в точку. — Ну так я ваших сказок не знаю, и мне не страшно.

— Рагда...

— Раз Топь его не отпускает, значит, это было частью договора. Возможно, его взяли в качестве жертвы, — подал голос Арис. — Если ты попытаешься его освободить и лишить Топь законной добычи, кто знает, чем все закончится?

— Так давайте вас на трон посадим. Вас все равно не жалко!

Маг отшатнулся и поджал губы, но ответить ничего не смог.

— Он не имеет права умереть, ясно?! — Я медленно обвела взглядом мужчин. Арис потупился, Сэнар почему-то криво улыбнулся и выдал совершенно возмутительное:

— А мальчика вы в честь твоего отца назовете?

— Брата! — ответила запальчиво, забыв смутиться.

Потому что решила для себя, что, если спасу Ксэнара, если мы вообще выберемся, я за него точно замуж выйду, просто чтобы запереть в доме и никуда не выпускать.

У меня уже не было сил за него бояться.

Первый шаг был самым страшным. Я ждала, что из земли вырвется какая-нибудь огромная пасть и отгрызет мне ногу по колено.

Ничего настолько страшного не произошло. На втором шаге корни зашевелились, и я даже приободрилась, решив, что они меня пропустят совсем так же, как и Ксэнара недавно.

Уже представляла, как героически спасу царя, а потом буду долго и с удовольствием насмехаться над вьезшимся в эва суеверным страхом перед этим тронном и этой поляной. Я была достаточно зла сейчас, чтобы желать потоптаться по самому больному.

Я прекрасно понимала, что ужас должен быть достаточно сильным, едва ли контролируемым и совсем не поддающимся оценке, если Сэнар даже не подумал пойти вместо меня или со мной.

Он верил, что ни один эва не имеет права ступить на путь к трону Болотного царя, но все же малодушно надеялся, что человеку вторжение простят.

Не простили. Корни не для того зашевелились, чтобы уползти с моего пути, они желали меня наказать. Крепкие, но не очень гибкие, они пытались подставить мне подножку и уронить на землю. Меня спасала их неповоротливость и медлительность.

На шестом шагу из земли полезли тонкие и проворные корешки. Они заползали по сапогам и жалили ноги, пытаясь забраться под кожу. Это было больно и страшно. На несколько мгновений я потеряла самообладание и заметалась, ослепнув от боли и страха. Сэнар что-то кричал мне. Кажется, даже Арис пытался дать совет.

Я металась, собирая все больше корней, лишь чудом оставаясь на ногах.

В конце концов сквозь звон в ушах до меня долетело отчаянное:

— Руби их!

О внушительном тесаке, что висел на поясе, без Сэнара я бы точно не вспомнила.

Дрожащими пальцами, боясь уронить нож на землю, я вытащила его из ножен и отчаянно махнула лезвием, чуть не отрубив себе вместе с корнями и стопу.

Оставшийся до трона десяток шагов преодолела исключительно на упрямстве. Ноги болели, обрубленные корни пульсировали под кожей. Штаны намокли от крови, и в сапогах отвратительно хлюпало.

Но я дошла, крепко сжимая во вспотевшей ладошке рукоять ножа. Рубя с остервенением все, что хотя бы пыталось ко мне приблизиться.

Оказавшись напротив царя, я истерично рявкнула:

— Вашество!

Он даже не вздрогнул, а я, переступая с ноги на ногу и отмахиваясь от корней, ухватила его за плечо и потрясла.

Ничего не произошло, сквозь зеленое сияние не видно было его глаз, я все больше вращала в землю и уже почти не чувствовала ног.

— Ксэнар? — Царь меня не слышал, и это невероятно бесило. Я тут немножечко умираю прямо перед ним, а он не мог даже этого оценить. — Да чтоб тебя! Когда все кончится, ты не расплатишься. Я тебе всю жизнь испорчу. Все нервы вытяну. Ты еще пожалеешь, что так надо мной издевался. Я превращу твою жизнь в самый страшный кошмар...

Подбадривая себя угрозами, я осторожно отрубала корни, сковавшие его руки. И остановилась лишь на одну секунду, чтобы заглянуть царю в глаза и тихо попросить:

— Ты только выживи.

На то, как потревоженные корни жалят уже мои руки, я почти не обращала внимания. Тело немело и теряло чувствительность.

Когда последний корень был обрублен, сияние начало затухать.

Я еще успела увидеть, как глаза Ксэнара наполняются жизнью, и даже смогла выдавить из себя вредное:

— Ненавижу тебя.

А потом, кажется, превратилась в дерево.

ГЛАВА XXII. Сказанные слова

Девять шагов, ровно столько я успела пробежать, до того, как волк меня настиг.

Звонкий, оглушающий визг, вырвался из моей груди, стоило только крепким зубам схватиться за край тулупа. Ашша, которая мне дырки от волчьих зубов на рукаве зашивала, пока я болела, точно не обрадуется, узнав, что тот же самый монстр прибавил для нее работы.

Низкий вой, разнесшийся над землей, вторил моему визгу. Выли от ворот. Оборотень, что стоял этой ночью на страже, и выпустил меня из деревни без всяких вопросов, подал сигнал беды.

И меня это должно было радовать, но оказалось довольно сложно радоваться, что похищение не осталось незамеченным, когда тебя уносят в лес. На этот раз волк рисковать не стал, и ненадежному льду предпочел кусты и коряги. Мне, опять болтавшейся у него под брюхом, совсем не нравилось получать по голове и плечам ветками и отбиваться об коряги, коварно притаившихся в снежном укрытии.

Снег набился за шиворот, лез в уши и нос, залеплял глаза, делал меня беспомощной, мокрой и жалкой.

Ксэнар обещал, что зима будет теплой, и она была теплой, градусов тридцать, не ниже. Как утверждала Ашша, для этих мест это очень хороший показатель.

А я этой теплой зимой уже успела дважды заболеть и рисковала прихворнуть в третий.

Мы успели углубиться достаточно далеко в лес, когда волк, тормознул у дерева, на нижней ветке которого была развешена рубаха. Резко, мотнув головой, он швырнул меня в снег, а сам, кувыркнувшись через голову, встал уже человеком.

Мелькнул голым задом, сноровисто прикрыв его длинной рубахой, доходившей ему до колен, и только после этого обернулся ко мне. И сразу же ляпнул глупость:

— Ты только не бойся.

Лицо в полумраке разглядеть сразу не удалось, зато голос я узнала.

— Так это ты! А еще навещал меня, сочувствовал, — руки совсем замерзли и утратили былую чувствительность. Я почти не ощущала снега под ладонями, и не могла даже представить, как больно мне будет отогреваться, — признавайся, зачем на самом деле приходил? Добить хотел?

Рашис нерешительно приблизился, медленно, стараясь не пугать, опустившись на колени в двух шагах от меня. Холода он не чувствовал, от его тела шел легкий пар.

— Я бы не посмел, — с горячей искренностью заверил он, — для меня твоя жизнь дороже своей...

— Чего?

— Мне по осени ведунья предсказала, — говорил он медленно, тихо, пытаюсь меня успокоить. Словно я нервная лошадь или взбесившаяся собака, — что есть на земле Князя Волков, огонек, который мне путь к моему величию укажет, или на погибель обрежет.

Двигался он осторожно, неуверенно коснулся моих пальцев, готовый в любое мгновение отдернуть руку, только чтобы не напугать больше. Я не дергалась и руки не отняла. Уж очень горячей у него была ладонь. Согревающей.

— Я же к князю пришел на службу наняться, думал, буду по его поручениям разъезжать, всяко судьбу свою встречу, и подумать не мог, что огонек меня прямо в его доме поджидать будет.

— А ты не думал, что ошибся? Что это не обо мне тебя ведунья предупреждала? — я лучше всех других знала, что огонька во мне никакого нет. Разве только искра, да и та

чуть не погасла, когда я под лед провалилась. — Может тебе и вовсе к Дубрам надо. У них же Смаг, там не один огонек, там целый костер найти можно.

— Я уверен, что про тебя речь, — непреклонно заявил он, бережно растирая мои руки.

— Вот чудак-человек, — фыркнула я, но тут же спохватилась, — прости, не человек. Но ты сам посмотри, я сейчас совсем холодная, тебе меня греть приходится, ну какой из меня огонек? Ледышка я, не больше.

— Ты Огневица, — уверенно сказал он, — а то, что сила твоя зимой спит, многие знают. Тебе просто в огне погреться на...

— Даже не думай! — вырвав свои руки из его пальцев, я попыталась отползти назад, но сапог зацепился за ветку и упрямо не пускал. — Не буду я в огне греться.

Рашис спорить не стал, покладисто согласившись и снова попытавшись взять мои руки в свои:

— Хорошо. До лета подождем, я готов, я терпеливый. А там ты уже в силу войдешь, и все случится.

Как же, все-таки, сложно с дураками.

— Ну так чего, тогда возвращаемся в деревню? — предложила я, радуясь, что по деревне еще не разошлись слухи о моем самоубийственно-героическом решении сделать большой бум.

Пускай ждет своего лета сколько угодно, я скоро, может, вообще дома буду.

— Нет. Мы уйдем отсюда. Тут недалеко укромное место есть, мы там переночуем, а завтра утром Тавр и Девр лошадей приведут.

— Подожди...ты собираешься отсюда уходить?

— Мы отсюда уйдем. Все вчетвером.

Потеряв дар речи, я беспомощно разглядывала его одухотворенное лицо.

Спасиите меня кто-нибудь, пожалуйста. Тут один неадекватный мужик решил взять судьбу в свои руки.

Мою, блин, родненькую судьбу, в свои мохнатые лапы.

— А если я тебя на погибель обреку, ты об этом думал? — спросила я, уверенная, что так и будет. Быть может, отыщи Рашис настоящий огонек, шанс на светлое будущее у него бы еще был, но я-то подделка. Что хорошего я могу ему принести?

Оборотень оказался просто непробиваемо самоуверенным.

— Я готов рискнуть.

У него было ровно двадцать минут, чтобы рассказать мне о своей судьбе, о том, как он жил, и почему готов чужую Огневицу прямо из дома выкрасть.

Мне не хотелось знать, что он один из тех несчастных, чья мать согрешив с оборотнем, после отказалась от сына, стоило ему в первый раз личину сменить. Не хотелось, потому что жалостливая очень была, и наслушавшись обо всех его злоключениях, боялась начать ему сочувствовать.

— Говорят, на заселке, где я вырос, как-то по весне отряд останавливался. Считалось, что это кмети княжеские, хотя никаких особых знаков у них не было. Но сила и удаль в них была такая, что многие девки не устояли, — Рашис грустно усмехнулся, — моя мать тоже. Понесла, но в лесу на откуп духам не оставила, за что ей спасибо. Вырастила, выкормила, а как превратился в первый раз, так вещи мои собрала, да велела уходить. Повезло мне.

— Чем это повезло? — спросила я, возмущенная таким отношением матери к своему

ребенку.

— Тавра и вовсе на порог не пустили. А Звеня названный отец зарубил.

Рашис говорил просто, спокойно, словно это было в порядке вещей.

— Нас же попервости пятеро было. Вместе зверями по лесам бродили, вместе человечность свою искали. Да вот, один на топор напоролся, а второго Костяник выхолодил, когда мы зимой ночевать в лесу остались.

Рашис оборвал рассказ, прислушался, подобрался весь и резко взвился вверх, чтобы перекувыркнувшись, уже волком подняться на лапы, стараясь стряхнуть с шеи мешающую рубаху.

Огромный белый волк, бесшумно и страшно, выскочивший из ночной темноты, врезался в бок Рашиса. Рубаха слетела с него, а по снегу, огрызаясь и рыча, покатился черно-белый клубок.

Сидеть тихо и не отвечивать — в моем случае был бы идеальный вариант, но я не смогла.

Когда Рашис с жалобным визгом отлетел к дереву, а Ксэнар уже готовился к новому прыжку, готовый добить противника, я бросилась наперерез.

— Постой.

Жалостливая же, глупая и сама во всем виновата.

Пока наш вожак офигевал от моей тупости, Рашис действовал.

С трудом поднявшись на лапы, он бросился ко мне.

На спине у меня глаз не было, и я этого не видела, а среагировать на предостерегающий рык Ксэнара не успела.

Меня схватили за рукав и одним невероятным движением закинули на спину. В густой волчий мех я вцепилась инстинктивно, не сразу даже заметив, что он слипся от крови, и не чувствуя, как жжет порез на ладони.

Рашису хорошо досталось, он осознавал, что не сможет справиться с вожаком и решил сбежать.

А куда может сбежать оборотень, если он ранен, да к тому же еще и с внушительным довеском на хребте, а преследователь силен и очень зол?

Я почувствовала то мгновение, едва заметный переход, когда его лапа встала на волчью тропу.

Здесь снега не было. Только узкая, основательно утоптанная тропа и темнота вокруг. Темнота, в которой горели красные огоньки.

Ксэнар говорил, что эту тропу каждый должен прийти сам, но Рашис, кажется, таких подробностей не знал. Протащив меня на своей спине по страшной темноте, он вырвался в реальный мир, а меня сорвало с его спины и бросило назад. На тропу.

Темнота поглотила меня.

Если для оборотня в этой непроглядной мгле еще предусматривалось хоть какое-то освещение, то я, по мнению тропы, его не заслуживала. Узкой, но относительно надежной дорожки видно больше не было, я стояла в темноте, не имея понятия в какую сторону идти и что делать.

А красные огоньки приближались. Что-то прошуршало совсем рядом, не спеша нападать.

Огоньки стали еще ближе и больше не плыли во мраке, лениво и величественно, теперь они нетерпеливо метались, почти сталкиваясь и нервно дергаясь.

По сапогу проползло что-то толстое, тяжелое, очень похожее на какую-нибудь огромную змею.

Это была последняя капля. Стоять на месте и дальше просто не было сил.

Оцепенение, окутавшее сразу же, стоило только Рашису выскочить в реальность, оставив меня здесь одну, спало.

Я отступала медленно, не делая резких движений, старательно не выдавая того ужаса, что разлился по всему моему телу ослабляя мышцы и мешая мысли. Просто осторожно отступала, ничего особенного. Подальше от этих красных огоньков.

В какой-то момент повернулась к ним спиной, чувствуя, что сил смотреть на это нетерпеливое перемигивание больше нет.

Я шла медленно, настолько медленно насколько это было вообще возможно. Осознала, что выдержка меня подвела, когда почувствовала, как колет в боку, а легкие разрываются от быстрого бега. Мозг плохо работал, не справлялся с нагрузкой, просто не мог пробиться сквозь толстый слой липкого, холодного ужаса, оставив меня на инстинкты.

Инстинкты помогали не очень. Все, что они от меня требовали — это бежать. Не останавливаться, не оборачиваться, не дать странной штуке, шуршащей за спиной, меня поймать.

Огоньки метались по левую руку от меня. По правую было совсем темно, а за спиной шуршал мой ужас.

И я бы хотела Ксэнарнуть направо, попытаться сбежать от того, что позади, в надежде, что оно просто ползет по прямой, но Ксэнар говорил, что с тропы сходить нельзя и пусть я не видела этой тропы, но чувствовала, что она у меня под ногами. И пока это так, я в относительной безопасности.

А то шуршание позади... это скорее всего просто страшный звук, призванный меня напугать. Как шаги в прошлый раз.

Ничего ужасного. Главное не останавливаться. Не оборачиваться...

Шуршание за спиной прекратилось, и я с облегчением вздохнула, даже чуть сбавила темп, позволив себе немного пройтись.

— Вот черт, — мой кошмар неожиданно закопошился впереди, — нет-нет-нет.

Он шуршал не переставая, словно бы располагался поудобнее, готовился принять меня в свои холодные объятия и съесть. А я послушно шла прямо к нему, медленно, неохотно, но неотвратно.

Безвыходная какая-то ситуация.

Впереди утробно зарычали.

О том, что нельзя бояться, я вспомнила слишком поздно. Вокруг ноги обвилась щупальца, страстно сжав мой сапог.

Она была очень рада мне, как и я была бы рада еще вчера большому шоколадному торту.

Вкусная еда.

Кольцо — полезный дар жреца, мигнуло тусклым светом и засияло звездой на моем пальце, разгоняя темноту вокруг, позволяя разглядеть серую щупальцу, обхватившую мою ногу. Она была толстая, мясистая, влажно поблескивающая, отвратная с какой стороны не посмотри. Мышцы под тонкой кожей сокращались, резко подтягивая меня к себе, синие тонкие, нити, очень похожие на вены, пульсировали, перегоняя жидкость, заменяющую этому существу кровь, от сердца по всем сосудам. Если оно у этого создания вообще было. В любом случае, биология подготовила меня к тому, что для циркуляции крови в организме не обязательно иметь сердце.

Этот же мир собирался примирить меня с мыслью, что не всегда нужна голова, чтобы поесть. В конце концов, рот может находиться и в каком-нибудь другом месте.

Щупальце упрямо и очень уверенно, подтаскивало меня к огромному, раздувшемуся шару, бледно сияющему синими, пульсирующими сосудами, а посередине этого шара зияла круглая, полная зубов пасть. Дружелюбно открытая по случаю скорого обеда.

Еще два рывка я просто тупо пялилась на острые, треугольные зубы, несколькими рядами уходящие в глотку.

Не сразу удалось вспомнить, что обед сегодня как раз таки я, и если в моих планах на завтра не значилось медленное и ленивое переваривание в этом раздутом монстре, то нужно что-то делать.

У меня хорошо получалось визжать, но еще лучше вышло освободиться. С коротким всхлипом согнувшись, на пару секунд прекратив орать, я попыталась отодраться от своей ноги эту жуть, или хотя бы чуть ослабить хватку, чтобы просто снять сапог. Лучше я буду босиком тут бегать, чем вообще уже никогда не буду бегать. Ладонь прострелило острой болью, но я почти не обратила на нее внимания, занятая попытками спасти свою жизнь.

Приятной неожиданностью стало странное шипение, непередаваемое, не похожее ни на что. Так во всяких фильмах ужасов озвучивают смерть какого-нибудь мерзкого чудовища. С визгом, бульканьем, нечеловеческими подвываниями.

Кольцо, которым я коснулась щупальца, оставило на нем маленькую подпалину. Недостаточную, чтобы чудовище меня выпустило, но вселяющую надежду на спасение.

Вцепившись в щупальце, я крепко его сжала, борясь с гадливостью. Скользящая, холодная плоть дрожала и извивалась в руках.

Земля, если эту черную, твердую как камень субстанцию вокруг, можно было назвать землей, задрожала вокруг шара с зубами.

Вслед за первым, ухватившим меня, на свет моего кольца ринулось второе щупальце, только выкопавшееся, оно опоздало буквально на секунду.

Первое, основательно прожаренное, не смогло и дальше терпеть такие издевательства, и, выпустив меня, метнулось под защиту зубастого мешка.

Увернувшись от второго я успела подняться и отбежать на несколько шагов, выйдя из опасной зоны.

Кольцо светило лучше фонарика, позволяя мне рассмотреть ровную черноту земли под ногами. Тропинки видно не было. Меня с нее стащили, я понятия не имела куда теперь нужно идти, и что будет дальше. А еще на меня ворчливо ругалась лишившаяся еды мерзость за спиной. Она скрипуче стонала и булькала под ритмичные удары щупальцами.

Бредя в непроглядной темноте вперед, единственное, на что я надеялась, было мстительное предвкушение того, как вожак вот прямо сейчас нашел Рахиса и медленно, со вкусом, разделывает его на маленьких, несчастный и во всем раскаявшихся рахисиков.

О том, что Ксэнар может остаться меня на тропе разыскивать, я как-то не подумала. Просто, так застрашал он меня в первый раз моего здесь пребывания, что я искренне считала, будто вытащить меня отсюда невозможно.

Сложно сказать, почему сама продолжала куда-то идти. Наверное, все же, верила в чудо. Хотя и понимала какой-то маленькой, рациональной и очень гадкой частью своего сознания, что я заблудилась и рано или поздно здесь умру. От истощения, от чужих зубов или когтей, или еще чего-нибудь пострашнее (никто ж не знает, что тут водится).

Но колечко пока светило, оберегая меня от недовольного копошения в темноте, и я могла идти вперед.

В месте, где не существует времени, трудно определить, как долго ты идешь.

Я не чувствовала усталости, нервы были на пределе, тело, под завязочку накаченное адреналином, переоценивало свои возможности, но почувствовать голод я была в состоянии. И я его чувствовала. А значить это могло только одно: брожу я здесь уже давненько.

— Если выберусь отсюда, найду Рахиса и съем его печень, — я говорила громко, но звук моего голоса был очень слабым, едва слышным, словно я шепчу. Тьма вокруг надежно поглощала все звуки.

И чем дальше я шла, тем тише становилось. В один прекрасный миг, осознав, что уже просто не слышу своего дыхание, испугалась достаточно сильно, что бы повернуть назад. И даже умудрилась немного пробежаться, что бы поскорее выбраться из этой неправильной тишины.

Это было самое умное, что я вообще умудрилась совершить в этом мире.

Белый волк выскочил на свет неожиданно, чуть не доведя меня до сердечного приступа.

Глухо рыкнув, он пролетел мимо, резко затормозил, отчего его смешно занесло — нервный смешок помимо воли вырвался из груди, но мне за него было совсем не стыдно, не плачу — и то хорошо; и встал, низко опустив голову.

Ксэнар тяжело дышал, лапы дрожали и разъезжались, левый, потемневший от крови, бок был глубоко вспорот, на задней лапе виднелась в проплешинах покрасневшая, воспалившаяся кожа, словно кто-то присосками вцепился в нее, и отодрался уже только с мехом. Правое ухо было порвано, а морда вся перепачкана чем-то черным и отвратительным на вид. У Ксэнара, в отличие от меня, не было чудо-кольца, его нечему было защитит от того, что живет в этой недружелюбной темноте.

Припадая на заднюю лапу, он приблизился ко мне и первое, что сделал — обнюхал. Основательно, ответственно, сунувшись носом даже мне в лицо.

От него самого пахло просто ужасно, и я не могла даже представить, что он надеется унюхать, все перебивала эта резкая, едкая вонь, исходящая от черной гадости на его морде.

Но я все равно смиренно стояла на месте, позволяя ему делать все, что вздумается. Пусть нюхает, сколько влезет, может даже на вкус попробовать, я не против, лишь бы он забрал меня отсюда.

Я не знала, чтобы со мной было не появиться здесь Ксэнар, но он здесь, теперь я чувствовала себя в безопасности и уже почти любила его за это.

Когда мы выбравшись из темноты, сошли с тропы, возвращаясь в реальный мир, живой, полный запахов и красок, рядом с которым тропа казалась стерильной подделкой, там уже царствовал рассвет. Жутко было даже представить, сколько мы бродили в темноте. Ксэнар, едва передвигал лапами, и я, из последних сил цеплялась за мех на его холке.

И еще страшнее было осознать, что путь наш был незавершен.

Вынырнули мы почти в десяти километрах от деревни по колено в снегу.

— Рахис вернется, — уверенно прошептала я, ощущая, как мороз пощипывает щеки, и шалея от этого чувства, — обязательно вернется в деревню за своими товарищами. И я его придушу.

Ксэнар согласно фыркнул, и мы медленно поковыляли вперед.

Я была совершенно измотана, морально опустошена и отупело равнодушно, хотя чувствовала, что должна собой гордиться.

Выбраться с волчьей тропы целой и невредимой — многим ли это по плечу?

Только Князю Волков, которого, по умолчанию, ни одна гадость не возьмет, и бешенной

Огневице, которую если какая гадость и попробует взять, то в лучшем случае просто подавится.

ГЛАВА XXIII. Жена Болотного царя

За окном шел пушистый легкий снег, когда работницы разбудили меня и, полусонную, отупевшую от переживаний, уснувшую всего пару часов назад, начали готовить к предстоящему обряду.

Сегодня мне суждено было стать женой и царицей и получить безграничное право портить Ксэнару нервы.

И вроде бы дело решенное, все уже не раз обговорено, все мои сомнения и страхи давно разбились о царскую невозмутимость, но я все равно нервничала.

Меня умыли, расчесали, обрядили в платье — мшисто-зеленое, со знакомой россыпью белых вышитых цветков на ткани...

Я много раз пыталась узнать, что меня ждет, как будет проходить обряд бракосочетания, что я должна буду сделать и к чему стоит быть готовой. Мне не говорили, только улыбались смущенно и жалостливо.

Правду выжать удалось, как ни странно, из Нэшара.

Даже болтливый Сэнар просвещать меня отказался категорически, подозревая, видимо, что, узнав все, я испугаюсь и сбегу...

Потому жертвой моей стал пастух. Он не очень долго сопротивлялся и легко признался, что никто мне ничего рассказать не сможет, так как никто не знает, что меня ждет. Царя с женой связывали сами Топи. Без свидетелей.

И мне сразу стало ясно, почему Сэнар так осторожничал...

Тем же вечером, едва дождавшись прихода Ксэнара, изучив за время ожидания во всех подробностях путь от входной двери до первой ступени лестницы, я с порога заявила о своем решении:

— Простите, вашество, но я за вас не выйду!

Ксэнар, не успевший даже в дом войти, так и замер.

— Опять?! — возмутился Сэнар, выглядывая из-за царского плеча. Ему эти метания надоели, казалось, даже больше, чем его брату, которому и приходилось умирять все мои страхи.

— Что на этот раз? — устало спросил Ксэнар.

— Я все знаю! — обреченно сообщила ему. — Какая может быть свадьба, если я совсем недавно так неуважительно отнеслась к Топям? Вы думаете, они меня одобрят после того, как я их ножиком... ну... того. По корням.

— Кто рассказал? — мгновенно ощетинился Сэнар, готовый открутить болтуну голову. Я отважно не сдала свой источник информации, с трагической решимостью принимая факт того, что замуж я уже не выйду. Никогда.

Потому что за царя меня Топи не отдадут, а никого другого мне было не надо. Я это очень отчетливо поняла, пока бродила по первому этажу, дожидаясь возвращения Ксэнара.

— Значит, к трону наперекор Топям за мной идти ты не побоялась, а замуж боишься? — прищурился Ксэнар. Он перешагнул порог, и я невольно отступила, споткнулась о ступень и села на лестницу.

— Но Топи же... Наше знакомство вышло не очень удачным...

— Я буду с тобой, разве этого недостаточно? Топи тебе не навредят.

Я не успела ответить, а из-за царского плеча рассерженной змеей уже шипел Сэнар:

— Только попробуй струсить. С Агнэ сама объясняться будешь.

И я содрогнулась. Расстроенная царевна, которая уже тренировалась звать меня мамой и получала непередаваемое наслаждение от моей на это возмущенной реакции, совершенно точно была опаснее любых Топей.

А Сэнар не замолкал. И царь, будто специально, его не одергивал.

— А за брата Вастэ отдам. Он, конечно, будет сопротивляться первое время, но уж мы с Вастэ быстро...

— Да поняла я! — перебила его, моментально вспыхнув. Даже понимая, что коварный эва специально про дочь рода вспомнил, я не могла себя сдержатъ. Оставалось только принять поражение.

Страх перед свадебным обрядом мерк на фоне ужаса при мысли, что Ксэнар достанется другой.

Я была малодушной, жадной собственницей.

Поэтому в столь ранний час, вместо того чтобы спать, топталась на крыльце дома, кутаясь в шубку из меха неведомой мне зверюги и дожидаясь повозки.

Работницы сказали, что она прибудет вот прямо сейчас, и сбежали в дом, бросив невесту одну в холодной темноте. Как велели им их традиции.

А я осталась мерзнуть, вяло радуясь, что сумела отвоевать шерстяные чулки, которые к свадебному платью не прилагались. Сначала мне не хотели их давать, но после недолгой баталии и требуемого с меня обещания, что я сниму их сразу же, как окажусь в тепле, и совершенно точно не покажу царю, я смогла-таки немного утеплиться.

И лишь благодаря этому, когда повозка все же подъехала, являя мне радостно улыбающегося Сэнара, сидящего на облучке, я не превратилась еще в ледяную статую.

— Только не говорите, что меня повезете вы, — простонала я, пряча покрасневший нос в пушистый ворот.

— Я, — гордо вздернул подбородок эва, круша мои хрупкие надежды. — Забирайся, мы уже опаздываем.

У меня были реальные шансы скончаться по дороге, так и не добравшись до места проведения обряда, а я этого очень не хотела. Но все равно залезла в повозку, укрыла ноги меховой накидкой и приготовилась к сумасшедшей поездке.

Сэнар не подкачал. Несся так, что мне казалось, запряженная в повозку нечисть просто запутается в ногах, загнанная нетерпеливым эва. Нечисть не запуталась.

Мы доехали. Едва не снесли створку ворот, когда выезжали из селения, но доехали.

Чуть не задохнувшись от страха я, довольный собой Сэнар и тяжело дышащая нечисть.

Эва помог мне выбраться из повозки, от полноты чувств поцеловал ладошку и, широко улыбаясь, просто пригвождая меня к земле своим счастьем, указал в сторону укрытых снегом белых деревьев:

— Тропинку видишь?

Я кивнула. Тропинка и правда была. Узкая, но утоптанная, ведущая куда-то вперед, в снежную неизвестность.

— Идешь по ней, никуда не сворачиваешь. Там тебя Ксэнар ждет, он объяснит, что делать.

— А может, вы...

— А я не знаю, — беспечно пожал плечами Сэнар.

Я нерешительно мялась, собираясь с силами, чтобы сделать первый шаг.

Помог Сэнар. Просто приобнял за плечи на мгновение, успокоивающе поцеловал в макушку и подтолкнул вперед.

— Пожалей брата, он там уже час ждет, — напутствовал меня он.

И я поспешила. Прошла мимо уснувших деревьев, опасливо прислушиваясь к мирной тишине зимнего леса.

Я ждала, что вот-вот из-под снега взметнутся корни и довершат то, что у трона помешал им сделать царь. И останусь я стоять здесь, на полпути к своей новой жизни...

Ни одно дерево не пошевелилось, и то, что порой еще преследовало меня в кошмарах, не Ксэнаршилось.

Я вышла на поляну, увидела Ксэнара в его неизменно черном наряде... Сложно мне было смириться, что для эва этот цвет считался праздничным. Он стоял у широкого ствола возвышавшегося посреди поляны дерева и ждал меня.

Невозмутимый, как всегда. И вроде бы даже не замерзший. Его полушубок, сшитый мехом внутрь, был растегнут, а изо рта дыхание вырывалось паром.

Путь до дерева я проделала под внимательным взглядом зеленых глаз.

Встретил молчанием и приложил палец к губам, когда я попыталась его поприветствовать. Пожаловаться на Сэнара, рассказать, как мне сейчас страшно и как больно бьется в ребра сердце. Все это мне пришлось проглотить и беспомощно кивнуть, принимая непонятные правила.

И, повинувшись жесту, протянуть холодные ладошки. Руки Ксэнара были теплыми и крепкими, они не тряслись, как мои, и не потели.

Я нервно выдохнула, когда он сплел наши пальцы и вытянул руки ладонями вниз.

И чуть не завизжала, когда снег зашевелился и на свет появились гибкие тонкие корни.

Мой самый страшный кошмар сбывался...

Я дернулась, но царь держал крепко.

— Не бойся, — велел он одними губами, легко перехватив мой мечущийся взгляд. — Я здесь.

Мне оставалось только сжать дрожащие губы и неотрывно смотреть в его глаза — так было проще. Почти даже не страшно. Только больно, когда корни полезли под кожу, оплетая запястье.

От истерики меня спасло лишь то, что Ксэнару приходилось переживать то же самое.

Когда все закончилось, а корни сами усохли и отломились, оставив во мне свою часть, сложившуюся под кожей тонким причудливым рисунком, я силно выдохнула и рухнула в объятия царя.

— Все закончилось, — негромко сказал он. Я посчитала это знаком к действию и разрыдалась.

Это было слишком. Просто слишком.

— Я на такое точно не подписывалась, — просипела, уткнувшись в рубаху на его груди и щедро орошая ее слезами.

— Все уже позади, — терпеливо повторил он, глядя меня по волосам. — Ты хорошо справилась. Нэна упала в обморок в самом начале церемонии.

— У нее тоже были эти корни под кожей? — спросила я сдавленно.

— Да.

— И у вас? — Я отстранилась и вытерла дрожащей ладонью щеки.

— Да.

— А почему я не видела?

— Они высохли в течение года после ее смерти.

— О... — Осмотрев свое запястье, я озадаченно нахмурилась. По ощущениям, ничего страшного не случилось. У меня ничего уже не болело, только кожа чуть вспухла и рука немного ныла, будто я ее ударила. — То есть это все? Теперь я царица?

— И моя жена, — значимо добавил царь.

— Вот вам и подтверждение правдивости наших обрядов, — пробормотала я, вспоминая проклятую нить красных бус. Подняла взгляд на Ксэнара. — Жена Болотного царя, подумать только.

И осеклась.

Такого взгляда у него я еще не видела. Почему-то вспомнились Болотные огни, мерцающие и манящие.

Ксэнар склонился ко мне, почти касаясь губами моих губ, и остановился. Просто застыл, требуя от меня сделать последний шаг.

Я от волнения дышать нормально не могла, а царь смотрел.

Болотные огни звали.

И я подалась вперед, прижавшись к его губам. Так и замерла, справедливо решив, что на этом свои подвиги можно и заканчивать.

И когда чужой язык настойчиво ткнулся в мои губы, раздвигая их, а сильные руки обхватили меня за талию, подтягивая ближе к теплому телу, основательно в него вжимая, сдавленно охнула.

Сначала я судорожно вцепилась в плечи царя, но шуба была жесткой и казалась ненадежной опорой, а мне очень нужно было за что-то держаться. Чтобы не снесло...

И я обхватила его за шею, сжала так, что даже самой дышать стало трудно.

Сердце судорожно билось в груди, металось, как ошалелое, и от этого было почти больно. И воздух кончался...

Когда Ксэнар разорвал поцелуй, я уткнулась носом в его шею. Спряталась и затихла.

На мгновение все показалось совершенно нереальным, и я сильнее вцепилась в царя, боясь, что он сейчас пропадет.

Ксэнар хмыкнул, касаясь губами моих волос, и бестолковый страх быстро ушел.

— Ты всегда такая смелая, а сейчас дрожишь.

— Вас бы замуж посреди леса за создание из всяких легенд выдавали, — проворчала я, испытывая непонятную потребность прижаться теснее. Сердце не успокаивалось, упрямо и сильно билось в клетке из ребер, но волнение уходило.

Я болталась на шее царя, едва доставая носочками сапожек до земли, и никак не хотела его отпускать. Была бы наглее, еще и ногами бы в него вцепилась.

Потому что, пока я держалась за Ксэнара, все было хорошо. Что может случиться, если я его вдруг отпущу, мне знать совсем не хотелось.

— Пора возвращаться, — прошептал он в мои волосы. И добавил странное: — Тебе

придется изобразить обморок.

— Это зачем еще? — подозрительно спросила я.

Ксэнар неловко пожал плечами.

— Так было всегда.

— Потому что Нэна лишилась чувств?

— А до нее моя мама и бабушка. И каждая избранница царя. До тебя ни одна царица не сражалась с Топями и ни одна не была отравлена их магией до свадьбы. Потому даже той малой части, что попадала в кровь во время обряда, было достаточно. Это стало традицией.

— И мне придется изображать обморочную... сколько?

— Пока мы не окажемся в спальне, — спокойно ответил Ксэнар, а у меня уши начали гореть. — Праздник начнется только завтра.

— Ладно... ладно. — Я отстранилась от него, продолжая цепляться за отворот шубы. — Давайте.

Он поднял меня на руки, прижал, коснулся лба теплыми губами и мягко велел:

— Глазки закрой.

Я подчинилась, обмякла и на всякий случай голову уронила на грудь, укрыв лицо волосами.

Сэнар вытаптывал дорожку вокруг повозки, но при нашем появлении остановился. Я не видела его, только слышала, как скрип снега оборвался.

— Ну как она? — с беспокойством спросил эва. — Как обряд?

— Все прошло хорошо. Рагда в порядке.

Сэнар выдохнул и спросил:

— Помочь забраться?

— Сам.

Несколько минут мы устраивались в повозке. Меня укутали, обняли крепче, и повозка тронулась.

На этот раз Сэнар не летел, будто по его следам гналась дикая охота. И до царского дома мы ехали дольше. И меня это более чем устраивало. Уткнувшись в плечо Ксэнара, я просто наслаждалась покоем.

Послушно обвиснув в руках царя, я вяло отмечала, как мы добрались до дома, поднялись к входной двери, а потом и по лестнице на третий этаж.

В спальне царь скомандовал:

— Можешь приходить в себя.

Я неохотно открыла глаза, осмотрелась и призналась:

— Не припомню, чтобы в вашем доме была такая комната.

Шторы на окнах были задернуты, не пропуская первых, еще робких лучей утреннего солнца, а густую темноту рассеивали свечи. Множество зажженных свечей.

— Пожароопасно, — заметила я и попыталась слезть с рук царя.

Меня не пустили, только поинтересовались зловеще:

— Куда?

— Ну так... осмотреться.

Большую кровать я видела и стол видела, на котором, очень интригующе прикрытый салфеткой, стоял поднос с едой.

— Потом все посмотришь, — решил Ксэнар и понес меня к постели.

Откуда нас недовольно поприветствовали:

— Явились-таки.

Я сдавленно взвизгнула, не сразу сообразив, что черное нечто на подушке — просто жаб.

— Что ты здесь делаешь? — хмуро спросил царь. Никого он сегодня не ждал и появлению постороннего совсем не обрадовался.

— За поцелуем пришел. У меня последний шанс пропадает. Раз уж принцесса скоро перестанет быть принцессой...

Ксэнару все же пришлось меня отпустить, чтобы вынести из комнаты жаба.

Тот орал и упирался.

Орал очень жалобно, а сегодня такой день был странный и замечательный, что я не выдержала.

— Подождите! Я его поцелую. — Перехватила царя около самой двери, вырвала из его рук затихшего жаба и, зажмурившись, быстро чмокнула его в шишковатый лоб.

Прошла секунда, другая... Ничего не изменилось. Жаб тарачился на меня своими круглыми глазами.

— Не вышло, — смущенно констатировала я.

Ксэнар молча открыл дверь, предлагая мне выпустить не расколдованного страдальца в коридор.

Жаб неудачу воспринял на удивление спокойно.

Посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом и спросил:

— А может, мне не принцесса нужна?

Я опешила, а жаб деловито поинтересовался у Ксэнара:

— А где ваш брат сейчас находится, не подскажите?

— На площади, помогает с подготовкой к завтрашнему празднику, — безжалостно сдал родного брата царь.

Жаб поблагодарил и ускакал прочь, уже предвкушая, как совсем скоро расколдуется от поцелуя прекрасного царевича.

— А может, Сэнара предупредить? — с сомнением спросила я, глядя вслед воодушевленному экспериментатору.

Мой порыв не был оценен. Дверь захлопнулась перед самым носом, а меня перехватили под грудью, оторвали от пола и потащили к кровати, зловеще сообщив:

— До завтра ты только моя.